

Библиотечка
ВОЕННЫХ
приключений

В. МЕЛЕНТЬЕВ

ИЕРОГЛИФЫ СИХОТЭ-ДЛИНЯ

В. МЕЛЕНТЬЕВ

ИЕРОГЛИФЫ СИХОТЭ-АЛИНЯ

ПОВЕСТЬ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1961

Виталий Григорьевич Мелентьев родился в 1916 году в городе Ленинграде, в семье служащего. После окончания семилетки работал слесарем, бригадиром ремонтников. Много ездил по стране. Был матросом, грузчиком, золотоискателем, работником газет и радио.

В 1937 году В. Г. Мелентьев был призван в армию, где в 1941 году вступил в Коммунистическую партию. В 1953 году он демобилизовался из рядов Советской Армии в звании подполковника.

Писать и печататься В. Г. Мелентьев начал в 1935 году. За последние годы им написано более 30 рассказов, опубликованных в различных журналах и газетах, в сборнике «Побратимы» (1955), а также повести: «Леший хребет» (1952), «Записки рядового» (1953), «33-е марта» (1957), «Трудный путь» (1957), «Солнце над школой» (1958), «Тихий участок» (1959).

В маленькой повести «Иероглифы Сихотэ-Алиня», предлагаемой вниманию читателей, говорится о жизни и службе солдат-связистов на отдаленном посту, затерявшемся в глухой тайге.

Рассказывая о повседневной службе солдат, автор умело переплетает реальную и романтическую стороны жизни связистов, говорит о тех происшествиях, которые происходили с солдатами седьмого поста. Удачно вставлена в повесть легенда о государстве Бохай.

1. ПОСЛЕДНИЕ ШАГИ

Лошадь грудью раздвигала кустарник и подлесок. Из-под ее дрожащих от напряжения ног лениво взлетали жирные, непуганные фазаны. Подергивая острыми хвостами, они опускались в жесткую, одеревенелую траву и, моргая белыми веками, искоса рассматривали потную рыжую лошадь, армейскую двуколку и подталкивающих ее усталых солдат.

На гравийной вершине перевала двуколка остановилась. Рядовой Александр Губкин, невысокий розовощекий паренек, вытер пот с чистого лба и, оглядываясь по сторонам, улыбнулся. Ему нравилось и светло-голубое, будто выцветшее на солнце, высокое небо, и соседние сопки в зарослях по-осеннему яркого разнолесья, и остроголовые вершины главного хребта Сихотэ-Алиня. Все было величаво-огромно и просторно. Саша глубоко вздохнул и подумал, что воздух в горах так чист и вкусен, что дышать им такое наслаждение.

Рядовой Почуйко покосился на Губкина, понимающе ухмыльнулся и, встав ногой на спицу

колеса, начал поправлять сползший брезент, которым была укрыта поклажа двуколки. Ему мешали вожжи, он отодвинул их в сторону. Лошадь почувствовала движение вожжей и переступила с ноги на ногу. Двуколка скрипнула и покатила назад. Колесная спица ушла из-под ног Почуйко. Он ухватился руками за веревки и закричал:

— Ратуйте!

Губкин решил, что Почуйко попал под колесо, и бросился ему на помощь.

Рослый, широкоплечий старшина Пряхин уперся спиной в задок двуколки и, краснея от натуги, медленно переступал ногами.

— Губкин! — хрипло выдохнул он. — Под колеса подкладывайте!

Губкин остановился, растерянно поморгал и кинулся разыскивать подкладку под колеса, но, как назло, ничего подходящего не находил. Перебирая ногами, старшина сползал все ниже и ниже. Лошадь испуганно заржала и, почуввав опасность, рванулась. Ездовой схватил ее под уздцы, но она попятилась, нажимая на оглобли. Удержать двуколку, казалось, было невозможно. Она должна была, подминая кусты и людей, гроыхая, покатиться вниз, в глубокий распадок. Саша понял это и, встав рядом со старшиной, плечом принял ее напор. Он был так силен, что Саше на мгновение показалось, что у него хрустнули кости, и он встревожился: «Неужели не удержим?..»

Почему-то не подумалось о том, что двуколка может смять, даже убить его, — это казалось не то что нестрашным, а, скорее, невероятным. В эту минуту Губкину важна была не своя судь-

ба, а что-то другое, несравненно более значительное и нужное.

В тот момент, когда и у Губкина, и у старшины уже иссякали силы, окованное железным ободом колесо скрежетнуло о вовремя подложенный рядовым Сенниковым камень, высекло искру и остановилось.

Бледный, перепуганный Почуйко сполз с двуколки на землю и стал прилаживать к колесу горный тормоз — плоскую железину, прикованную на цепь к оси. Старшина отошел в сторону, тяжело вздохнул, отряхнул зачем-то руки, покачал головой.

— Когда вы только взрослыми станете! — сдерживая раздражение, сказал он. — Все еще школьниками себя чувствуете.

Аркадий Сенников, красивый, высокий, стройный солдат, покривил тонкие губы и, процедив сквозь зубы: «Странно», подошел к лошади, хлопал ее по потному, все еще вздрагивающему крупу. Лошадь оглянулась, доверчиво заржала.

Губкин посмотрел на Аркадия, смутился, покраснел. Он, как и Сенников, действительно лишь в прошлом году окончил десятилетку в Москве и, не попав в институт, пошел в армию без всякой специальности. А Почуйко, хотя и успел после восьми классов поработать в колхозе, тоже недалеко ушел от своих сослуживцев. И сейчас, растерянно посматривая на старшину, он вдруг весело и доверительно улыбнулся:

— Та мы зараз подрастем, товарищ старшина. Были б только харчи хороши да нарядов поменьше. А так мы быстро...

Старшина досадливо пожал плечами, промолчал.

— Перестань клоуна корчить, Почуйко,— сердито сказал Аркадий.— Не смешно.

— А ты не смейся,— не смутился Почуйко.— Ты дуйся больше, может, на сержанта выдуйся.

— Знаешь, не болтай,— угрожающе сказал Сенников.

— Ох, спужался. Ты думаешь, как ты с Москвы, а я с Кубани, так ты уже и кум королю? Це дило ще трэба разжуваты.

Тяжело дыша, Пряхин смотрел на бойцов и с горечью думал о том, что возни с этими, в сущности, совсем не знакомыми ему молодыми солдатами будет очень много. Он резко взмахнул рукой:

— Прекратите разговорчики!

Молчаливый ездовой хлестнул лошадь длинным гибким хлыстом. Двухолка перевалила водораздел.

2. НОВЫЙ ДОМ

За перевалом дорога пошла под уклон. Коренастый, с круглым загорелым лицом Андрей Почуйко без напоминания подложил под колеса горный тормоз, подозвал Губкина, и они пошли рядом, слева от лошади.

Разноцветными яркими пятнами увядающей листвы горели колки лиственных деревьев. Темно-зелеными островками плыли в мареве струящихся испарений заросли сосен, лиственниц и елей. На голову выше всех, отсвечивая на солнце темной бронзой стволов, стояли кедры.

— А ведь ты верно говорил — красиво здесь! Просторно, — милостиво, словно соглашаясь

с кем-то после долгого спора, сказал Почуйко.— Правда, в степу просторнейше, но и тут дуже хорошо.

Не то что горы и степи, а даже чистенькие, насквозь исхоженные дачниками Подмосковные леса были для Саши Губкина не слишком близкими знакомыми. Он бывал в них только осенью, когда с матерью и сестренками ездил за грибами. И все-таки уверенно ответил:

— Не-ет, Андрей, здесь все равно красивей,— и сейчас же смущенно поправился:— Хотя и степь, возможно... Я у Чехова читал...

Они замолчали. Ездовой причмокнул, для порядка подстегнул лошадь хлыстом и закурил. Андрей немедленно пристроился к нему, занял табачку. Губкин, стараясь дышать глубже, полной грудью, вглядывался в медленно разворачивающиеся бока дальних сопок и склонов главного хребта, в путаницу долин и распадков, в которых поблескивали на солнце горные речушки, и даже в голубеющее небо. Но в нем не было ничего, кроме тоненького сизого дымка. Он тянулся от подножия пологой сопки — ровный, негнибающийся. Губкин вздохнул, завидуя тем, кто сидит сейчас у костра. Наверное, это бывалые таежники, может быть, охотники или искатели женьшеня. Нагорная тайга знакома им до последнего дерева, и они не видят в ней ничего таинственного и жутковатого. Просто — это место их интересной работы. А ему еще предстоит с ней знакомиться, и сойдутся ли они характерами — еще не известно.

— Где же мы жить будем, товарищ старшина? — спросил Аркадий Сенников, шагающий справа от двуколки и поэтому невидимый Губкину.— Неужели на такой высоте?

Сенников говорил спокойно, но в его голосе едва заметно пробивались капризные нотки.

— Нет, пониже.

— Но все-таки не в долине?

— Скоро увидите.

— Я почему спрашиваю, товарищ старшина...— все так же капризно тянул Аркадий. Ведь здесь зимой ветры, говорят, бешеные. И если мы будем на высоте, то...

Пряхин отвечал неохотно, отрывисто, поводя натруженными плечами, и казалось, что он сердится:

— Ничего... Место нам определено на южных скатах. А ветры здесь северные... преимущественно. Понятно? От восточных нас прикроет главный хребет.

— Боюсь, что на таком взлобке все ветры будут... преимущественные,— уже сердито отрубил Сенников и засвистел.

«Почему он такой уверенный в себе? — подумал Губкин.— Всегда скажет последнее слово, всегда сделает все по-своему. И за себя постоять умеет. А я обязательно застесняюсь или струшу. И в школе я какой-то не такой был... Даже в футбол не играл.— Саша вздохнул и опять взглянул на сизый дымок, который так же ровно тянулся вверх.— Вот ведь живут люди в настоящей тайге и ничего не боятся, а мне, когда назначили идти на пост, стало страшно. А почему? Ведь я же ничего еще не знал, а все равно сердце сжалось. А здесь красиво».

Шуршала опадающая листва, всхрапывала лошадь, мягко поскрипывала двуколка.

— Принять вправо! — крикнул Пряхин.

Ездовой натянул вожжи, лошадь покорно повернула вправо. Неподалеку, карабкаясь на

склоны сопки и пропадая в просеках, побежала шеренга ослепительно-желтых, новеньких телеграфных столбов.

— Нажимай! — веселея, крикнул Пряхин.

Лошадь, почуяв под ногами старую хрящеватую дорогу, рванулась вперед, и Андрей Почуйко, крикнув: «Тю, скаженная!», снял горный тормоз. Двуколка весело затарахтела по корневищам и камням.

Минут через двадцать дорога вышла на порубку. Наверно, все эти новенькие телеграфные столбы, что так резво взбирались на склоны сопки, росли когда-то на этой порубке. На ее краю стоял особенно толстый, усиленный подпоркой столб. С него свешивался парный провод с закрученными в кольцо концами. Неподалеку от столба был вход в землянку. Стекла ее окна ослепительно отсвечивали на солнце, и оттого землянка казалась веселой и доброй, словно соскучившейся по жильцам. С другой стороны столба чернел закопченный очаг с двумя рогульками, лежал патронный ящик с бурыми мазками крови на боках. Вокруг большого плоского камня стояли обрубки бревен. Видно, камень служил строителям линии столом, а обрубки бревен — стульями.

— Сто-ой! — все так же весело крикнул Пряхин.

Солдаты остановились, молча огляделись.

Метрах в ста от стоявшей на пологом гравийном склоне землянки неслась горная речушка. Над ней, провисая почти до самой воды, вытянулся узенький мостик с матово поблескивающими на солнце, точно лакированными перильцами. За рекой тянулась лесистая долина, а дальше поднимались отроги главного хребта. Вправо нахотлилась пнями порубка, за ней вста-

вала золотисто-зеленая стена леса. Влево кустарник, потом почти голые, крутые горные склоны. В расселине между ними неслась тугая, резко сузившаяся здесь, глухо ворчащая река. За расселиной она в пене и солнечных бликах вырывалась в долину и разливалась свободно и лениво. За этой долиной поднимались новые разноцветные сопки.

Губкин посмотрел на них с тревогой — тоненького, как тростинка, дымка над этими дальними сопками уже не было.

— Странно...— задумчиво сказал он.

— Не странно, а скучно,— процедил Сенников и отвернулся.

— Что странно? — переспросил Почуйко.

— Да вот, понимаешь, над той сопкой был дымок, а сейчас пропал.

— А что же это я не бачив дымка...

— Ему померещилось,— через плечо бросил Сенников.

— В самом деле, какой дымок? — вмешался Пряхин.— Где?

— Вон там, товарищ старшина,— показал Губкин,— тоненький такой. Вы его заметить не могли — он от вас двуколкой был загорожен. А я смотрел и думал.

Сенников сердито шепнул Почуйко:

— И чего, дурак, болтает... Старшина потом выяснять погонит — не нарадуешься.

И уже совсем другим тоном уверенно произнес:

— Да не было там никакого дымка, ему просто померещилось. Вон и Почуйко ничего не видел.

— Вас не спрашивают, Сенников. Помолчите! — остановил его Пряхин.— Так вы точно видели дымок, Губкин?

Губкину почему-то стало стыдно, будто его уличили во лжи.

— Да... точно, товарищ старшина. Видел я дымок,— он помолчал и робко добавил:— Ну не мог же я ошибиться...

«Вот и начинается возня с этими неоперившимися птенцами»,— поморщился Пряхин.— Послушайте, товарищ Губкин, ведь вы же солдат. Вы должны уметь ответить командиру точно и ясно. Понятно? — терпеливо объяснял он, и в его серых, глубоко сидящих глазах мелькнула усталость.— Ведь от вашего ответа может зависеть командирское решение, а значит, и ваша судьба. А вы и доложить забыли и сейчас путаетесь. Понятно? Отвечайте точно — был дымок или не был?

— Да... Был как будто дымок...— Саша краснел все сильнее и сильнее. Руки почему-то мешали ему, он начал теревить подол гимнастерки.— Видел я дымок. А вот куда он делся...

— Видел...— насмешливо протянул Аркадий Сенников и вскочил с обрубка.— Померещилось, а теперь всех путает.

Молчаливый ездовой яростно сплюнул под ноги, с силой потянул на себя веревку, которой был укреплен брезент на двуколке, и сердито сказал:

— Был дым. Я видел. А сейчас пропал.

И ездовой и сразу обрадовавшийся Губкин показали Пряхину направление. Старшина долго смотрел на разноцветные склоны сопки, потом пожал плечами:

— Странно... Строители ушли давно. Охотники сюда вряд ли придут — знают, что стройка шла, дичь распугана. Да если б и забрели, так днем, им костер жечь некогда — охотиться нужно. Искателям женьшеня — то же самое. Ну, кто еще? Геологи? Но они всегда лагерем становятся

и, если уж начнут костер жечь, так надолго. А населенных пунктов километров на пятьдесят в округе нет.— Старшина прихватил большой сильной рукой тяжелый подбородок, опять пожал плечами и добавил:— Во всяком случае, наблюдайте. Знаете сами — побережье здесь недалеко. Сразу за главным хребтом. Мало ли кого можно там высадить. В общем — посмотрите.

Ездовой, Почуйко и Губкин притихли, с опаской поглядывая на дальние сопки. Никто уже не замечал ярких осенних красок. Горы казались хмурыми и затаенными.

— Ну что вы, товарищи! — Аркадий рассмеялся.— Ведь от тех сопки до нас — день ходьбы. Значит, волноваться можно только с завтрашнего дня.

Всем сразу стало ясно, что Сенников прав, и солдаты, улыбаясь ему, повеселели. Даже старшина Пряхин посмотрел на Сенникова почти с уважением. Этот упрямый парнишка, кажется, и самый находчивый, и наиболее самостоятельный из всех его подчиненных, а такие люди Пряхину нравились: из них выходили отличные солдаты и хорошие командиры. Аркадий сразу уловил смену настроений и, казалось, даже мысли старшины и все так же весело, даже озорно, словно подчеркивая свое бесстрашие, предложил:

— Давайте разгружаться, товарищ старшина. Время позднее, а ездовому долгий путь.

И опять он сказал самые нужные и самые дельные слова, не подчиниться которым было просто невозможно. Наверное, поэтому никто не удивился, когда Аркадий начал покрикивать на товарищей, принявшихся разгружать двуколку,

а старшина подумал: «Может, и в самом деле в сержанты его готовить?»

Но он сейчас же вспомнил слова Почуйко, сказанные Аркадию на перевале: «Ты дуйся больше. Может, на сержанта выднешься», — и решил повременить. Он знал, что люди, желающие командовать, не всегда умеют делать это. Старшина вздохнул и подошел к двуколке.

На самом верху груза, на полушубках, лежали телефонные аппараты. Пряхин взял один из них, присоединил к свисающим со столба проводам и продул трубку. Как и многие командиры, старшина не любил, когда подчиненные слышат его переговоры со старшими. Старый связист, он знал, что даже случайно оброненное слово, даже тон, которым оно было произнесено, иногда может выдать военную тайну или повлиять на людей — породить ненужные разговоры, сомнения или неоправданные надежды. Немногословный во время несения службы, старшина дождался, когда солдаты занялись разгрузкой и не могли его услышать, покрутил ручку аппарата и негромко позвал:

— Алло! Восьмой пост... Восьмой! Коммутатор? Товарищ капитан? Докладывает старшина Пряхин. Прибыли благополучно. Разгружаемся. Ездового отправлю сегодня же. Пост номер семь принял в порядке.— Он помолчал, прислушиваясь к ответу, и добавил: — В районе сопки Кабаньей, левой километра три, на юго-западных скатах был замечен дым костра, который исчез, как только мы вышли на дорогу.— Он опять помолчал и, выслушав ответ, кивнул: — Понятно, слушаюсь, товарищ капитан. Ничего не скрою.

Затем Пряхин вызвал шестой пост и сообщил

о появлении дымка. Положив трубку, он подошел к солдатам и спокойно сказал:

— Все в порядке, к линии подключился. На других постах гарнизоны тоже приступают к службе.

Солдаты молча посмотрели на него, и испещренная грязно-серыми пятнами костров гравийная сопка уже не показалась им загадочной и недоброй. Справа и слева были свои. С ними всегда можно связаться по телефону.

3. НОЧНЫЕ ТЕНИ

Имущество в землянку решили не переносить: в ней пахло сыростью и нежилью.

— Наведем порядок, подремонтируем — тогда и вселимся, — решил Пряхин, — а пока в палатке поживем.

Двуколку разгрузили прямо на расстеленный на земле брезент. Консервы, цинки с патронами, телефонный провод, мешок с мукой, постели и ящик с толом — все сложили в кучу. Сенников накрыл эту грудку полушубками и плащ-палатками.

Ездовой попрощался за руку с солдатами, отдал честь старшине, закурил и пошевелил вожжами. Уже привыкшая к тяжелой поклаже, лошадь напряглась и рванула. Пустая двуколка подпрыгнула на камнях, ударила ее по задним ногам. Лошадь испуганно заржала и упала на передние ноги.

Это было так неожиданно и смешно, что Губкин расхохотался, а Почуйко привалился спиной к столбу и застонал:

— Ой, не могу!.. То ж выходит, не она нас везла, а мы ее в гору вытолкали.

— Трактор... полусильный,— сдержанно пошутил Сенников, поглядывая на добродушно посмеивающегося старшину.

Только обиженный ездовой молчал. Он помог лошади подняться на ноги и, схватив ее под уздцы, повел к дороге.

Глядя на его поношенную стеганку и старенький с поцарапанной ложей карабин, на дребезжащую и подскакивающую двуколку, Саша Губкин понял, что смеяться ему не хочется. Вместе с этим ездовым, с двуколкой от него уходило все прошлое — не только московский дом, а даже казарма, даже соседний пост. Они оставались одни в глухой нагорной тайге.

Этот резкий переход от безудержного веселья к тихой грусти уловил старшина и понял, что наступил тот момент, когда нужно сразу, раз и навсегда взять в руки своих солдат, подчинить их твердой командирской воле, чтобы с первых же минут жизнь на далеком седьмом посту была по возможности точной копией теперь уже далекой казарменной жизни. Ничто, никакие события и перемены не должны были поколебать суровой и справедливой воинской дисциплины и порядка. Старшина быстро застегнул воротничок гимнастерки, подтянулся и крикнул в спины провожающих взглядами ездового и двуколку при молкнущих солдат:

— Становись!

Солдаты встрепенулись, привычно нашли свои места в маленьком строю. Правофланговый Сенников, потом Губкин и замыкающий Почуйко. Все трое очень разные и в то же время чем-то неуловимо похожие друг на друга. Старшина

подождал, пока они приведут себя в порядок, внутренне подбирая верный и нужный тон, которым следует отдать команду. Крикнешь громко, как когда-то перед строем роты, выйдет смешно, и смех этот не выбьешь потом никакими строгостями. Отдашь команду тихим голосом — могут подумать, что он как бы предлагает установить легкие, панибратские отношения. Это еще страшнее, чем смех. Нужен был единственно правильный для данной обстановки тон, и старшина отыскивал его.

Солдаты не знали об этих поисках своего командира и торопливо расправляли гимнастерки, счищали случайно приставшие травинки. Когда почти все было закончено, старшина подобрался, словно сжался, и мягко, но с легким металлом в голосе произнес:

— Равняйся!

Но металла еще явно не хватало, и солдаты, чувствуя это, повернули головы вправо не слишком быстро, словно решив в душе, что все это построение, команды — одна лишь форма, которая в новых условиях не так уж важна и нужна. Пряхин уловил это движение и, заранее приготовившись увидеть его, сделал то, что думал сделать раньше. Он резко сократил паузу, необходимую для выравнивания в большом строю и властно, отрывисто бросил:

— Смирно!

Это отсутствие привычной паузы, этот властный, решительный тон сразу сказал солдатам, что построение серьезно и поход в сопки не изменил их судьбы. Они резко повернули головы, замерли.

Старшина уловил и это движение душ своих подчиненных, и, чтобы сохранить и упрочить его,

опять, вопреки традиции, сократил паузу, и заговорил все так же властно, отрывисто:

— Седьмой пост считаю принятым. Понятно? Приказываю приступить к несению службы.

Он примолк, заглядывая в настороженные глаза подчиненных, и уже мягче продолжал:

— Слушай обстановку. На побережье начинаются учения. Установлено, что главный хребет Сихотэ-Алиня зачастую мешает или даже не допускает радиосвязи. Понятно? Поэтому на нашу линию... возлагается особо ответственное задание. Учтите, что противоположная сторона, — Пряхин прищурился и чуть наклонился к строю, чтобы люди лучше поняли, что скрывается за этими мудреными словами «противоположная сторона», — по сведениям разведки, тоже сосредоточила свои корабли... Возможно, для учений. Поэтому от нас требуется бдительность, точное несение службы и дисциплина.

После этого Пряхину, чтобы усилить впечатление, хотелось назвать своего заместителя. Внутренне он был почти убежден, что для этого больше всего подходит Сенников. Старшина взглянул на него и увидел, что глаза Сенникова улыбаются насмешливо и покровительственно. Это было так неожиданно и почему-то так обидно, что старшина нахмурился и недовольно бросил:

— Вольно... Вопросы есть?

Вопросов не было. Заполняя неловкую паузу, скрывая внезапно возникшую обиду, Пряхин спросил:

— Сенников, это вы распорядились сложить все в кучу?

— Да. А что?

— Во-первых, не «да», а «так точно». А во-вторых, если сегодня вам придется вести бой, где вы возьмете патроны?

Сенников смотрел на старшину прямо, взгляд у него был смелый, ясный, это особенно не понравилось Пряхину. Он нахмурился, а Сенников усмехнулся:

— А он обязательно будет, товарищ старшина?

Пряхин понял, о чем думал Сенников, когда задавал этот каверзный вопрос: «Понятно, товарищ старшина, сразу начинаете дисциплину подтягивать? Ну да здесь не казарма. Обойдется».

Этот внутренний, только им двоим понятный разговор был опасен. Старшину он застиг врасплох. Но старшина не мог не то что признаться, а даже показать это. Он равнодушно отвернулся от Сенникова и приказал:

— Рядовой Почуйко, отройте ровик для боеприпасов и отдельно для канистр с керосином. Хранилище для тола сделаю сам. Все замаскировать...

Почуйко дернул гимнастерку за подол, хотел было приложить руку к ушанке, но потом вспомнил, что он в строю, ухмыльнулся:

— Слушаюсь. Але где ж копать?

Пряхин указал места, потом посмотрел на Губкина, и тот, не ожидая приказа, подтянулся и с веселой, еще мальчишеской готовностью уставился на старшину.

— Вам, товарищ Губкин, оборудовать палатку, согреть чай, а потом приготовиться к дневальству.

Рядовому Сенникову...— Аркадий выпрямился, но посмотрел не на старшину, а несколько поверх его ушанки из искусственной цигейки. Пряхин знал, о чем думал Сенников: «Сейчас вы, товарищ старшина, подберете мне работенку понеприятней: надо же наказать... если не за нарушение дисциплины, так за недозволенные мысли».

И потому, что мысли эти нужно было сломить, а Сенникова обескуражить, Пряхин дал ему самое легкое задание:

— Рядовому Сенникову приготовить подстилку в палатку и принести воды.

— Слушаюсь,— с деланным спокойствием, но все-таки несколько удивленно ответил Аркадий и добавил то, что не догадался добавить ни один солдат: — Разрешите выполнять?

Пряхин кивнул головой и, когда Сенников стал спускаться к реке, проводил его долгим, изучающим взглядом, потом взялся рассортировывать багаж, откладывая в сторону полушубки, плащ-палатки, связки запасного обмундирования и белья — все, из чего можно было устроить постель.

Саша Губкин сходил к порубке, вытесал из подлеска несколько кольев, соединил застежками две плащ-палатки и укрепил их на кольях. Третью плащ-палатку он сложил угольником и сделал из нее заднюю стенку жилья. Когда Сенников принес большую связку уже подсохшей травы, он расстелил ее на земле, покрыл сверху тремя полушубками и одеялом.

— На такой постели и подъем проспишь,— сказал Почуйко.

В долине реки накапливался туман. По склонам сопок поползли фиолетовые тени, а снега на вершинах вспыхнули ослепительно-оранжевым светом. Потом они порозовели, стали голубоватыми, а когда в закопченном очаге под чайником разгорелся костерчик, снега померкли и казались уже затерянными облачками.

Может быть, потому, что все вокруг было покойно, мягко, почти ласково, ужинали молча. Потрескивал костер. Снизу доносился лепет воды. Прихлебывая чай из кружки, Пряхин искоса рассматривал осунувшиеся, сонные лица солдат и, поддаваясь настроению, теплея сердцем, подумал: «Молодые они очень, почти мальчики. Ох, нелегко им придется, особенно зимой. Приберегать их нужно.— Он вздохнул.— А как приберегать? — И сейчас же ответил себе: — На себя побольше брать».

В недалеких кустах раздались отчаянный писк, клетот, шум крыльев и снова уже замирающий писк. Солдаты встрепонулись. Сенников вскочил с обрубка бревна, выхватил из составленного в козлы оружия свой карабин. Нагнувшись чуть вперед, вскинув оружие, он смотрел в сумрачную тишину прищуренным взглядом. Его подтянутая, освещенная костром фигура была напряжена, как перед броском, и так красива, что даже старшина залюбовался своим строптивым подчиненным.

«Ох и хороший солдат со временем будет»,— подумал он, а вслух мягко произнес:

— Сова кого-то прихватила. Может, бурундучка, а может, фазанью курочку.

— А я, понимаешь, думал — медведь... — дурашливо вздохнул Почуйко.

Сенников поставил карабин в козлы, иронически улыбаясь, посмотрел на Андрея, но промолчал. Старшина отметил эту необычную для Аркадия слегка горделивую сдержанность и сказал:

— Вообще, товарищи, каждому придется дневалить. Так что учтите: сюда и медведь может подойти, и рысь, и пантера, и даже тигр. Ухо держать остро. — Он потянулся и приказал: — А теперь спать, товарищи. Завтра подъем, как всегда: в шесть. — И, перехватив Сашин взгляд, разъяснил: — Вы тоже ложитесь, Губкин. На дневальство я вас разбуду.

Оживленные, почти веселые, солдаты нехотя поднялись из-за стола. Лениво подбрасывая в костер сухие ветки, Пряхин долго слушал, как они переговариваются и смеются.

«Вот так и сдружатся, — думал он. — И опасности одни, и работа одна... Чего же ссориться?»

Он успокоился и прислушался. Все так же невнятно лепетала река, потрескивали сучья в костре. Издалека доносилось уханье ночной птицы. И все-таки тишина казалась такой густой и таинственной, что Пряхину стало не по себе.

С неба то и дело срывались звезды, украшая бледно-желтыми росчерками темное небо. Беззвучно-стремительный, внезапно рождающийся, а потом словно растворяющийся в огромном небе полет метеоритов только усиливал смутную тревогу. Старшина встал, отошел от костра к телефонному столбу. Зрение начало привыкать к темноте, он различил пятна кустарника и даже склоны сопки.

После полуночи он поднялся, чтобы разбудить Губкина, и вдруг увидел внизу, почти у са-

мой реки, зеленоватый блеск чьих-то глаз. Пряхин осторожно вскинул карабин, щелкнул затвором. Зеленые огоньки пропали, в белесом, редком тумане проплыла чья-то тень. Послышалось чавканье и сопение.

Пряхин посидел возле столба еще минут двадцать, потом разбудил Губкина и предупредил:

— Внизу, за рекой, наблюдал движение. Приглядывайте.

Сонный Губкин встрепенулся, испуганно и доверчиво посмотрел на старшину:

— А кто там? Как, по-вашему?

— Трудно сказать... Вообще... посматривайте. Понятно?

4. КТО ЖЕ ТРУС?

Сдерживая почти непрерывную мерзкую дрожь, возникающую не то от неуверенности в себе, не то от предутреннего холода, Губкин сидел возле телефона и всматривался в темноту. Приречный туман стал гуще. Река точно вышла из берегов и начала подниматься вверх. Белесые, бесшумные волны захлестывали ближний лес, заливали кустарник. Из этого светло-серого потока, как крик о спасении, часто доносилось жуткое гуканье ночной птицы.

Чем чаще кричала эта невидимая птица, тем отвратительней чувствовал себя Саша. Поначалу ему казалось, что кричит вовсе не птица, что это — условный сигнал к нападению на пост и что его уже обходят сзади. Тогда он резко оборачивался, нырял в жесткий бурьян, как в воду, прикидал к земле, прислушивался. И в самом деле, на верхней порубке подозрительно шурша-

ли опавшие листья, робко потрескивали сучья. Губкин изготавливался к бою, затаивал дыхание. Но в это время становилось так тихо, что он слышал, как гулко бьется его сердце. Обостренное зрение улавливало очертания ближних, еще не залитых туманом кустарников, гребень перевала и небо, усеянное крупными звездами, между которыми то и дело проносились метеоры.

Саша опять садился у телефона и, успокаиваясь, смотрел поверх тумана в слабо мерцающее небо.

В эту ночь было особенно много падающих звезд. Они бороздили небо то робкими росчерками, то ослепительно яркими полукружьями. Иногда с неба срывался особенно крупный метеорит. Его раскаленная сине-алая головка, разбрызгивая яркие искорки, беззвучно неслась, казалось, к самой земле, но, вспыхнув, тоже растворялась в темноте ночи.

«Звездный дождь,— подумал Саша.— Он почти всегда бывает осенью, когда земля проходит мимо остатков какой-то развалившейся планеты».

Уже под утро, когда звезды стали меркнуть, а на дальних вершинах явственно проступили почти фиолетовые пятна снега, усталый, изнервничавшийся за ночь Губкин увидел, как из поднимающегося тумана вывалилась большая, безмолвная тень и полетела прямо на землянку. Саша вскочил и вскинул автомат. Безмолвная тень вдруг заорала таким противным, надрывным голосом, что Саша пригнулся, точно спасаясь от самолета. Почти сейчас же в близких кустах захлопали крылья. Стайка фазанов поднялась в воздух и перелетела к порубке.

— Тыфу ты черт! — в сердцах выругался Саша.— Проявляй здесь бдительность. Ты диверсанта ждешь, а тут... птица.

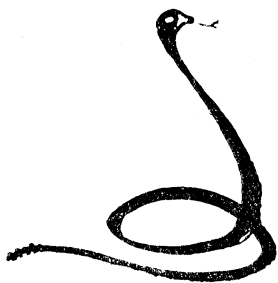
Он вытер потный лоб и с горечью сказал:

— Ну как мне научиться не бояться? Ведь до того же противно, просто сил никаких нет.

Быстро светало. Снежные пятна зажглись розоватым светом далекой зари и наконец вспыхнули ослепительно ярким белым огнем; из-за моря встало солнце и осветило вершины гор. Туман редел и тянулся по течению в горловину узкого ущелья. Саша поежился и начал было разжигать потухший костер, но резко обернулся: в палатке кто-то испуганно закричал странным, сдавленным голосом. Губкин бросился было к палатке, но ему навстречу вылетел босой, в одном нижнем белье Сенников. Точно защищая грудь, он обеими руками держал перед собой одеяло. Широко открытые глаза не мигая смотрели в одну точку. Брезгливо оттопыренная нижняя губа чуть вздрагивала.

— Змея... Змея...— почему-то шептал он.

В палатке медленно раскручивала кольца небольшая, почти черная змея. Покачивая изящной плоской головкой, посвечивая желтоватой грудью, она словно струилась вверх и угрожающе шевелила хвостом, на котором, как на стержне, были наизаны костяные шайбочки. Они постукивали и шуршали, будто пуговицы в коробке.

«Укусит!» — мгновенно решил Саша, схватил лежащий у костра топор и замахнулся. Но из палатки прямо под ноги Губкину колом выкатился Почуйко, и Саше не пришлось нанести удар.

В этот же момент из-под полушубка, на котором спал Почуйко, медленно стала выползать большая серая

змея. Сенников как зачарованный не двигался с места и, сам того не замечая, медленно поднимал левую ногу. Но серая змея, не обращая на него внимания, стремительно бросилась на черную. Та зашипела, отшатнулась и, распуская кольца, пустилась наутек. Неуловимо струясь по скомканным постелям, серая бросилась вдогонку.

Обе змеи проползли мимо Пряхина и исчезли. Старшина выскочил из палатки и вместе с солдатами настороженно стал перебирать и рассматривать одеяла и полушубки. Змей в них больше не было.

Никто не заметил, как в палатку вернулась серая змея. Она возбужденно вертела головой, часто выбрасывая раздвоенный язычок. Казалось, что она облизывается. Змея деловито обползла остатки постелей и свернулась в кольцо у входа. Пробраться под полог теперь казалось невозможным, а убить этого нежданного серого мощника что-то мешало.

Еще не очнувшиеся от сладкого зоревое сна, люди нерешительно топтались перед входом в

палатку. Сенников опустил наконец поднятую ногу и нерешительно спросил:

— Что же это такое?.. А?

Старшина молчал. Почуйко, присев на корточки, склонил голову набок и внимательно рассматривал серую змею. Потом он покосился на Сенникова и насмешливо сказал:

— Будьте добры отложить свою одеялу. Она вам как раз ни к чему. И не греет и не светит. И кричать сейчас не трэба.

— Брось ты! — рассердился Сенников, совсем забыв, что он не кричал, а только шептал. — Под тебя бы гремучая змея подползла. Ты бы не так закричал. Да еще спросонья.

— Под меня тоже как раз подползла. Осчастливила. Но у меня не кусачая, а у тебя погремучая. — И, совсем забыв о прошедших страхах, неунывающий Почуйко добавил: — Вот бы в казарму таких змеюк! Дежурному и «Подъем» кричать не придется: сами все вскочат. Вроде как по тревоге!

Все засмеялись неловко и настороженно. Сенников закусил губу и стал складывать одеяло. Никто не заметил, как из кустарника вышел паренек лет четырнадцати в стеганой куртке, мягких охотничьих сапогах — ичигах, с мелкокалиберной винтовкой на плече. Он подошел к палатке, осмотрелся и, осторожно кашлянув, спросил:

— Ужака приручаете?

Все четверо обернулись. Паренек смотрел на них немного удивленными, светло-серыми глазами под длинными ресницами. Загорелое чистое лицо с чуть выпирающими скулами было усталым, а на легком золотистом пушке верхней губы дрожали росинки пота.

— Что это за «ужака»? — строго спросил Пряхин.

— Ну... Уж. Змея такая. У нас в деревне их вместо кошек держат.

— То есть как держат? — все так же строго уточнил Пряхин.

— Так и держат... — смутился мальчик и торпливо пояснил: — Он же тараканов и мышей ест. А, главное, змей он не терпит. Как только заметит ядовитую змею, так сейчас же начинает с ней драться. А он же здоровый и обязательно побеждает. Так что змеи его боятся.

— Ну и как же с ним обращаются?

— А никак не обращаются. Живет и живет в доме. Детвора с ним играет, молока ему дают, мяса. И все знают: если в доме живет уж, ни одна змея, ни один ядовитый паук и близко не подлезет. Вот я и думал, что вы тоже приручаете...

Мальчик нерешительно посмотрел на трех взрослых парней в нижнем белье и на одного одетого в форму солдата с топором в руках и принял его за начальника. Губкин поймал вопросительный взгляд мальчика и вдруг вспомнил, что он дневальный и обязан не только остановить неизвестного, но и проверить, что это за человек. Досадуя на свою ошибку, он спросил:

— Вы, собственно, откуда?..

Этот официальный вопрос заставил остальных вспомнить, что они в белье. Почуйко покосился на змею и, взмахнув руками, прикрикнул:

— Кыш ты! Кыш! Кыш...

Уж поднял голову, покосился немигающим взглядом на Андрея и покорно отполз в сторону.

Андрей юркнул в палатку и стал передавать Пряхину и Сенникову их одежду.

— Я? — переспросил паренек и тоже смутился.— Сейчас из тайги, а вообще-то издалека. Километров за семьдесят.

— А здесь что делаете? — спросил отрывисто Пряхин, надевая гимнастерку.

— Я к вам шел. Вернее, мы вдвоем шли...

— Кто это «мы»?

Паренек покраснел, глаза у него влажно заблестели.

— Ну мы... Вдвоем с моим дядькой. Мы вас вчера заметили на дороге и только с сопки сошли, а у него нога и подвернись. Вгорячах он еще с полкилометра прохромал, и все. Сел.

— Как это сел? — все еще строго, отрывисто переспросил Пряхин.

— Так. Сел и сидит. Костер разжег, чтоб я его не потерял, и сидит.

Солдаты переглянулись, Почуйко насмешливо протянул:

— Выходит, был дымок.

Все еще бледный Сенников упрямо наклонил голову.

Пряхин внимательно оглядывал худенькую ловкую фигурку мальчика, его тщательно и умело пригнанное охотничье снаряжение — котомку, охотничий кинжал и топорик за поясом. Мальчик недоумевающе посмотрел светлыми и чистыми глазами на солдат, на старшину и опять обиженно покраснел. Губкин заметил это и, положив ему руку на плечо, спросил:

— Когда же ты к нам шел, если дядька повредил ногу еще вчера?

— А я ночью шел.

— Один?! — Саше разом вспомнилась только что пережитая ночь со всеми ее страхами, и он взглянул на мальчика почти с восхищением.

— Ну, конечно, один. Больше ж некому, — скромно ответил тот, с мольбой глядя на старшину.

— И не боялся? — продолжал расспрашивать Губкин.

— Разве ж тут до страха?

Пряхин наконец застегнул ремень и, поймав умоляющий взгляд, уже помягче спросил:

— Тебя как же зовут?

— Василий. Василий Петрович Лазарев, — ответил мальчик и быстро, горячо заговорил: — Да вы не бойтесь. Дядя у меня учитель. Историк. Мы тут городища всякие обследовали. Древние. И вот такое получилось...

— Да мы и не боимся, — улыбнулся Пряхин. — Мы так думаем, что твоего дядю сюда притащить нужно?

— Ой, конечно! Ведь нога у него распухла. Очень! Он говорит, что только растяжение жил, а я боюсь, что он ногу сломал. Он когда оступился, так прямо хрустнуло что-то. Поскорей бы... А? Правда...

Вася Лазарев быстро поглядывал то на одного, то на другого солдата. Почуйко присел на подстилку и стал надевать сапоги. Глядя на него, Губкин поправил на себе ремень и засунул за него топор, который все еще держал в руках. Пряхин посмотрел на него и подумал, что после бессонной ночи Губкину трудно будет бороться со сном в одиночку.

— Почуйко! Останетесь дневальным.

— Слушаюсь, — равнодушно ответил Андрей и перестал обуваться.

Пока Пряхин докладывал по телефону о собы-

тиях дежурному, пока собирал бинты и лекарства, Губкин допытывался у Васи Лазарева:

— А ты дойдешь?

— Конечно, дойду! Я же лепешек с лимонником наелся. Съешь их — и ни за что не устанешь. Удэгейцы, когда за лосями гоняются, по трое суток не спят, и ничего. А все от лимонника.

Когда все были готовы к выходу, Почуйко решительно вытащил из ящика с продуктами копченую колбасу, сахар, несколько пачек галет и, передавая старшине, Васе Лазареву и солдатам, пояснил:

— Это на дорогу. Ведь и ужинать кое-как ужинали и завтракать некогда.

5. ПЕРВЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Проводив товарищей, Андрей Почуйко сдвинул ушанку на слегка вздернутый широкий нос, погладил живот и сказал:

— Та-ак... Це дило трэба разжуваты...

Прежде всего он развел костер под ополовиненным вчера чайником, достал сухари, колбасу и луковицу. Вынимая из кармана ножик, для порядка привязанный веревочкой к брючному ремню, он увидел ужа и опять протянул:

— Та-ак... Хороший хозяин, говорят, прежде скотину накормит, а потом сам поест. А чем же тебя кормить? Молочка-то нет.

Он отрезал кусочек колбасы и положил его перед ужом. Уж осмотрел колбасу со всех сторон, но есть не стал.

— Выходит, перцу ты не любишь. А чего же тебе дать?

Андрей почесал затылок и достал банку мяс-

ных консервов. Красное, распаренное мясо уж тоже не тронул.

— Ох и привередливый же...— удивился и рассердился Почуйко.— Раз тебе наикраши солдатские харчи не нравятся, ходи... чи, той, ползай голодный.

Съев колбасу и луковицу, Андрей покопился на дремавшего у входа в палатку ужа, вздохнул и принялся за консервы. Солнце уже вышло из-за гор и било ему прямо в глаза. Пришлось пересесть на другую сторону стола, снять ушанку и расстегнуть воротник. Доев и консервы, Андрей печально вздохнул, положил в чай сахару и стал размачивать поджаренные сухари. Потом он расстегнул еще пару пуговиц на гимнастерке и, долив чаю, стал пить уже вприкуску.

Со лба лил пот. Вытирая его, Андрей выронил кусочек сахару, нагнулся за ним и увидел, что уж ползает у него под ногами, ловко собирая крошки длинным, раздвоенным язычком. Вот он наткнулся на сахар, лизнул его и склонил голову набок, точно прислушиваясь к чему-то. Потом он торопливо схватил сахар, высоко задрал голову и проглотил тронутый пылью сладкий кусочек.

— Вы дивитесь, яка сладкоежка! — воскликнул почему-то растроганный Андрей и раскрыл еще одну грудку сахару.

Уж быстрыми и точными движениями подо-

брал беленькие кусочки и, поднявшись на половину своего туловища, слегка покачиваясь и склоняя голову то в одну, то в другую сторону, смотрел на Почуйко.

И в этих странных, не по-живому струящихся движениях змеи, в ее тяжелом, немигающем взгляде, в неприятном трепете, который время от времени пробегал по длинному, крупному ее телу, Андрей увидел что-то такое, что сразу уничтожило его почти умиленное любопытство. Теперь уж показался ему противным и страшным, и Андрей хотел было прогнать его, даже ударить, но сейчас же вспомнил, что если бы не уж, то та черная гремучая змея могла бы укусить его, и тогда не было бы Андрея Почуйко на белом свете.

Он тихонько чертыхнулся, в сердцах отставил от себя кружку и, взглянув на солнце, решил, что можно и отдохнуть. Притащив к столбу полущубок и подложив под голову связку ватных шаровар, он снял с телефонного аппарата трубку и пристроил ее под ухо. Уже сквозь дремоту он вспомнил о черной змее и вскочил.

«А ну как опять подползет?» — тревожно подумал Андрей.

Он осмотрелся и, раскрошив несколько кусочков сахара, разбросал их вокруг своей постели. Суетливо тыкаясь мордочкой в одеревенелый бурьян, уж подбирал белые кусочки и, склонив голову набок, подолгу смаковал их.

— Ну вот и добре,— усмехнулся Почуйко,— ты кормись, а я отдыхать буду.

Он пристроил поудобней телефонную трубку и прилег. Припекало солнце, успокаивающе лепетала река. Андрей блаженно почмокал толстыми

губами и смежил глаза. Но уснуть ему не пришлось. Поблизости раздалось похожее на куриное кудахтанье, потом клекот и, наконец, отчаянный птичий крик. Андрей вскочил и вспугнул пристроившегося у его ног ужа. Оказывается, пока Почуйко посапывал на припеке, из ближних кустов выбрались фазаны, склевали не только рассыпанные на столе сухарные крошки, но и разворошили продукты и, главное, проклевали мешок с гречневой крупой. Теперь они дрались возле добычи.

Серенькие, с коричневым отливом невзрачные фазаньи курочки отчаянно старались пробиться к мешку, отталкивая более удачливых товарищей. Разукрашенные оранжевыми, пестрыми, сизыми и синими перьями фазаньи петухи то старались навести порядок в своих стайках-семьях, то распускали крылья и, подергивая длинными и тонкими хвостами, приседали друг перед другом, как воротник взъерошивая перья вокруг хохлатых головок. Они клекотали и норовили ударить друг друга крепкими клювами. Но потом, точно передумав, расходились и, охорашиваясь, осматривали свои подростые, жадные выводки.

— Кыш, проклятые! — закричал обозленный Андрей. — Кыш!

Фазаны взлетели не сразу. Они вначале приоткрыли и осмотрели Почуйко, а потом, как разноцветные снаряды, со свистом пронеслись над постом.

Андрей ругался, складывая разбросанные продукты, а успокоившись, вспомнил, что обед не приготовлен, что люди, наверное, придут голодные.

6. БИТВА НАД РЕКОЙ

Часов у Почуйко не было, и он позвонил на соседний пост. Оказалось, что время уже за полдень. Андрей достал ведро и пошел было к реке, но сейчас же вернулся, зарядил автомат и, закинув его за спину, пробурчал:

— Смотри, еще и на тигра нарвешься.

Река была неширокой, быстрой. К плесу течение прибило корягу, на ней повисли осклизлые ветви, от которых тянулась цепочка пены. Андрей по мостику перебрался на другой, более крутой берег и по старой, полузаросшей тропке в густом кустарнике прошел к заводи, которая полукружьем врезалась в крутой берег. Лес здесь подступал к самой реке — высоченный тополь рос рядом с лиственницей, ели стояли неподалеку от осин. А одна высокая и стройная ель словно выпрыгнула из леса, ближе всех деревьев подошла к реке и остановилась перед тихой заводью.

Почуйко попробовал было умыться в этой заводи, но съехавший на затылок автомат мешал ему. Андрей хотел снять оружие, но пронизанный солнцем лес, густой прибрежный кустарник настораживали, и он решил: «Ладно, дома умоюсь. Все равно ж рушника нет и вытереться нечем».

Он прошел заводь и на самом ее краю, возле кустарника, натолкнулся на полуметровую рыбину. Серебристая, с отвисшим розовато-белым брюхом, она лежала на жухлой траве. Ее выпученные глаза уже померкли, зубастая пасть была беспомощно приоткрыта.

Приятно обрадованный, Андрей бросился к рыбине, схватил ее, но она сильным рывком вы-

рвалась из рук и перевернулась на другой бок. Почуйко увидел на ней рваные розоватые раны.

«Эк ее угораздило»,— сочувственно покачал головой Андрей и, приноровившись, запустил пальцы под жабры. Рыбина попыталась освободиться, но силы ее оставили, и она только слабо пошевелила хвостом.

«Хороша ушица будет!»— решил Андрей и огляделся, разыскивая прутик, чтобы продеть его под жабры: рыбина весила не менее полпуда, и жаберная кость больно резала пальцы.

Под кустами чернела куча хвороста и плавника, а рядом с ней лежала вторая рыбина. Из-под хвороста виднелись еще два рыбьих хвоста. Осторожно разглядывая новую добычу, Почуйко искренне удивился: «И что за скаженна краина... Дикие куры на склад нападают, змеи служат, а рыба сама посуху ходит. От краина так краина!»

Понимая, что тащить сразу две рыбы на прутике будет тяжело, он положил первую, самую большую, в ведро и, нагнувшись, потянулся за второй. Едва он ухватился за ее подсыхающий шершавый хвост, как кустарник над ним зашевелился и раздался не то огорченный, не то удивленный вздох. Ничего не подозревающий Андрей поднял голову и увидел над собой оскаленную и в то же время как бы обиженную, растерянную морду медведя, должно быть, того самого, что ночью бродил неподалеку от поста. Его острые уши стояли торчком, как у овчарки, лохмы бурой, летней шерсти висели на щеках и вздрагивали. Передние лапы, которыми медведь раздвинул кустарник, были мокрыми и лоснились.

Опешивший Андрей икнул и стал медленно

выпрямляться. Медведь скосил глаза и скорее испуганно, чем обиженно, рыкнул. Услышав его зловонное дыхание, Почуйко сразу потерял способность соображать, швырнул рыбину в таежного барина и бросился наутек.

Большой, еще не вылинявший бурый медведь от испуга и неожиданности дернулся, споткнулся и задом с размаху упал на выпирающие из земли корни и срезанные у поверхности острые ветви кустарника. Дико взвывая от боли, он ловко перевернулся, встал на лапы и бросился вдогонку за удирающим Почуйко.

Андрей оглянулся, увидел мчавшегося за ним зверя и метнулся к одинокой, засмотревшейся в заводу ели. С разбегу он вспрыгнул на ствол и, неистово работая ногами и руками, как кошка, добрался до первых толстых ветвей. Он вцепился в них и хотел было подтянуться повыше, но

что-то схватило его за левое плечо и не пустило вверх.

— Ой, лышенько меня! — не своим голосом взвыл Андрей.

Ему ответил приближающийся медведь. Андрей торопливо пробрался чуть выше и наконец нащупал ногой твердый сук.

Обнимая сочащийся смолой ствол, он с опаской посмотрел вниз и увидел, что медведь, ловко перебирая слегка вывернутыми ногами с

темной, но все-таки заметно розовеющей кожей на них, тоже взбирается на ель. Почуйко из последних сил рванулся вверх. Сзади треснула ветка, тяжесть на левом плече уменьшилась, но подняться выше Почуйко так и не смог.

Зверь ткнулся вытянутой вперед остроносой мордой в сапог Андрея. Почуйко отдернул ногу. Медведь попытался освободить одну из передних лап, которыми он обхватывал ствол дерева, но сделать этого не смог — нарушалось равновесие. Тогда он потянулся мордой к правой ноге Андрея, но тот свободной левой ударил таежного барина по носу. Зверь зарычал во всю глотку и поднялся чуть выше. Теперь он мог свободно схватить опирающуюся на сук правую ногу, и Андрей понял это. Оглядываясь через плечо, Почуйко заколотил зверя подкованным каблуком по носу. Медведь ревел от ярости и то уклонялся от этих ударов, то пытался укусить: оторвать от ствола лапу он по-прежнему не мог.

В какую-то секунду Андрей угодил медведю прямо в разинутую пасть, и таежный барин успел сжать челюсти. Два клыка, пронизав задники и две пары портянок, впились в пятку. Почуйко охнул и дернул ногу. Счастье его было в том, что, пока он бил своего врага сверху вниз, сапог съехал с ноги, и медвежьи зубы впились в тело ниже кости.

Вырывая ногу из пасти, Андрей невольно раскачивал и державшегося на одних когтях зверя. Увлечшись борьбой, свирепея от запаха и вкуса крови, медведь злобно урчал, норовя высвободить хоть одну лапу и сильным ударом доконать своего врага. Усталый Почуйко на мгновение перестал раскачивать зверя, и тот, воспользовавшись передышкой, оторвал одну лапу от ствола. Равновесие было нарушено, держаться на трех лапах зверь не мог, и он всей тяжестью своей туши повис на почуйкинском сапоге. Андрей резко дернул ногой, сапог соскользнул, и медведь, зажимая в зубах добычу, полетел вниз.

Удар о землю был так силен, что ель вздрогнула. Несколько секунд оглушенный зверь лежал на боку, дико ворочая налитыми кровью глазами, потом охнул, встал на лапы, помотал головой.

Все еще зажатый в его зубах сапог щелкнул голенищем по щеке. Медведь взвыл и стал яростно терзать злосчастный сапог. Поднимая тучи песка и пыли, таежный барин наступал на него лапами, хрипел, пока, наконец, разодрав голенище, не добрался до пахнущих человеческим потом и кровью портянок. С яростным урчанием он раздирает их на полоски, отплевывался и снова рвал.

Андрей, все время косивший через плечо вниз, понемногу успокоился — боль в ноге словно отрезвила его — и стал подумывать над тем, как

бы сбросить медведю второй сапог: пусть забавляется. Но потом решил быть экономным: когда мохнатый враг расправится с первым сапогом, он опять полезет на ель, вот тогда-то и пригодится второй сапог. Андрей устроился поудобней, опять покосился через плечо и вдруг увидел скошенный срез автоматного кожуха. Тут только он понял, что не пускало его вверх: автомат зацепился за ветку и держал его как на привязи.

— Ага! Ну то добре! — сразу пришел в себя Андрей.

Он высвободил, а потом и снял с плеча автомат. Пока медведь разделялся с остатками портянок, Почуйко повернулся к нему лицом, нашел сучок для упора и, приложившись, дал первую очередь из автомата. Медведь дернулся и, точно прислушиваясь, стал медленно поворачивать голову в сторону ели. Андрей прицелился поточнее и дал еще одну очередь.

Тут им овладела такая отчаянная радость, такое распирающее грудь ощущение полного счастья, расплаты и мести, что он забыл обо всем на свете и все стрелял и стрелял, дико вопя при этом:

— Ого-го!

Будь у него опыт, Почуйко все-таки проверил бы, на каком сучке он строит. Но опыта у него еще не было. И в тот момент, когда прошитый десятком пуль медведь круто развернулся и грохнулся на бок, сучок под Андреем треснул. Почуйко схватился было за ствол ели, но выпустил из рук автомат. Пытаясь подхватить оружие, он отпустил елку и, цепляясь руками за ствол, полетел вниз.

Автомат упал прикладом на корень, затвор со-
рвался с боевого взвода, и оружие само по себе
дало короткую очередь. Андрей услышал эту
очередь и, крикнув: «Ратуйте!», шлепнулся на
песок. Последней его мыслью было: «Отак от и
вмирают».

7. ВСТРЕЧА У ЗАВОДИ

Прозрачная вода реки тихонько позванивала в
лозняке. На ель села пичужка и, глядя вниз, из-
редка посвистывала. Из тайги доносились шорох
и потрескивание, словно кто-то большой и остро-
рожный ходил вокруг да около, а на опушку
выйти боялся.

Почуйко очнулся, пошевелился, ощутив бока и
ноги, приоткрыл один глаз и охнул. Болела пят-
ка, болели ободранные о ствол руки, болело все
тело. Дышать было тяжело. Он опять закрыл
глаза, прислушался. Было тихо.

Но через несколько секунд он ясно услышал
торопливые шаги. Потом затрещали кусты, и Ан-
дрей с ужасом подумал: «Медведи на помощь
идут!»

Он вскочил на ноги и опять бросился к спаси-
тельной ели.

Из кустарников возле заводи выскочил потный
деятельный Пряхин с автоматом в руках, а за
ним — Вася Лазарев, Сенников и Губкин.

Почуйко сразу повернулся к ели спиной и, за-
ложив необутую, сочащуюся кровью ногу за обу-
тую, полез в карман за кисетом. Пряхин бро-
сился было к нему, но, споткнувшись о ведро,
чуть не упал, чертыхнулся и издали крикнул:

— Что тут случилось, Почуйко? С кем вы бой
ведете?

Андрей оторвал кусочек бумаги и, свертывая сигарку, равнодушно ответил:

— Тут такое дело, товарищ старшина, получилось.— Он заклеил сигарку и стал хлопать себя по карманам.— Пийшов я по рыбу. Ну ловлю. Дайте мени серников хтось...— Сенников торопливо протянул ему спички. Почуйко прикурил, прищурил левый глаз, затянулся.— Так вот — ловлю. Хорошо ловлю. И потребовалось мени в воду слазить. Только я зняв сапог, а тут откуда ни возьмись вот ця холера,— Андрей небрежно показал ногой на медведя.— Хоп мой сапог и — рычить нахально. Я кажу: «Отдай». Рычить, собака, та ще и лапой замахивается. Ну вот и...— Почуйко показал окровавленную пятку,— якость и зацепила. Я, конечно, разозлился страшенно и всадил в нее маленько зарядив. А потим стоял и думав: як бы мени исхитриться да вот с этой шкуры сапоги пошить? Бо в одном сапоге службу нести погано. Так вот я и у вас спрашиваю: чи можно, чи неззя с той шкуры сапоги сшить? И какие они выйдут — яловые чи хромовые?

Всю эту невероятную историю Почуйко рассказывал совершенно спокойно, с тихим раздумьем хорошо поработавшего, но все ж таки попавшего в неприятность человека. Все четверо прибежавших ему на помощь товарищей стояли перед невозмутимым, круглолицым, совздернутым носом и поблескивающими маленькими озорными глазками Андреем и никак не могли разобрать — правду он говорит или разыгрывает.

Вывалившаяся из ведра рыбина свидетельствовала, что Почуйко действительно ловил рыбу и — удачно. Медведь действительно хватил его за голую пятку — это тоже было видно. Да и

сам медведь, огромный, неуклюжий, лежал между ними и Андреем как самое верное доказательство его геройства и правдивости всего рассказанного.

Все четверо то улыбались, то, взглянув на медведя, на окровавленную пятку Почуйко, хмурились, но молчали. Сенников первым понял, что их обманывают. Он ткнул медведя ногой и строго сказал Почуйко:

— Слушай, ты не валяй дурака! Ты толком расскажи, что тут случилось.

— Слушай, Сенников,— важно ответил Почуйко и затянулся махорочным дымком.— Це ты дурака валяв, когда змяяку побачив: одеялу догоры подняв. Загородывся! А того не подумав, шо змяяка пид одияло пролезть могла. А я, брат, честно робыв, понял?

Аркадий побледнел, но ответить не успел. Ноги у Андрея подкосились. Опираясь спиной о ствол ели, он сполз на землю и тихонько охнул:

— Устав я, товарищ старшина. Отдохнуть трэба...

Пряхин наклонился к нему, участливо спросил:

— Вам очень плохо, Почуйко?

Андрей не ответил, он лишь натужно вздохнул: острая боль корежила побитое тело.

Вася Лазарев недоуменно и испуганно вглядывался то в смежившего веки Андрея, то в бледного, нервно вздрагивающего Сенникова, который злобно смотрел в серое, покрытое росинками пота лицо Почуйко, завидуя и его несомненному подвигу, и веселой находчивости, и даже его боли. Ему бы очень хотелось быть на месте Андрея или хотя бы достойно ответить на его не слишком уместную шутку, которую Аркадий воспринял как оскорбление, но он понимал, что от-

ветить не может: между ним и товарищами лежало что-то такое, что раньше он только смутно угадывал и что теперь хорошо ощущалось. Но что это такое, Аркадий не знал. Это и обижало его, и злило. Он сжал кулаки и, круто повернувшись, пошел к заводу. Вася проводил его все тем же недоуменным и испуганным взглядом и протянул:

— Станный какой...

Ему никто не ответил. Андрей попытался подняться на ноги, но, охнув, опять сник.

— Ничего. Отдышусь,— убежденно сказал он.— Привели дядьку?

— Почти уж довели, но когда услышали выстрелы — побежали,— необычно торопливо и все так же участливо пояснил Пряхин.— Бинтов, жалко, нет...

— У меня остались,— быстро сказал Вася.

— Ничего, вы идите за ним. А я тут сам перевяжусь. Идите.

Пряхин помедлил, помолчал, затем приказал:

— Вася, оставайся с ним, а мы пойдем к Николаю Ивановичу.

Вася кивнул и с готовностью наклонился к Почуйко:

— Может, вы пить хотите? — И, не дожидаясь ответа, побежал к реке. Он притащил ведро воды, напоил Андрея, промыл ему раны на пятке и сказал:

— Вы погодите, я сейчас травки поищу.

Он ушел в лес и вскоре вернулся с длинной, узкой, похожей на осоку травой и жирными листьями, напоминающими подорожник. Травку он помял в руках, потер, заставил Почуйко поплевать на нее, положил на ранки и пояснил:

— Это кровоостанавливающая...

На снадобье он положил жирные листья и, перевязывая ногу вынутым из котомки чистым бинтом, добавил:

— А листья — заживляющие. Быстро пройдет. Раны не глубокие. — Он помолчал и спросил: — Товарищ Почуйко, а как все-таки получилось?.. С медведем?

Андрей посмотрел на него, на перебинтованную ногу и, не стесняясь, рассказал, как было дело, потом спросил:

— Слушай, а откуда рыба на берегу очутилась? Не посуху ж она лазит?

— Ее медведь наловил. Он рыбу лапой подхватывает и выбрасывает на берег. Но медведь не любит свежей рыбы. Он обязательно заваливает ее мусором, валежником и, когда она начнет припахивать, тогда ест. Я сейчас поищу его кладовую.

— Ты не ищи, прах с нею. Есть там такая кладовая. Но как же он ее ловит? Он же косолапый. И рыба — что? Дура?

— Ой, дядя Андрей... — рассмеялся Вася.

— Какой я тебе дядя... Просто Андрей.

— Ну ладно. Пусть будет просто Андрей, — согласился Вася. — Рыба сейчас, и верно, дура — валом идет. Ничего не признает. Вот вы потом сами увидите.

Но в этот вечер они не смотрели, как идет рыба. У них нашлись более неотложные дела.

8. ВТОРОЕ ПАДЕНИЕ АРКАДИЯ

Пряхин ничего не забывал. Запомнил он и сенниковские сжатые кулаки, и его обиженный взгляд исподлобья. Это насторожило старшину.

«Только этого не хватало,— подумал он.— Еще между собой разругаются...»

И он, как всегда, решил действовать сразу, не откладывая.

Как только дядя Васи Лазарева был доставлен на пост, Пряхин спокойно приказал:

— Сенников, сходите-ка на реку и помогите Почуйко. А то сам он, пожалуй, не доберется.

Сенников понял, что Пряхин нарочно отдает такое приказание, и хотел возразить, но Пряхин равнодушно склонился над грудой имущества, доставая полушубок: дяде и племяннику тоже требовались постели. Старшина видел, как нерешительно переступал с ноги на ногу Аркадий, слышал его возмущенный вздох и молчал. Наконец Аркадий щелкнул каблуками — старшина не мог не отметить, что Сенников был единственным, кто по возвращении из тайги успел почистить сапоги,— и отчеканил:

— Слушаюсь!

Почуйко встретил его, как встречает заждавшийся командир не совсем аккуратного подчиненного — суховато и в то же время ворчливо.

— И што вы там чикаетесь,— бурчал Почуйко.— Тут работнуть трэба, а их нема. Давай засучивай рукава.

Тут только Аркадий понял, чем были заняты Вася и Почуйко.

Без гимнастерки, в одной только белой нательной рубаше, с обнаженными по локоть и выпачканными кровью и жиром лоснящимися руками, Почуйко был озабочен и даже как будто свиреп — так смешно раздувались ноздри его вздернутого носа, так сосредоточенны были маленькие, всегда хитроватые, а в эти минуты суровые глаза. Он стоял над полуободранной ту-

шей медведя с кинжалом в руках. Вася держал медведя за переднюю лапу и осторожно подрезал ножом вздрагивающий сероватый жир, медленно отворачивая продернутую кровавыми жилками, отдающую голубизной изнанку мохнатой шкуры. Он был так увлечен, что даже не взглянул на Аркадия, и тому почудилось в этом безразличии что-то враждебное, хотя это ощущение сразу же прошло.

Главное, что поразило Аркадия, были окровавленные руки Андрея и безобразно раскоряченная туша медведя. Было в ней что-то непонятное, страшное, вызывающее какое-то другое, очень смутное и очень болезненное представление. Аркадий беспомощно сглотнул воздух, облизал сразу пошерхнувшие тонкие губы и чуть было не попятился. Как и случай со змеей, эта встреча с медвежьей тушей поразила его своей неожиданностью, полной противоположностью всему тому, к чему иривык Сенников, что было ему знакомо и понятно. Вероятно, он отказался бы от работы, может быть, даже возмутился, но Андрей опередил его:

— Вот ты, Аркаша, жив, жив в своей Москве, а небось не бачив, как окорока делают? Так вот дывысь и на вусы мотай... А щоб то получалось, скидавай гимнастерку и берысь за дело.

Андрей точил кинжал о длинный обломок мергеля и, хитро прищурясь, испытующе посматривал на Сенникова.

Одна только мысль о том, что ему предстоит возиться с этим медвежьим трупом, в крови, в жиру, вдыхать душный запах туши, показалась Сенникову совершенно невозможной, нижняя губа его брезгливо оттопырилась, глаза широко и страдальчески открылись. Он понимал, что от-

казаться — значит признаться в своей чрезмерной привередливости и навсегда потерять уважение и Почуйко и других. Хитрый и бесцеремонный, Андрей поднимет его на смех при любом удобном случае. Но и приняться за разделку туши он тоже не мог.

Почуйко ехидно усмехнулся и сожалеюще, задумчиво произнес:

— Это верно... Тут тебе командовать не придется.— И вдруг резко, почти грубо закричал:— Ну, чего стоишь, як тот пенек? Тут тебе змиюк нэмае — можешь ходить.— И, заметив, что Аркадий дернулся, уже совсем вошел в роль командира:— Иди, докладывай Пряхину, что ты ледачий лодырь, да ще и з трусцой: мертвого медведя сильней живой змеи боишься.

— Я не боюсь...— вспыхнул Сенников.

— Стыдаешься?— наклоняясь вперед и заглядывая Аркадию в глаза, ехидно спросил Андрей.— Ручки запачкать не хочется? А кокетки мамкины любил? И ковбаску хамал? — И уже оглядываясь, укоризненно и насмешливо покачал головой: — Э-эх, вы, городские.

Так непробиваемо и великолепно было почуйкинское чувство собственного превосходства и снисходительного презрения к городскому и, значит, легкомысленному человеку, так не вязалось оно с тем, что думал о себе Аркадий, что он не выдержал — сердито поджал губы, быстро снял снаряжение и гимнастерку. Закатывая рукава нижней бязевой рубашки, стараясь не смотреть на медвежью тушу, он решительно шагнул вперед.

— Ну, за чем у вас тут остановка?

Эта вымученная, хотя и произнесенная с великолепной решительностью фраза не произвела

на Почуйко никакого впечатления. Он покривился, нагнулся над тушей, буркнув Аркадию: «Придерживай», сунул ему в руку еще теплый, скользкий край шкуры и стал ловко орудовать кинжалом. Он сопел, часто вздыхал. Глаза у него то суживались, то расширялись, на лице выступали мелкие капли пота. Ни Аркадий, ни Вася не знали, как болит прокушенная медведем нога, как ноют ушибы.

— Так шо я тебе рассказывал?— спросил Почуйко у Васи.

— Сосед у вас был...— живо откликнулся паренек и улыбнулся.

— Ага, был. И скажи, скупее его во всей станице не было. С клуба, бывало, идет в праздник, когда улица вроде бы убрана, и то полные жмени барахла насобирает. Там сена клочок, там щепку, там гайку, а то косточку — в утиль сдавал. И вот, понимаешь, завел он свинью. Кабанчика. А жадный же. Кормов жалко. Так он, паразит, как приспособился? Как только народ на боковую, он — на порожек, а кабанчика — из закутка. Кабанчик туда, кабанчик сюда. Жрать ему хочется, аж визжит, побегаёт, побегаёт — и на какой-нибудь огород заберётся. Наестся и — домой. Ну, заметили. Отвадили. А кабанчик — растёт, жратвы ему больше трэба. Да держи ты как следует! — прикрикнул Почуйко на Аркадия и опять мирно, с остановками и почти без украинских словечек продолжал: — Вот сосед и надумал пускать его на колхозную картошку. Как раз в тот год надоумили нас яровизированную картошку сажать. А то до этого у нас ее почти что не было. Ну и там поймали. Оштрафовали. Сосед аж вызверился и решил: «Зарежу, а то тот кабанчик и меня съест». А жадный же. Бойца —

моего, значит, батьку — пригласить не хочет. Решил сам колоть. Ну, выточил свайку, за ухом кабанчика почесал и впорол ему свайку под лопатку. У бати это как выходило? Ударит, кабан только хрюкнет и на боковую. А этот-то вместо левой, где сердце, под правую лопатку угодил. Кабанчик и взвейся. Как тигра стал. Носится по двору, верезжит и на соседа кидается. А он длинный, худой, по двору сигает и орет: «Ратуйте!» А чего ж тут ратовать, тут бежать нужно со двора. А не убежишь. У жадных ведь как? Раньше всего забор справный, чтоб не то что воры, а даже кура чужая не протиснулась. Вот сосед и носится вдоль забора, а протискаться ему некуда. Тут батя выскочил и кричит мне: «Заряжай, Андрюшка, ружье картечью, а то подранок этот соседа съест»!

Андрей вздохнул и вывернул задний медвежий окорок, который он кончил подрезать. Шкура повернулась, и темная ладошка медвежьей лапы по-детски беспомощно легла на освещенный ярким, предзакатным солнцем песок и нежно зарозовела под ним. И когти, и чернота — все было в ней звериное, и все-таки было и что-то очень человежье, грустно-беспомощное.

Аркадий уставился на эту темную, слегка розовеющую ладошку и вдруг понял, что вся эта распластанная, освобожденная от шкуры туша несет на себе какие-то человеческие черты, и ему стало по-настоящему страшно. Он выпрямился и, отставляя от тела окровавленные руки, с ужасом смотрел на ладошку.

Почуйко перехватил его взгляд, нахмурился, больной ногой толкнул шкуру, ладошка перевернулась, перестала быть страшной.

— Ну, а вы что? — замирая от мальчишеского

восторга, спросил ничего не заметивший Вася. Андрей не ответил. Он еще раз посмотрел на бледного Сенникова, тяжело вздохнул и приказал:

— Ты одевайся, Аркашка, да срежь палку покрепче — сейчас окорока понесешь.

И, отвернувшись, сердито посапывая, стал быстро и ловко подрезать второй окорок.

— Ну вы-то что? Зарядили ружье? — допытывался Вася.

— А я ничего, — сердито ответил Почуйко и буркнул: — Словом, пристрелили мы того кабанчика, — и, подумав, добавил: — Ты нажимай. Надоело возиться.

Аркадий все смотрел и смотрел на тушу, и сил, чтобы совладать с собой, у него не находилось. Наконец он горестно всплеснул руками и с истеричными нотками в голосе воскликнул:

— На кой вам черт потребовалось его требовать?

Почуйко, не разгибаясь, не совсем уверенно ответил:

— Вон Васька говорит — у медведя мясо хорошее.

— Кто же это хищника ест? — опять закричал Аркадий. — Варварство какое-то...

— Смотри-ка, — рассердился Вася. — Варварство! Да если вы хотите знать, медведь вовсе и не хищник. Он, скорее, травоядный. А хищником только по нужде становится. И мясо у него лучше свинины.

— Откуда ты можешь знать?! — возмутился Аркадий.

Вася выпрямился и с нескрываемой издевкой ответил:

— У нас, в тайге, медвежатину едят. Не знаю, как у вас...— паренек осекся и отвернулся.

Почуйко неторопливо поточил кинжал, задумчиво сказал:

— Вот так-то, Аркашка. Вырезай-ка палку и тащи окорока.

Сломленный, растерянный Аркадий, негодуя и чего-то побаиваясь, молча подчинился, вырезал палку и, надев на нее, как на коромысла, медвежьи окорока, потащил их в гору. Он вдруг подумал, что не только Почуйко, а даже Вася чем-то выше его, опытней, и поэтому они имеют право командовать, и не подчиниться им нельзя. Но эта не вполне осознанная мысль очень мешала и смущала Аркадия, отнимала у него что-то чрезвычайно важное и страшно для него нужное без чего (он понимал это) он был не тем Аркадием Сенниковым, который ему нравился. Однако бороться против этой мысли, смять ее, выбросить он не мог: перед глазами стояла освещенная ярким солнцем розовеющая медвежья ладошка.

9. НОВОЕ ЗНАКОМСТВО

Когда Вася и опирающийся на палку Андрей добрались до лагеря, окорока и шкуру уже перенесли и засыпали солью. Весь гарнизон был в сборе.

У стола сидел Николай Иванович Лазарев — низенький, широкоплечий человек средних лет. Его загорелые скулы заросли клочковатой жидкой щетиной. Присматриваясь к нему, Андрей недовольно покачал головой — не таким ему представлялся учитель. В потрепанной стеганке, ичигах, заплатанных на коленях шароварах,

Лазарев больше походил на колхозника, лесника, охотника. За поясом у него торчал длинный и широкий кинжал без ножен. Его богатое охотничье ружье стояло в козлах вместе с другим оружием. И только когда Почуйко встретился с Лазаревым взглядом, то поверил, что этот простецкий с виду человек может быть учителем. Его умные темные глаза были острыми и немножко насмешливыми. Он не стал ждать, пока настороженный Почуйко поздоровается, и первым крикнул:

— Давайте поближе — в инвалидную команду! У нас теперь две ноги на двоих. По очереди ходить будем.

— Я не гордый. Я свою очередь и переуступить могу,— осторожно пошутил Андрей.

Все засмеялись. Почуйко, понимая, что он виноват перед товарищами — ведь он так и не приготовил обед,— сразу же похромал к продуктам, но старшина остановил его:

— Ладно уж... Отдыхайте... рыболов.

Но Почуйко не стал отдыхать. Он сердито загремел сковородками, поточил ножик и с ходу напустился на Губкина:

— Ты, Санька, не крутись под ногами. Натаскай лучше дров.

Губкин не удивился этой грубоватой строгости товарища. Он быстро обрубил топором ближний пенек и притащил щепки к очагу. И даже когда Почуйко в своей суровой хозяйственной одержимости вступил в спор со старшиной, Пряхин уступил ему и улыбнулся так мягко и весело, что Андрей не мог не отметить этого. Самым удивительным было поведение Сенникова. Совсем недавно он казался не столько усталым, сколько напуганным необычным видом медвежьей

туши. А сейчас у него весело блестели глаза и движения были быстрыми и точными.

«Водки они хлебнули, что ли? — подумал Андрей, разглядывая товарищей. Зная, однако, строгость старшины, сейчас же отбросил эту догадку. — Ведь не может же быть, чтобы они не устали. Все-таки человека на плащ-палатках тащить нелегко...»

Его недоумение заметил Вася и, посмеиваясь, сказал:

— Ну вот; теперь сам видишь, что такое лимонник. Всякую усталость как рукой снимает.

Вася протянул Почуйко домашнюю лепешку.

— Ты только попробуй, — настаивал он. — Попробуйте. Сами увидите...

— Точно, точно! — подтвердил Губкин, но Андрей, опасаясь розыгрыша, не поверил ему и, зажимая лепешку, смотрел на старшину.

— Все правильно, — кивнул головой Пряхин. — Лепешки помогают. Вася обещал разыскать этот полукустарник-полулиану, и тогда мы напечем лепешек в запас. Незаменимая, выходит, вещь. Просто удивительно. — Он помолчал и вдруг широко улыбнулся: — А есть все-таки хочется. Скоро у вас, повар?

Почуйко подбросил щепок, положил на сковородку куски медвежатины и принялся чистить рыбу. Сенников задумчиво произнес:

— Говорят, что американцы для своего знаменитого кока-кола используют орешки африканского дерева. А почему у нас не выпускают лимонада из лимонника? Ведь он же определенно вкусней, чем африканские орешки.

— А ты почему знаешь? — подозрительно спросил Андрей.

— Я читал... И еще в поезде нам рассказывали

моряки, которые бывали в Америке. Они говорят, что лимонник лучше.

— Ну гляди, — Почуйко погрозил Васе облепленным чешуей ножом, — чтобы мне лимоннику насобирал.

Вася кивнул.

Не то обед, не то ужин прошел весело. Ели медвежатину, добродушно подшучивали над серьезно-молчаливым Андреем, на которого, казалось, не действовал лимонник. И только Сеников опять начал грустнеть, замыкаясь в себе. Он разбирался в событиях последнего дня и не мог понять, почему так быстро потеряны и уважение товарищей, и, что было самым важным для него, собственная уверенность в своих силах и способностях...

Несколько дней назад он, Аркадий, по поручению лейтенанта обучал отстающих солдат взвода строевой подготовке, радуясь ни с чем не сравнимому ощущению власти над такими же солдатами, как и он. Несколько дней назад он твердо верил, что на этом дальнем посту он сумеет проявить себя настоящим командиром. Кажется, Аркадий сделал все, чтобы с первых же минут своей армейской службы зарекомендовать себя если не прямым командиром своих товарищей, то хотя бы первым помощником старшины. В чем же дело? В змее? В этой дурацкой слабости перед медвежьей тушей? Ведь он знает, что он сильнее и находчивей слишком уж мягкого Губкина, культурней, начитанней да просто умнее не только мужиковатого Почуйко, а даже старшины. Так почему же с ним происходит такое?

Чем больше Аркадий доискивался до причин своего тяжело переживаемого падения, тем больше убеждался, что он в нем не виноват, что

то же самое переживали и другие. Ведь Пряхин тоже не бросился на змею. Он сидел в уголке палатки, а потом, когда змеи ускользнули, выскочил оттуда как пробка. Почуйко тоже смутился, когда увидел медвежью ладошку.

«Просто они хитрее,— решил Аркадий.— А я прямой. Они все скрывают, а я честно... Прямо... Что ж, разве неверно? Я же не скрываю, а они скрывают и еще задаются...»

Оттого, что и в этом затруднительном положении он, оказывается, все-таки лучше товарищей, Аркадий повеселел. Как раз в эту минуту его тронул за плечо Почуйко и заговорщически шепнул: — Ты не вешай носа... Поначалу оно, верно, неприятно. А потом ничего. Пройдет.

Аркадий понял, о чем идет речь, но он уже был не тот, что несколько минут назад, и поэтому ответил холодно и высокомерно:

— Я не понимаю, о чем ты. Хотя вешать нос не собираюсь ни при каких обстоятельствах.

Почуйко посопел и отодвинулся.

В это время раздалось требовательное дребезжание зуммера. Пряхин встал, взял трубку. Его необычно добродушное в этот вечер лицо стало озабоченным. Он одернул гимнастерку и даже попытался застегнуть воротничок. За столом при молкли: Пряхина явно вызывало начальство.

На коммутаторе постарались — дали доброе усиление, и голос командира роты капитана Кукушкина зазвучал так громко, что его услышали все.

— Вы что же это, Пряхин, забываетесь,— даже на расстоянии гремел недовольный басок.— Ушли и как в воду канули. Полдня звоним — никто не отвечает.

— Так, товарищ капитан...— отворачиваясь

от стола, попробовал перебить старшина, но Кукушкин не стал его слушать.

— Плохо, старшина, плохо... И доложили по возвращении неясно. Гадай, что там у вас. Кого привели на пост? Какое состояние? Что с Почуйко? Может, вам вертолет прислать с врачом, а может, самому прилететь и взыскание наложить — пост остался без надзора? И это в тайге! Вы о бдительности не забывайте, старшина. Это главное.

— Так, товарищ капитан...— опять вмешался смущенный и озадаченный Пряхин. Он знал, что его могут услышать подчиненные, и это не нравилось ему. Он переступал с ноги на ногу и косился в сторону стола. Учитель первым понял состояние старшины и громко попросил Сенникова, который с особым вниманием прислушивался к телефонному разговору:

— Налейте-ка мне, пожалуйста, чайку...

Сенников даже не посмотрел на Лазарева, и чай ему налил Губкин. Старшина наконец дождался окончания выговора и четко, отрывисто от досады доложил о случившемся.

— Ну вот, это иное дело,— милостиво согласился капитан.— А то гадай, что у вас там случилось.

— Так, товарищ капитан, я же так и доложил, только вас не было.

— Вот и учтите — о таких чепе докладывайте лично. И еще — положение у нас усложняется, так что смотрите там, с гостями легче, а связь чтоб была бесперебойной. Понятно? Имейте в виду — ваш пост трудный, стоит как раз на середине — гляди и поглядывай.

Коммутаторщики решили, что главное капитан сказал, и усиление упало. То хорошее, ободряю-

щее, что было сказано капитаном, на посту никто не услышал.

Положив трубку, хмурый Пряхин подошел к столу-камню. Почуйко молча пододвинул ему кружку с чаем и осуждающе посмотрел на улыбающегося Аркадия. А тот и в самом деле в душе смеялся над старшиной. «И ему достаётся, похлеще, чем нам, грешным». И радовался, что он правильно, по его мнению, решил трудную задачу: «Нет, я не только не хуже других» (думать, что он лучше, все ж не решился). Чем больше он думал об этом, тем уверенней себя чувствовал, убеждаясь, что он должен, обязан руководить другими — ведь даже старшина допускает командирские ошибки. Он бы таких ошибок не допустил. Он бы навел порядок. И незаметно образ строгого старшины, до сих пор, несмотря на явные недостатки, все-таки уважаемого Сенниковым, померк, стусеивался. Старшина казался ему почти таким же мужиковатым, как Почуйко, и Сенников его ничуть не боялся.

Солнце село, и над сопкой нависли зеленоваторозовые сумерки. Все вокруг казалось таинственным и призрачным. Голоса людей стали звучать тише, приглушенней, точно что-то настораживало их. Эта необычная обстановка возбуждала, подстегивала Сенникова, и он отрывисто — как ему казалось, по-командирски — спросил Лазарева:

— А что вы, собственно, делаете в тайге?

Ни притихшие солдаты, ни озабоченный Пряхин, ни, вероятно, Николай Иванович не заметили в его словах подозрительности и легкой пренебрежительности. Только Вася удивленно посмотрел на Аркадия, но промолчал. Аркадий лукаво прищурил глаза, покосился на Лазарева,

словно разыгрывал несерьезного человека. Лазарев же ответил очень серьезно:

— А вы смеяться не будете?

Ему давно хотелось изменить обстановку, разрядить напряжение. Сенников помог ему, и, смягчая его вызывающую неловкость, Лазарев свел разговор к шутке.

— А то ведь некоторые ученые люди не верят нам с Васей, даже смеются над нами. Говорят, что мы неисправимые фантазеры.

— Нет, что вы! — воскликнул Губкин. — Мы не будем смеяться.

Он так покраснел, так по-мальчишески горячо и взволнованно блеснули его карие глаза, что Пряхин и Почуйко усмехнулись, а Сенников посмотрел на Сашу почти с презрением и засмеялся.

— Вот видите... — развел руками Николай Иванович. — Я еще не начал рассказывать, а уже смеются...

— Не всем же плакать, — вставил Сенников и покосился на Пряхина.

На мгновение Лазарева озадачила сенниковская двусмысленность, хотя он быстро справился с собой:

— Ладно! Плакать будете или смеяться, а я расскажу.

10. ГОСУДАРСТВО БОХАЙ И ЕГО НАСЛЕДСТВО

Почуйко подкинул в очаг щепок, и, прежде чем они вспыхнули, ночная тьма словно сжала маленький гарнизон. Зажигались первые звезды.

От реки поднимался белесый туман, подчеркивающий глубокую и таинственную темноту горной тайги, величавую молчаливость сопок. Было тихо. И в этой тишине неторопливый рассказ Лазарева казался особенно убедительным.

— Начало этой истории в Маньчжурии. В августе тысяча девятьсот сорок пятого года часть, в которой я командовал танковой ротой, с трудом форсировала бурную реку Муданьцзян и остановилась в китайском местечке Нингута. Здесь я случайно разговорился со старым китайским учителем, он когда-то работал во Владивостоке и неплохо говорил по-русски. Он-то и рассказал мне любопытную легенду об истории древнего государства Бохай, существовавше-

го когда-то вот в этих самых отрогах и долинах Сихотэ-Алиня.

«Как всегда бывало в прошлом,— сказал мне тогда китаец,— и как, я надеюсь, не случится в будущем, несчастья бохайцев начались в войне. Вначале на них напали соседи, потом обрушились полчища Чингисхана. На месте единого могучего и богатого государства образовалось несколько царств. Они стали враждовать между собой. Древние рукописи и легенды по-разному объясняют эту вражду. Одни говорят, что дело было в желании захватить рудники и мастерские, где добывали и изготавливали необыкновенный бохайский металл, который никогда не ржавел и не тупился, другие — что несчастья начались из-за любви одного царя к жене другого. Так или иначе, а войны беспрерывно гуляли по стране, разрушая города и уничтожая жителей.

И только мастера и добытчики знаменитого по всему Востоку бохайского металла были надежно скрыты в горах и в лесах. Их не касалась война. Но в самый ее разгар в стране появилась страшная и до тех пор неизвестная «черная болезнь». Она не знала пощады и косила и смелых воинов, и малых детей. В конце концов война прекратилась, потому что некому было воевать — погибли все. В живых остались лишь бохайские мастера.

Самый мудрый, но не самый старший из них сказал своим товарищам:

— Наше могучее государство погибло, опустели дома, поля остались неубранными. Долгие годы люди будут бояться «черной болезни» и не появятся в этих местах. А ведь нигде нет таких красивых и богатых гор, могучих рек и тучных долин. И потому рано или поздно, но люди вернутся в этот благословенный край.

— Да, это так,— сказали его товарищи.

— Но тот, кто придет после нас, ничего не найдет.

— Почему?— удивились товарищи мудреца.— Разве «черная болезнь» унесет горы и реки? Разве оскудеют долины и рудники?

— Они зарастут,— ответил мудрец.— Здесь много солнца и влаги, и все растет очень быстро. И леса, которые мы так долго вырубали, опять поднимут свои вершины к небу и скроют от людского глаза наши богатства. Правда, сказано, что забота об идущих позади отличает человека от животного. Значит, нам нужно передать открытые нашими предками богатства тем, кто придет после нас. Как это сделать?

Долго думали мудрецы и наконец решили:

— На местах, где лежат наши богатства, мы напишем огромные иероглифы семенами долголетних деревьев. Здесь вырастет все. Прорастут и семена. Они будут жить долго, и покажут людям будущего все, что мы захотим.

— Но как люди будущего узнают наш язык? Как они прочтут наши иероглифы? — спросил самый молодой.

— Если люди будущего будут любознательными,— ответил самый старый,— если они будут так любить наш край, как любили его мы, они постараются разгадать тайну иероглифов и найдут наши богатства. Если же они будут ленивы, не любопытны, не полюбят наш край, они ничего не найдут. И хорошо сделают,— махнул рукой самый старый мудрец.— Таким людям незачем давать в руки счастье. Они все равно упустят его.

Все согласились с ним. Но когда стали решать, какими семенами высевать иероглифы, мнения

разделились. Оказывается, у каждого было свое любимое дерево. У одних — дуб, у других — кедр, а третьи предпочитали железное дерево. Но умелые мастера мудры. Они уважают мнения других, не поступаясь своим. Они подумали, что не в одной этой горе заключалось народное богатство. В других местах были целебные источники, в третьих добывали драгоценные металлы, а в четвертых — камни. И все это нужно было передать потомкам. Тогда оставшиеся в живых бохайцы разделились и пошли отмечать нужные места семенами своих любимых деревьев.

Никто из них не вернулся назад — всех скосила «черная болезнь».

Триста лет люди боялись показываться там, где некогда было государство Бохай. Однако былые беды стали забываться, и люди потянулись в эти благодатные места. Одни шли из Нингуты и селились вдоль хребта Тайпинлин, где теперь восточные окраины Маньчжурии. Другие шли с юга на север. Это были корейцы. Третьи спускались с дикого севера и называли себя гольдами. Четвертые пробирались с дальнего запада, спасаясь от жестоких царей и помещиков. Это были русские люди.

Так постепенно опять заселился этот край...»

Китаец учитель показал мне начертания бохайских иероглифов и разрешил зарисовать их. Но этого мало! Он рассказал, что установил примерное месторасположение этих гигантских, выписанных деревьями знаков. И оказалось, что один из них находится где-то в районе того самого села, где я вырос.

Хозяин очень обрадовался этому совпадению.

— Вы не подумайте, что все, о чем я вам рассказал, выдумка. Вот смотрите,— и он протя-

нул мне обыкновенный кинжал, рукоятка которого была сделана в виде переплетенных пятиконечных листьев, чем-то напоминающих человеческие пальцы.

— Вот это,— сказал хозяин,— и есть бохайский нож. Рукоятка как бы сплетена из листьев женьшеня, драгоценного корня жизни, которым славился Бохай.

Николай Иванович вынул из-за пояса свой кинжал и передал его солдатам.

— Вот, посмотрите...

Кинжал из тусклого, но совершенно гладкого, будто полированного металла, отражал блики очага, и казалось, что на нем живет кровь. На рукоятке, как пальцы, были переплетены отростки листьев.

Пока солдаты разглядывали кинжал, Николай Иванович вытащил из доски от ящика с продуктами толстый гвоздь, положил его на бревнышко и попросил вернуть кинжал. Размахнувшись, он ударил им по гвоздю, перерубил его и опять передал кинжал солдатам. На его лезвии не было даже отметины. Металл поблескивал в свете костра все так же тускло и сурово.

— Здорово! — восхищенно воскликнул Губкин.

— Простите,— перебил Сенников.— Китаец подарил вам этот кинжал?

— Об этом речь пойдет дальше,— продолжал Лазарев.— Ну, сами понимаете, после войны я не мог забыть этой легенды. А тут вот племянник у меня подрос, и мы с ним стали разыскивать бохайские иероглифы. Нам с Васей везло. Мы нашли немало городищ, разрушенных крепостных валов и даже напали как-то на развалины богатого дома, может быть дворца. Все это лежало в таежных дебрях, но следов бохайского

металла мы не находили. И вот в прошлом году, совсем неподалеку отсюда, за той самой сопкой, где вы видели дымок нашего костра, мы обнаружили развалины крепости. Там были глубокий ров, высокий вал, башни, подземные ходы и хранилища. Мы начали раскопки и нашли старинный кинжал, очень похожий на подаренный китайцем. Все истлело вокруг, все давно поглотила земля, и только кинжал был как новенький — не поржавел, не помутнел. Эту свою находку...

Надо сказать, что у меня в роте был отличнейший механик-водитель Васьков. После войны он окончил вуз, сейчас работает в научно-исследовательском институте и занимается твердыми сплавами. Вот ему-то я и послал наш кинжал.

Месяца через четыре он прислал мне анализ металла, из которого была сделана наша находка. Оказалось, что он содержит массу редких и редчайших металлов: тантала, ванадия и других, но особенно много — германия. Вот они-то и придали железу такие изумительные качества. «Очевидно,— писал мне Васьков,— где-то здесь, в горах Сихотэ-Алиня, природе было угодно вкратить в железную руду редкие и редчайшие металлы. Бохайцы брали готовый сплав».

И вот что еще интересно! Исследователь Приморья Арсеньев рассказывал, что он отыскивал в горах выписанный огромными дубами иероглиф. А совсем недавно в районе этого иероглифа найдены целебные источники. Как видите, легенда обрастает фактами. Один из подарков предков уже дошел до потомков. Теперь вы знаете все и, если можно, помогите нам. Ведь вы тоже будете ходить по тайге — присматривайтесь. Иероглиф имеет такую форму...

Николай Иванович нарисовал значок, похожий

на обычное печатное «А», только с двумя пере-
кладинами посредине.

В тот вечер солдаты долго спорили, обсуждая древнюю легенду. Губкин и Пряхин верили ей. Почуйко мудро молчал, может быть, потому, что тело у него ныло и болело, но он крепился, и только Сенников, допуская существование и государства Бохай, и необыкновенных рудников, твердо стоял на своем.

— Теперь для современной техники такие рудники не имеют промышленного значения. Историческое — возможно, — соглашался он. — А экономическое — нет. Невыгодно тащить сюда современную технику ради пустяков.

Он говорил так убежденно, так умело подкреплял свои мысли цифрами, что не согласиться с ним было трудно. Но это почему-то никого не радовало — хотелось верить, что древние мудрецы оставили потомкам стоящие богатства.

11. РАЗДУМЬЯ

Дневальный Аркадий Сенников долго ходил вокруг лагеря, вспоминая подробности нелегкого дня, и все чаще удовлетворенно посмеивался — все-таки прав он, а не другие. Просто нужно смелее отстаивать свою правоту и не обращать внимания на других — мало ли что кому взбредет в голову. Полагаться только на себя и не бояться указывать другим на их место.

«Это не нескромность, — убеждал себя Сенников. — Это полезная необходимость. В конце концов каждый отвечает за себя и каждый борется за собственное благополучие. А в борьбе можно быть и хитрым и жестоким».

Ночь выдалась облачная, темная, дышалось тяжело, и все, словно перед грозой, замерло, застало. Возбужденный, увлеченный своими мыслями, Сенников не замечал нечастых ночных теней, подозрительных шорохов и криков. Даже когда зазуммерил телефон и его густой, низкий звук разнесся по лагерю, Аркадий услышал его не сразу. Он неторопливо подошел к телефону, взял трубку, нажал клапан, но не ответил, а только прислушался. Линия молчала. Сенников подул в трубку и, положив ее на аппарат, сердито сплюнул:

«Не спится кому-то, вот и звонит, чтобы потрепаться»,— решил он.

Ночью телефон зуммерил еще пару раз, но Аркадий не подходил к нему.

Мало ли кому хочется скоротать невеселые часы дневальства!

Аркадий ходил, думал, рассеянно посматривая в темноту. Где-то далеко, в самой глубине ночи, там, где темной тучей застыла громада главного хребта, ему почудился едва заметный, зеленоватый свет. Он словно пробивался из глубины одного из горных склонов и никак не мог пробиться. На всем склоне угадывались эти попытки призрачного света заявить о себе, сказать что-то таинственное и интересное, но Аркадий был так занят собой, своими мыслями, что не обратил внимания на этот удивительный зеленоватый свет. Он искал повода утвердиться в своих мыслях, окончательно убедиться в своем превосходстве. И он придумал этот повод.

Под утро, когда Пряхин вышел из палатки, чтобы проверить, как идет дневальство, Аркадий спросил старшину:

— Скажите, вы верите... этому? — он кивнул на палатку.

— Почему же мне ему не верить?

— А вам не кажется странным, что там, в Москве, узнав о таком замечательном металле, не стали его разыскивать? Если Васьков действительно существует и если он работает в научно-исследовательском институте, то он обязан был добиться поисков этой самой горы. Вы заметили — я нарочно завел разговор о неэкономичности старых рудников, но он доказал, что они выгодны. Так можно ли поверить, что Москва не заинтересовалась таким делом?

Пряхин удивленно посмотрел на Аркадия, но промолчал, будто ожидал продолжения. Аркадий уловил это и с трудом сдержал вспышку радости: задуманное удавалось.

— И еще, — спокойно, даже почтительно продолжал он. — Дядька — учитель, племянник — ученик. Сейчас сентябрь. Когда же, интересно, они учатся и учат?

Пряхин, сжав рукой тяжелый подбородок, потупился и после паузы ответил неожиданно глухо, словно тяжело переживая собственную ошибку:

— Об этом я не подумал...

Теперь Аркадий верил в свое полное превосходство над старшиной. Он уже не мог сдержать своего торжества и сделал то, на что в иное время никогда бы не решился.

— А я вот подумал, — вызывающе сказал он и, круто повернувшись, пошел вокруг поста: последнее слово, как всегда, осталось за ним.

Озадаченный Пряхин даже не заметил его дерзкой выходки. Подозрения, высказанные Сениковым, на первый взгляд казались убедитель-

ными, и лишь в палатке, разобравшись как следует и в словах Сенникова, и в пережитом, Пряхин понял их настоящую сущность. Дело было в самом Аркадии, в его поведении, ходе его мыслей. Ворочаясь на постели, Пряхин строго сказал себе: «Спокойно. За парнем нужен особый пригляд».

И все-таки слова Аркадия не пропали даром.

Утром Пряхин почему-то не мог смотреть на хмурого, жалующегося на боль в ноге Лазарева. И Сенникова это обрадовало.

В самом конце завтрака к каменному столу подполз уж. Змея тянулась вверх, ожидая подачки. Аркадий посмотрел на нее и ощутил щемящее отвращение. И все-таки, повинувшись своему новому настроению, веря в свои силы, он быстро окинул взглядом товарищей и вдруг схватил ужа возле самой головы. Подняв его и словно любуясь им, он притворно ласково проговорил:

— Ах ты соня этакий! Почему на завтрак опаздываешь?

Губкин и Почуйко посмотрели на Аркадия с явным уважением — что ни говори, а он справился со своей вчерашней трусостью и сделал то, на что никто не решился — взял змею в руки.

Уж шипел, крутил головой и, часто высовывая раздвоенный язычок, хвостом оплетался вокруг сенниковской руки. Аркадий все с большим и большим трудом сдерживал страх и отвращение, мучительно переживая прикосновение холодного змеиного тела к своей трепетной и теплой коже, и невольно все сильней и сильней сжимал пальцы. Тело змеи стало сникать, терять упругость.

Аркадий заметил это. Весь мокрый от липкого

холодного пота он наклонился и, опустив змею на землю, не поднимая головы, хрипло сказал:

— Не пугайся, дурачок. Я ведь шучу...

Он быстро отер пот со лба, выпрямился и, тая улыбку (все-таки взял в руки! Взял!), спросил:

— Интересно, он сахар ест?

— Еще как. Сладкоежка...— доверительно улыбнулся Почуйко.

Аркадий посмотрел в глаза товарищам и понял, что они простили ему вчерашний день.

«То-то!» — подумал он, гордо вскинув красивую голову, и вышел из-за стола.

— Не спешите, Сенников, — остановил его Пряхин. — Сейчас пойдем на линию.

— Так я же дневалил, — удивился Аркадий.

— Ну что ж... Вчера вы слышали капитана — мои разъяснения не нужны. Собирайтесь!

Пряхин отвернулся. Сенников долго смотрел на него и слегка растерянно думал: «Что он, интересно, замышляет?..»

Пряхин ничего особенного не замышлял. Он все так же ровно и спокойно отдал такой же приказ Губкину.

Ничего как будто не случилось — просто началась обычная линейная служба, хотя каждый почувствовал что-то новое, невысказанное.

12. ХОЗЯИН ТАЙГИ

Вася упросил дядю отпустить его со связистами.

— Ведь нужно же искать иероглифы, — упрямо твердил он.

— Люди заняты, — возражал Лазарев. — Им будет не до тебя.

— А чем я им помешаю? — пожимал плечами Вася, и его скуластое лицо розовело. — Наоборот, если нужно, помогу.

Пряхин предложил ему идти с ним и с Сенниковым. Паренек возразил:

— Вас и так двое, а Губкин один.

— Ну, если дядя не возражает... — словно бы нехотя согласился Пряхин, но в душе был рад этому решению.

Вася уже показал себя опытным таежником, его опыт помог бы молодому солдату. Да и как бы то ни было, вдвоем в тайге надежней.

Лазарев не возражал, и Пряхин предупредил:

— Старшим — рядовой Губкин. Слушаться его беспрекословно. Понятно?

— Так точно! — неожиданно серьезно ответил Вася, а Лазарев, передав племяннику свою великолепную трехстволку и пожимая на прощание руку Саше, шепнул:

— Только не зарывайтесь там... Построже его держите.

Первый раз в жизни Губкин получил право кем-то командовать, кого-то направлять и за кем-то следить. Это очень смущало его — он не знал, как держать себя с пареньком.

Но уже за первым перевалом, там, где река пробивалась сквозь узкое ущелье между двумя сопками, Вася предложил Саше Губкину взять его катушку с проводом. Губкин растерялся — имеет ли он право доверять военное имущество, и потом, как командир, как старший, он должен заботиться о пареньке.

— Как же так?! — удивился Вася. — Один будет идти налегке, а другой нагруженный, как вьючная лошадь. Разве это правильно?

Пожалуй, это было действительно неправильно, и Губкин отдал ему катушку. Сразу стало легко и просто, смущение пропало. Они шли вдоль линии. Изредка по обочинам тропки слышался стук копыт убегающих животных, хлопанье крыльев. Губкин в таких случаях напрягался и выставлял вперед автомат — он помнил и свои ночные страхи, и случай с Почуйко. Вася был спокоен. Он равнодушно, как старый опытный охотник, пояснял:

— Сойка взлетела... Олень прошел.

Губкин успокаивался, опускал автомат.

— И правильно,— солидно говорил Вася.— Закон тайги! Раз тебе не нужно мясо или мех, не стреляй. Убивать без пользы нельзя.

Саше понравился и этот закон, и то, что он, оказывается, хорошо делал, что не стрелял. Он забросил автомат за спину, решив больше присматриваться и прислушиваться и меньше волноваться. И сразу нашлось время на осмотр линии. Она была в порядке, только кое-где они расчистили заросшую пешеходную тропинку, а в одном месте построили мостик через падающий со склонов ручей. Тайга уже не казалась Саше загадочной и жутковатой, и они разговорились, обсуждая поведение Сенникова. Саша защищал товарища, стараясь разыскать в нем и хорошие черты, а Вася прятал глаза и отвергал все сенниковские достоинства.

— Не нравится он мне, и все. Задавака. Вот Почуйко — настоящий хлопец. И командир у вас хороший. А этот — нет...

— Ну чем он плох? Чем? — горячился Губкин.

— А он такой... Такой... Все ему не нравится. Один он хороший.

Это, пожалуй, было правильно. Аркадий действительно ни к кому не относился хорошо. Но согласиться с этим Губкину было стыдно, точно он тоже был виноват в том, что Аркадий оказался таким, какой он есть. Этот неприятный разговор оборвался сам по себе.

Возвращаясь от границы своего участка, они подошли к только что построенному ими мостику. Губкин уже взялся за перильца, чтобы вступить на мостик, как Вася схватил его за руку.

— Смотри,— показал он на мостик.

На свежеекоренных жердях ясно вырисовывались грязные пятна. Губкин не понял паренька и удивился:

— Что ж тут такого?

— Ты лучше смотри, лучше!..

Саша пригляделся и вдруг понял, что эти пятна похожи на огромные кошачьи следы. Он внимательно посмотрел на Васю, опять на пятна и, чувствуя, как все в нем напрягается и словно становится сильнее, спросил:

— Неужели тигр?

Вася озабоченно кивнул головой. Его светлые глаза сузились, он весь подобрался и насторожился. Низко склоняясь над тропинкой, он вернулся назад, потом спустился к ручью и показал Саше две глубокие ямки: здесь тигр пил воду и вмял передними лапами мокрую прибрежную землю.

Забросив за спину снаряжение, Губкин и Вася изготовили оружие и осторожно двинулись по следам на тропинке — другой дороги на участке не было. В одном месте зверь потерялся о кусты и оставил на ветвях огненно-рыжие клочья линялой летней шерсти. За этими кустами следы терялись. Несколько раз связисты возвращались

назад и снова уходили вперед; следов не было.

— Вероятно, ушел в сторону,— вслух подумал Саша и ощутил, как напряжение постепенно оставляет его.

— Наверно... Учуял наши следы и прыжком ушел.

Они в нерешительности постояли перед кустом. Губкин осторожно снял с ветки клочок шерсти и увидел, что она не только огненно-рыжая, но и черная, лоснящаяся. Вася посмотрел на нее и решил:

— Молодой тигр... Шерстка на солнце даже вспыхивает. У старых — тусклая.— Он подумал и добавил: — Нет, этот — дурной. Наверняка ушел.

Оттого, что опасность явно прошла мимо, стало беспричинно весело.

— Давай возьмем этой шерсти, — шепотом, озорно улыбаясь, предложил Саша.

— Зачем?

— Ну как же? Покажем нашим, что мы ходили по тигриным следам.

Вася хитро прищурился:

— Верно, давай наберем! Придем и расскажем Почуйко, как мы тигра за хвост ловили. Он не поверит, а мы ему покажем шерсть. Вот, скажем, видишь: весь хвост ему ободрали. Так с голым хвостом и убежал на нас жаловаться.

Они рассмеялись, но тигриной шерсти все-таки набрали.

— Говорят, она для кисточек очень хороша, — смущенно пояснил Саша, потом задумался и любопытствовал: — Слушай, а тигры — бродячие животные? Вернее, кочевые?

— Да как тебе сказать? Не очень. Как привяжется к одному месту, так и бродит вокруг.

Губкин очень серьезно уточнил:

— Это точно?

— А что это тебя так волнует? — удивился Вася.

— Значит... Значит, и наши ребята, и ребята с восьмого поста могут напороться на... этого?

— Да уж... Раз появился, значит, можно наскочить.

— А он на людей нападает?

— Удэгейцы говорят, нападает. Когда голодный. Или когда раздражат. Вообще-то он старается уйти от людей.

— Все-таки, значит, нападает... Вот так пойдет кто-нибудь по тропке, а он по ней шествует,— вслух размышлял Саша и решил: — Нужно его спугнуть! Пойдем, попробуем догнать.

Вася недоверчиво покосился на него, вздохнул, потом тряхнул головой:

— Верно! Спугнуть нужно. Только пойдем не по тропинке, а заберемся чуть выше. Сверху будет видней.

— А если и он выше поднимется?

— Да нет, тигры держатся поближе к воде. К ней всякие животные на водопой ходят, он там и охотится. И потом он же, как кошка, сквозняка не любит. А на сопках ветра больше.

Они поднялись на склоны сопки и осторожно пошли вдоль опушки подступающего к тропинке разнолесья. С полкилометра они двигались вдоль реки, часто останавливаясь и рассматривая долину. Там все было спокойно.

— Нет, так у нас ничего не выйдет, — заявил Губкин.

— Пожалуй, нужно найти место, где зверь свернул с тропки,— озабоченно сказал Вася.—

Ты иди и следи за мной. А я спущусь вниз и еще раз проверю следы.

Губкин отодвинул предохранитель с затвора автомата и осторожно, стараясь не шуметь, двинулся вперед, неотрывно наблюдая за мальчиком. Из леса, привольно раскинувшегося на пологом склоне сопки, показалась еле заметная тропка,

пробитая копытцами оленей и диких коз. Она кружила между могучими неохватными дубами, все еще не сбросившими темно-зеленой листвы, и высоченными тополями, группками росшими возле водостоков. Тропка скользила вниз по язычку-отрогу к реке, и Саша стал спускаться по ней, чтобы быть поближе к Васе.

Зверовая тропа неожиданно скрылась в густейших кустарниках, зеленым тоннелем провела Губкина через пахнущие пашней и грибами водостоки и вывела на тропу вдоль столбов. Самым удивительным было то, что и Саша, и Вася несколько раз проходили мимо выхода из этого зверового тоннеля и ни разу не заметили его. Теперь же Губкин ясно видел не только выход из-под одного зеленого свода, но и вход под другой. Там, в сумерках, как осколки солнечных лучиков, трепетали на легком ветерке-дыхании ослепительно яркие оранжево-желтые тигринные шерстинки.

— Вася! Лазарев! — закричал Губкин.

— Ну чего кричишь? — недовольно отозвался Вася. — Испугаешь ведь.

Оказывается, он тоже спустился со взгорка и шел по тропинке. Губкин молча показал ему на вход в зеленый тоннель. Даже наметанный взгляд молодого таежника не сразу увидел его. Вася обрадовался и сразу же насторожился:

— Пойдем или подождем? Все-таки тигр...

Они в нерешительности постояли перед входом в тоннель и неожиданно взглянули друг другу в глаза: обоим в одно и то же время стало стыдно. Похоже было, что они струсили, и оба сразу решили загладить свою трусость подвигом или хотя бы смелым, решительным поведением.

Вася первым сделал шаг вперед, но Губкин остановил его:

— Подожди, у меня автомат.

Так они и двинулись — впереди Губкин с изготовленным к бою автоматом, а за ним, уступом вправо, Вася с ружьем в руках.

Тропка привела их на заливной луг, заросший густым, уже по-осеннему одеревенелым разнотравьем, у корней которого выбивались и подгон, и первые стрелки озимых трав. Все это сразу зашуршало и заскрипело под ногами, и связисты остановились. Неподдалеку раздался сдержанный не то рык, не то хриплое мяуканье. Связисты повернули головы и замерли — метрах в тридцати — тридцати пяти стоял и смотрел прямо в их широко открытые и, вероятно, испуганные в эту минуту глаза большой, шелковисто поблескивающий на солнце черно-рыжий тигр.

Над разнотравьем виднелись только его спина — широкая, с плавным прогибом посредине, и щекастая оскаленная морда. И как бы сам по себе, в полуметре от мощного, покрытого солнеч-

ными бликами крупа извивался и трепетал черный кончик хвоста. Как это ни странно, а именно этот живущий как бы сам по себе черный кончик больше всего смутил Губкина. Он казался ненастоящим. В нем было что-то неправдоподобно-кошачье, домашнее и совсем-совсем нестрашное.

Первый испуг, неминуемый при встрече с грозным хозяином тайги, прошел и уступил место острому любопытству, к которому через секунду примешалось еще и беззлобное озорство. Захотелось крикнуть, свистнуть или сделать еще что-нибудь веселое, отчаянное, мальчишеское.

Но чтобы сделать это, нужно было почему-то посмотреть на морду тигра. И когда Вася взглянул на нее, озорное настроение не то что пропало, а тоже как-то отошло в сторонку и притаилось.

Тигр больше не рычал. Он щурился и широко раскрывал пасть, склоняя опущенную белыми бакенбардами красивую морду набок, так, словно подставлял зубному врачу больные зубы. А сами зубы, белые, редкие и поэтому особенно внушительные, вспыхивали солнечными бликами, и тогда становилось страшно. Такие это были зубы.

— Стреляй! — тихонько прошептал Вася.— Стреляй!

Губкин не мог стрелять. Было в этом молодом сытом звере

столько могучей и в то же время изящной красоты, столько еще ленивой, непроявившейся силы и сдержанного, по-своему благородного гнева, что стрелять в него казалось невозможным так же, как броситься с ножом на картину, которая поразила тебя своей мрачной правдивостью.

— Стреляй же, — молил Вася.

Губкин не стрелял. Он просто смотрел на зверя. Ни страха, ни озорства, ни даже удивления он не ощущал — зверь был красив, и Саша любовался этой красотой.

В какую-то секунду восторженный взгляд человека и настороженно-ленивый взгляд зверя встретились. Ни зверь, ни человек не могли сообщить что-либо друг другу, но, видно, у обоих произошла какая-то мгновенная перемена, потому что тигр перестал скалиться и больше не склонял набок свою красивую морду. А человек весь подобрался, подтянул автомат поближе к плечу, причем сделал это совершенно бездумно, как будто во сне отлежал руку и теперь устраивает ее поудобней.

Тигр стал оседать и пропадать в разнотравье. Теперь он почти не скалился, морда его — напряженная, мужественно-красивая, с откинутыми назад ушами — еще несколько мгновений маячила над частоколом бурьяна, а потом скрылась. Но Саша все равно видел не зверя и его морду, а блеск зеленоватых — он был уверен, что именно зеленоватых, — жестоких глаз и по-прежнему не ощущал страха. Было только невероятное напряжение и озарение, словно каждая жилка в нем напряглась до предела, и поэтому он видел и понимал даже то, чего не мог видеть и понимать человек в обычном состоянии.

Он понимал, что тигр присел для прыжка и

для этого ему пришлось скрыться в траве. Он видел, как зверь расстерянно открыл прищуренные глаза — прыгать неизвестно куда он не мог. Он видел, как тигр недовольно покривился, и понимал, что зверь мгновенно решил, точнее, подчинился древнему инстинкту: если на врага нельзя напасть — уйди от него. Все это Саша видел, хотя, честно рассказывая об этом впоследствии, сам признавал, что видеть и понимать всего этого он не мог. И тем не менее он видел и понимал.

Тигр обиженно рыкнул и короткими неуклюжими прыжками побежал к реке. Ослепительная черно-оранжевая спина его замелькала между травой и кустарником.

И тут опять выступило вперед то почти мальчишеское озорство, которое отступило было в сторонку и притаилось. И Вася и Губкин вдруг дико заорали, засвистели и, забыв обо всем на свете, побежали за хозяином тайги, как бегают уличные мальчишки за трусливой, приبلудной собачонкой.

Тигр мчался мощными стремительными прыжками, и догнать его было невозможно. Только на одно мгновение он задержался перед тихой и мелкой в этом месте рекой, но, сжавшись в тугой комок, красиво взметнулся над водой и зарослями. Однако сил у него не хватило. Раздались звучный всплеск, сердитый рык, и зверь, выскочив из реки, помчался дальше.

Губкин и Вася увидели только круп зверя и, не раздумывая, все в том же припадке отчаянного озорства бросились в реку. Проваливаясь в ямы по шею, захлебываясь, они выбрались на другой берег и, уже задыхаясь, побежали вверх по отлогому скату заречной сопки. Ветви

хлестали по лицу, ноги скользили и путались в траве, но они все бежали и бежали. Дыхание становилось хриплым, запаленным, их оставляли силы, и все-таки остановиться они не могли.

Преодолев крутой подъем, перевалив через неожиданный на горе местами обрушенный земляной вал, они уже не побежали, а побрели по ровной, кое-где пересеченной водостоками плоской площадке, заросшей огромными дуплистыми липами и дубами. Метров через двести они наткнулись на почти отвесную скалу, из-под которой, позванивая, бил ключ. Притененная и потому матово поблескивающая струйка даже на вид холодной и чистой воды падала на камень и разбрасывала затаенно мерцающие брызги. Глядя на воду и на эти красивые брызги, связисты поняли, что больше всего на свете им хочется пить, а когда напились, то двигаться уже не смогли.

Они выбрали место посуше у подножия трухлявой, но все еще могучей липы, разделись и разложили на пятнистых от теней солнечных прогалинках мокрую одежду.

Ни о тигре, ни о собственных переживаниях они не говорили — что-то мешало им. Может быть, то самое мальчишеское озорство, которое привело их на склоны этой незнакомой сопки. Потом они прикинули, что времени до вечера еще много и можно как следует отдохнуть.

Солнце стояло еще высоко, но в воздухе уже плавала та бодрящая свежесть, которая так хороша в осенних горах Приморья. Есть в ней что-то ослепительно чистое, древне-мудрое, что заставляет по-особому взглянуть и на окружающее, и на самого себя. Но Сашу Губкина разбудила не эта свежесть. Он проснулся от неясной

и неосознанной тревоги, словно ощутил на себе чей-то тяжелый, ненавидящий взгляд. Сердце билось гулко, во рту пересохло, и ощущение тревоги, даже опасности не покидало его. Он подтянул автомат, поднялся на ноги и осмотрелся. Все было тихо, покойно, красиво. И все-таки что-то смущало.

Губкин покрыл скорчившегося от осенней прохлады Васю подсохшей гимнастеркой, оделся. Ощущение опасности не проходило. Причем это был не тот неосмысленный страх, который Губкин пережил в первую ночь у землянки. Нет, он явственно ощущал на себе чей-то взгляд — тяжелый и жестокий, но сколько ни оглядывался, как ни следил за окружающим, ничего подозрительного не видел.

Губкин обошел липу со всех сторон, осмотрел ее ветви, заглянул в пахнущее гнильем и почему-то кошками дупло, потом все расширяющимися кругами обошел почти всю площадку и ничего подозрительного не заметил. Во рту было все так же противно, и он пошел напиться свежей ключевой воды. Опираясь о покрытый сухими лишайниками бок скалы, из-под которой бил ключ, он сделал несколько глотков и зажмурился от зубной боли — вода была необыкновенно вкусна и очень холодна. Он pokrutil головой и открыл глаза. Со скалы на него глянула высеченная из камня, залепленная лишайниками звериная морда.

Саша посмотрел вниз и увидел, что вода падает на каменный выдолбленный водосток и течет по тщательно пригнанным друг к другу каменным плитам.

— Вася! — закричал Губкин. — Довольно дрыхнуть! Давай сюда.

13. НА ДРЕВНЕМ ГОРОДИЩЕ

На седьмом посту все было спокойно. Вошедший в хозяйственный раж Андрей Почуйко перебрал все продукты и нашел для них место, расширил палатку и приготовил отличный обед.

Замкнуто-спокойный Пряхин и слегка высокомерно усмехающийся Сенников вернулись несколько раньше Губкина и Васи и, умытые, сидели за столом. То прихрамывая, то подпрыгивая на одной ноге, Почуйко колом перекатывался по лагерю и отрывисто, даже как будто сердито докладывал Пряхину о случившемся:

— Фазаны, треклятые, как скаженные... Все с под рук тянут. А звонить никто не звонит. Так только... проверяли — на месте или нет. А по линии? По линии разве разберешь? Сыпят шифровки, и только.

Пряхин нахмурился. Осунувшийся за одну ночь и какой-то посеревший Лазарев мельком взглянул на него и опять занялся своим делом: он быстро и ловко сплетал какие-то нитки, тщательно протирая их воском.

В это время появились возбужденные, радостные Губкин и Вася.

— Городище нашли! — издалека закричал Вася. — Настоящее!

Как это ни странно, больше всех был взволнован рассказом Сенников. Он сразу же пристал к Пряхину:

— Пойдемте завтра туда, товарищ старшина!

Первый раз Пряхин увидел молящие глаза Аркадия, но что-то не понравилось ему в них, и, хотя ему самому хотелось побывать в тех местах, он решительно сказал:

— Менять участки сейчас не буду. Придет время — побываем.

Вечером долго рассматривали схематический чертежик открытой Губкиным площадки, обнесенной земляным валом. Сдержанно возбужденный Лазарев прикидывал, где могли быть жилые и общественные постройки, хранилища и боевые сооружения исчезнувшего поселения.

— Чертова нога,— жаловался он.— Ведь как нужно было бы покопаться, как нужно...

— А мы сами сделаем. Сами покопаемся,— горячился Вася, и Лазарев посмотрел на Пряхина.

Старшина молчал. Он еще раз изучил чертежик и, вздохнув, решил:

— Ладно... Но только так: линию контролировать. А для этого, кроме обязательного осмотра, через каждые два — три часа выходите и подсоединяйтесь. Чтобы быть на месте. В случае чего.

Рано утром Почуйко осторожно разбудил Губкина и Васю, посадил их за стол и, пока они ели, смотрел на них так, как смотрит мать на повзрослевших детей — чуть грустно и в то же время с долей хорошей зависти, смешанной с гордостью. Даже склоненную набок голову Андрей подпер рукой как-то по-бабьи, выгнув кисть и поддерживая локоток. Он сам приготовил товарищам продукты на дорогу и проводил до взгорка.

Прихватив лопаты, Губкин и Вася быстро прошли по линии до конца своего участка, созвонились со своим и соседним постом и уже знакомой тропкой-тоннелем прошли к реке. На другой берег они перебрались нагишом. Холодная осенняя

вода ломила и корежила тело, но это не казалось неприятным, а, наоборот, веселило связистов. Синие, выстукивающие зубами дробь, они долго прыгали на берегу, стараясь побыстрее одеться, и смеялись друг над другом.

Солнце уже вышло из-за главного хребта, роса быстро высохла, а в воздухе было еще прохладно и свежо. Копать землю было сущим удовольствием. Первые шурфы, пробитые в местах, указанных на чертеже Лазаревым, ничего не дали, хотя все они прошли так называемый культурный слой — почти полуметровую прожилку золы, полусгнивших костей и каменных осколков. Прежде чем начать соединение шурфов траншеями, Губкин решил сбегать на линию. Вася собрался идти вместе с ним, но Саша оставил его:

— Не стоит — здесь недалеко. Я сам смогаюсь.

Тайга уже не казалась ему таинственной и страшной, и он ушел, а когда вернулся, то застал Васю в самом конце площадки. Он прислонился спиной к отвесной скале и держал оружие наготове.

— Ты что? — удивился Губкин. — Почему не копал?

— Понимаешь, — огорченно и удивленно ответил паренек, — только начал копать, чувствую, смотрит на меня кто-то. Я и так, я и сяк. Не вижу никого, а чувствую — смотрит. Удэгейцы говорят: раз такое случается — берегись. Кто-то за тобой следит.

Вася пристально смотрел в лицо Губкину и, увидев, что он краснеет, покраснел и сам.

— Нет, может, удэгейцы просто суеверны... Но, понимаешь...

— Слушай,— перебил Саша,— у меня вчера, когда ты спал, точно так же было. Только я... промолчал.

— Смотри-ка... Выходит, когда вдвоем — так ничего.

Они повеселели и принялись за работу. Однако и траншея ничего не принесла.

— Ладно,— почему-то рассердился Губкин.— Мы в другом месте начнем.

Прежде чем приступить к отрывке новых шурфов, решили поесть и отдохнуть. Расположились под той же дуплистой липой, что и накануне. Солнце уже припекало, и связисты сняли гимнастерки. Вася лег на спину и, заложив руки под голову, стал фантазировать:

— А вдруг мы все-таки найдем... клад. Представляешь, вытаскиваем какой-нибудь сундук или кувшин, а в нем — чего только нет. И золото, и драгоценности... — Он запнулся, потому что не мог назвать больше ничего интересного, привлекательного. Тогда он тряхнул головой и решил: — Нет, это не так важно. Представляешь — открываем мы с тобой вход в подземелье, а в нем — огромная библиотека древних рукописей. И там всякие исчезнувшие секреты. И где находятся богатые руды, и как их плавить, и как выращивать знаменитый женьшень, и как лечить всякие сложные болезни, и все-все... Ведь сколько утеряно на земле всяких интересных секретов. Да-да! Мне дядя рассказывал. Например — пустяк. Раньше умели делать изразцы, которые не трескались ни на морозе, ни на жаре и никогда не тускнели. А сейчас не умеют. И многое-многое другое. Или, например, в этих рукописях — описание давно исчезнувших народов, или, еще лучше, вдруг мы находим в них

рассказ о том, как на нашу землю прилетали люди с других планет.

Губкин снисходительно слушал паренька, думал, что в свое время он тоже мечтал об этом, и поймал себя на мысли, что найти все это он не прочь и теперь,— иначе зачем бы он возился с этими шурфами. На минуту он задумался, вспомнил свое детство и почти сейчас же ощутил странную тревогу. Он оглянулся.

Справа от него, неподалеку от тропы, которую протоптали животные через древний вал, стоял вчерашний тигр. Он внимательно смотрел на людей, и черный кончик его хвоста медленно шевелился. Губкин осторожно подтянул автомат и, не спуская взгляда со зверя, стал подниматься на колени. На какое-то мгновение он встретился взглядом со зверем и не то что увидел, а ощутил, что тигр отвел взгляд. Хвост мотнулся, тигр оскалился и, прежде чем Губкин успел щелкнуть затвором автомата, медленно, величаво скрылся в зарослях.

Губкин вскочил, сделал несколько шагов ему вслед, потом остановился и крикнул:

— Васька, опять тигр!

Лазарев вскочил на ноги:

— Где?

— Вот только что был здесь. И потом ушел в кустарник.

— Неужели... Неужели это он за нами следит? — вслух подумал паренек.— Удэгейцы говорят, что, когда тигр не хочет оставлять место, он всегда начинает ходить сзади людей, кругами. Может, он и ходил?

И оба невольно огляделись по сторонам.

— Да нет,— решил Губкин,— он же появился как раз оттуда, куда убежал вчера.

Губкин смело направился к звериной тропе и вдруг услышал отчаянный крик Васи:

— Стреляй!

Саша, конечно, не понял, куда и почему нужно стрелять. Он скорее инстинктом, чем разумом, решил, что Вася в опасности — ведь тигр ходит кругами, и, вскидывая автомат, быстро оглянулся назад. Тигра сзади не было, а на толстом дубовом суку он увидел чей-то извивающийся хвост, пятнистое тело и нестерпимо зеленые, безжалостные глаза. Ни о чем не думая, не успев даже испугаться, он выстрелил.

Стрелял Саша не прицеливаясь, и пули наверняка прошли бы мимо. Но как раз в то мгновение, когда он нажимал на спусковой крючок, пятнистый зверь оттолкнулся от дубового сука и бросился на Губкина. Зверь летел сверху и как бы сам наткнулся на веер автоматных пуль.

Стремительное, но уже умирающее тело зверя с судорожно сжимающимися когтистыми лапами, с оскаленной пастью пролетело рядом с деревцем в сторону Губкиным, шлепнулось на землю и застыло. Прижатые к кошачьему черепу острые уши зверя с кисточками на концах выпрямились и опали.

И в эту же секунду совсем неподалеку раздался грозный и в то же время испуганный рык. Саша быстро выпрямился и посмотрел в ту сторону, откуда он неся. Там шевелились кустарники, и между ними мелькала рыжая с черным ремнем во всю спину тигриная туша.

— Стреляй! Стреляй! — закричал Лазарев, охваченный ни с чем не сравнимым охотничьим азартом.

Губкин не стал стрелять. Им овладело неожиданное спокойствие, уверенность в себе, в своих

силах. Что-то старое, жившее в нем, подломилось и исчезло, а на его место пришло нечто новое, зреющее где-то в глубине души и словно ожидавшее своего часа, чтобы явиться и сразу укрепить молодого солдата. Лазарев не знал этого. Схватив свое ружье, укоризненно бросив Губкину: «Ну что же ты», — он помчался вслед за зверем, взбежал на вершину вала и дважды выстрелил. Заряды, конечно, не достали зверя, но, напуганный выстрелами, он прибавил ходу.

Они встретились уже на тропке, когда хозяин тайги удрал далеко за реку. Тяжело дышащий, возбужденный, Вася едва успокоился, а когда подошел к пятнистому зверю и осмотрел его как следует, стал захлеб рассказывать о том, как все это произошло.

— Я, понимаешь, вначале хвост увидел! — кричал Вася. — Смотрю — извивается. Думал, змея. А потом вспомнил, что рыси всегда нападают только сзади.

Губкин чувствовал себя намного старше восторженного паренька и, мягко, снисходительно улыбнувшись, уточнил:

— И на человека?

— О, это такой проклятый зверь — рысь! Да еще пантера. Не только на человека, даже на автомашины и то нападают. Да-да! Не веришь? Вот приезжай к нам, там тебе расскажут. Если хочешь знать, так после войны, когда их особенно много развелось, на машины, которые ходили от деревни Ковалерова в тайгу, специально сажали автоматчиков. Да-да, отбиваться от рысей и пантер. И тигры набрасывались на машины. Честное слово!

— Да верю, верю, — рассмеялся Губкин. — Теперь я понимаю, кто на нас смотрел. Рысь.

— Точно, точно,—закричал Вася.— Тигр — молодой. Он, дурак, нас больше испугался, чем мы его. А эта за нами охотилась.

— Конечно!

— Ну, теперь — все! — кричал Вася.— Притащим рысью шкуру, и пусть Почуйко не поверит, что мы тигра за хвост ловили!

— Так мы и в самом деле чуть-чуть его не схватили... Только неизвестно, кто кого больше боялся — мы тигра или он нас!

— Это верно!— обрадовался Вася.— Знаешь...

— Да, кстати, о «знаешь»,— все так же весело, но очень твердо сказал Губкин.— Давай договоримся на будущее: без моего разрешения не стрелять. Если, конечно, не чрезвычайное обстоятельство.

Паренек сразу остыл и удивленно посмотрел на Губкина.

— Ты понимаешь, какой сейчас переполох на посту? Ведь здесь тайга, мы охраняем линию. Понял? Ну, давай собираться.

Пошли они все-таки не сразу — оставить великолепную шкуру не могли. Они подвесили рысь к тому самому суку, с которого она прыгала, и начали свежевать. Когда шкура была снята, Губкин предложил:

— Давай-ка закопаем тушу в шурф, чтоб не смердела.

Они сбросили тушу в шурф и стали зака-

пывать. Нажимая на лопату, Губкин оступился, и в шурф осыпался пласт земли, из нее выглянула и заблестела на солнце металлическая пластинка. Губкин поднял ее, осмотрел: ни ржавчины, ни раковины на матово поблескивающем металле не было.

— Бохайский металл,— почему-то шепнул Вася.

— Похоже,— сказал Губкин и спрятал пластинку в карман.— Давай поторапливаться.

14. РАСКРЫТЫЕ ТАЙНЫ

Выстрелы были услышаны не только на седьмом посту. Возвращавшийся с линии Пряхин тоже услышал их и, коротко приказав: «Бросок!», экономной и спорой трусцой побежал к гарнизону.

Мокрые от пота, запаленно дышащие, Сенников и Пряхин прибежали на пост и никого не застали. Озадаченный старшина крикнул:

— Почуйко!

— Та здесь я...— недовольно ответил Андрей откуда-то сверху.— Ничего, понимаете, не видно.

Пряхин задрал голову. Почуйко сидел на верху двойного, с подпорками столба и смотрел в ту сторону, откуда донеслись выстрелы. Наблюдательный пункт понравился старшине — Андрей явно человек со смекалкой. Хвалить его Пряхину не хотелось — еще не известно, что случилось. Он отрывисто спросил:

— Кто стрелял?

— А кто его знает... Наверно, Сашка с Васькой.

— А... Лазарев где? — спросил Пряхин и покосился на Сенникова.

— А вон, на вырубке, в обороне залег.

— Ничего не видно? — уже поспокойней спросил Пряхин.

— Ни биса лысого, постреляли и замовчали. Не иначе как опять тигра за хвост ловили, — все так же ворчливо пошутил Почуйко.

— Я же говорил вам, — раздраженно сказал Сенников. — Нужно было нам с вами пойти на городище. Эти мальчишки натворят дел, а нам потом расхлебывай.

И потому, что Пряхин думал сейчас как раз об этих мальчишках, об их судьбе, слова и тон Сенникова не только возмутили его, а как бы по-настоящему приоткрыли подлинную сущность сенниковской природы. Старшина понимал, что стрелять без нужды люди не будут. Значит, случилось что-то опасное для них, и они, видимо, не растерялись — вступили в бой. А вот вышли из него победителями или не вышли — неизвестно. И это волновало всех.

Сенникова же волновала не судьба товарищей, не исход боя, а только собственные неудобства да еще, пожалуй, обиженное самолюбие. Это так возмутило старшину, что он хотел выругать Аркадия, наложить на него взыскание. Но... Но Сенников был неуязвим. Он не нарушал дисциплины. Он исполнителен и аккуратен, не то что Почуйко, который после ранения разговаривал со всеми как с равными и делал то, что считал нужным.

Старшине не нравятся слова Аркадия? Его мысли? Ну что ж, на то старшина и командир, чтобы воспитывать солдата, прививать ему правильные мысли.

Отсутствие прямых проступков больше всего злило Пряхина. Весь его опыт армейской жизни

подсказывал, что у таких людей, как Сенников, не может не быть проступков. А он их не замечал. Значит, он еще слабый командир. Нужно было что-то сделать, как-то отозваться на сенниковские слова, а внутренне обозленный и растерянный Пряхин молчал. И Аркадий понимал это молчание по-своему.

Как назло, зазуммерил телефон.

— Седьмой пост,— в сердцах буркнул Пряхин.— Слушаю!

Говорил недовольный капитан Кукушкин:

— Что у вас делается, Пряхин? То о дяде с племянником вовремя не доложили, теперь стрельбу подняли, а мы здесь опять гадай. Не нравится мне это, старшина, ох не нравится.

Старшина мысленно выругался: «Мало ли что там не нравится. Мне и самому не все нравится, а молчу», но ответил ровно, отрывисто, как всегда:

— Причин стрельбы еще не выяснил: только что вернулся на пост. Установлено наблюдение...— Пряхин запнулся, потом твердо добавил:— Приняты меры к обороне.

— Твои все на месте?

— Никак нет, Губкин на линии.

— Один?

— Нет. С племянником.

— Кто ж тогда у тебя оборону занимает? И кто ведет наблюдение? У тебя ж там сплошной лазарет.

— Вот как раз лазарет этим и занят. Почуйко — в наблюдении, Лазарев — в обороне.

— С больной-то ногой? Ты смотри, Пряхин, верни его... Знаешь, человек он заслуженный — мы тут проверяли ваше донесение, и секретарь райкома попросил немедленно оказать ему по-

мощь. Завтра или послезавтра придем за ним вертолет. А вы его в оборону.

— Когда я прибыл на пост, Лазарев был уже в обороне,— суховато уточнил Пряхин и вдруг увидел, что Сенников сдержанно улыбается. Теперь старшина отлично понимал своего солдата и мог действовать наверняка. Он нарочито громко спросил: — Значит, вы проверяли Лазарева, товарищ капитан?

— Конечно: фронтовик, коммунист. Да вы и сами видите, как он себя ведет в сложную минуту.

— Так точно. Я почему переспрашиваю — тут у меня нашлись такие, которые не очень ему доверяют. Но если секретарь райкома его поддерживает...

— Ну, со своими ты сам там справляйся, Пряхин. И, кстати, о своих. Кто у тебя прошлой ночью дежурил? Мне доложили, что пост всю ночь не отвечал на вызовы.

Вот и проступок, тот самый, который не мог не быть. Он должен был проявиться и вот — проявился.

— Дневалил Сенников. А почему он не отвечал на звонки — сейчас выясню.

— А вы его проверяли?

— Так точно. Проверял. Мне Сенников докладывал, что все в порядке. Сенников, почему не отвечали на вызовы?

— Это вы сами разбирайтесь, товарищ Пряхин,— оборвал Кукушкин.— А пока уточняйте причину перестрелки.

Все стало на свои места — строгая армейская служба с ее одновременно сложной и простой системой контроля, как всегда, сыграла свою роль. Все тайное стало явным, и Сенников впер-

вые понял, что оно и не могло оставаться тайной. Что бы и как бы он ни скрывал, что бы ни выдумывал и как бы ни хитрил — все равно рано или поздно, а все обнаружится и за все придется нести ответ. Это открытие огорошило его, и он — опять-таки впервые — еще робко подумал, что не следовало бы ему так вызывающе вести себя, не такой уж он умный и всепонимающий. Лучше было бы, не мудрствуя лукаво, как следует присмотреться к службе, найти свое место, а уж потом...

Вот так правильные мысли опять привели его все к той же уверенности, что все его беды — только случайность. Просто он погорячился, и то только потому, что он всегда говорит все прямо, в открытую, а вот старшина все лукавит, все приберегает до подходящего случая. Бледный и все еще растерянный, — потому что обеляющие его мысли перемежались с мыслями осуждающими, Сенников вдруг решил: «Черт с ним — пускай наказывает. Я перетерплю. Ладно». И от этого почти жертвенного решения, готовности перенести всяческие неприятности он почему-то почувствовал себя смелее и увереннее. Мелькнула даже почти веселая мысль: «Да и как он накажет? Гауптвахты здесь все равно нет...»

Но Пряхин не стал наказывать. Как командир, он обязан был уточнить провинность подчиненного, выяснить, почему Сенников не отвечал на вызовы, и как-то выразить свое командирское отношение к провинившемуся подчиненному. Но в этот момент в старшине жил не только строевой командир, а еще и коммунист и, значит, политработник: честный и неприимый. И старшина понял, что не взыскание тут нужно, не дознание, а нечто другое, что

именно он недодумал, потому что нужное слово вырвалось само по себе.

— Трепач! — с нескрываемым презрением бросил он и отвернулся.

Сенников вспыхнул — всего он ждал, только не этого. Может быть, он даже возмутился, но сверху донесся рассудительный, словно утверждающий приговор, голос Почуйко.

— Це верно. Трепач!

Впервые Сенникову захотелось заплакать от обиды, горечи и полной незащитности. Он уже понимал, что за него никто не заступится, никто не поможет. Он оказался одиноким.

Слева донесся слитный, быстро нарастающий гул, и над горами появились тесно прижавшиеся друг к другу тройки самолетов. Серебристые, стремительные, несущиеся несколько впереди устрашающего гула, они пронеслись над горами и скрылись за главным хребтом. Пряхин посмотрел им вслед и спросил:

— Почуйко, что на линии?

— Та шифровки ж шпарят...

— Видно, начинается, — хмуро решил Пряхин и приказал: — Рядовой Сенников, отрыть окоп над дорогой. Приготовиться к обороне. Почуйко, останетесь старшим. Я пойду к городищу.

Он поправил оружие и быстро пошел к дороге. Почуйко остановил его:

— Товарищ старшина! Идут! Оба идут. И что-то тянуть на палке. — Он помолчал и восхищенно добавил: — Невжели ж тигра пристрелили... — И спросил: — Слушайте, а тигров едят?

Ему никто не ответил.

Сенников в нерешительности остановился. Приказ занимать оборону показался ему ненужным. Пряхин резко прикрикнул:

— Вам что приказано? Выполняйте!

Губкин и Вася притащили рысью шкуру, и все слушали рассказ возбужденного Васи, с невольным уважением поглядывая на улыбающегося и явно смущенного Губкина. Почуйко молча подкладывал ему лучшие куски, норовя опереться о его плечо. Лазарев больше интересовался принесенной связистами металлической пластинкой. Он нашел на ее краях остатки припая и долго изучал дырочки на краях. Только в конце ужина пришло время заняться пластинкой.

— В том, что это бохайский металл, сомнений нет,— сказал Лазарев.— Но кто из вас знает, что это такое?

Никто, конечно, не знал, хотя каждый с уважением подержал и осмотрел пластинку.

— Это, товарищи, самая настоящая прародительница ваших погонов! Да, да! Не удивляйтесь. Перед вами древний погон. Он крепился к кольчуге, на плечах воина, с помощью шнурков, или припаявался, или иным способом и должен был защищать воина от удара мечом сверху. Прошло время. Нужда в такой защите отпала, а погоны остались. Недаром они и сейчас делаются из металлической канители, как бы напоминая о своих предках. Ну вот. В данном случае погон этот рассказывает, что в найденном вами городище, вероятно, были бои. Под ударом меча погон оторвался, вернее, отпаялся и упал. Видите, есть вмятинка.

Тут только солдаты увидели на матово блестящей поверхности пластинки едва заметную вмятинку, похожую на след металлической чертилки.

— Человек, которого защищал этот погон, дрался в центре городища. Видно, он был от-

важным, стойким воином и умел драться до конца...

Люди примолкли, словно отдавая дань уважения неизвестному воину, отстаивавшему свою родину до последней капли крови.

— К сожалению, мы не знаем, победил он или погиб. А может быть, победив, умер от «черной болезни»... Как жаль, что мы ничего или почти ничего не знаем о тех людях...

— Вот видишь,— шепнул Вася Губкину.— Я ж говорил, что лучше б нам рукописи найти, чем драгоценности.

И покачал головой так, будто Саша все время хотел найти только драгоценности. Губкин не ответил. Он смотрел на Сенникова и не мог понять, почему у него такое усталое лицо, такой отрешенный, печальный взгляд.

Несколько секунд стояла тишина. Пряхин кашлянул и отдал приказ:

— Чтоб там ни было, а на городище пока ходить не придется. От поста далеко не отлучаться — за линией нужно будет смотреть в оба глаза. Завтра передохнем немного и возьмемся за оборудование поста.

15. НА РЫБАЛКЕ

Пока люди были на линии, Почуйко твердо взял в свои руки хозяйственные дела гарнизона. Утром Пряхин хотел было распорядиться продуктами, но нашел их так тщательно и любовно рассортированными и прибранными, что даже позавидовал Почуйко. Он хотел было сказать об этом Андрею, да его не оказалось на месте.

Солдаты и Вася пошли к реке умываться, и старшина спросил у Лазарева:

— Куда это Почуйко делся?

— Фазанов ловит.

— То есть как?

— А мы тут от нечего делать наплели с ним силков и расставили по обочинам дороги и тропок. Вот он и пошел проверять.

Тут уж, кажется, стоило не хвалить, а ругать. Как это так? Без спроса занялся силками, без разрешения отправился гулять! Старшине не нравилась такая чрезмерная самостоятельность и в то же время... В то же время она ему нравилась, как Пряхин ни убеждал себя, что Почуйко не прав. Нравилось, что Андрей, не ожидая распоряжений, делал то, что считал нужным сделать не для себя, а для всех, для поста. Ругать его за это?.. Нет, ругать Пряхин не мог. Да ведь и распускать тоже нельзя! Дисциплина есть дисциплина.

Минут через десять из кустарника вышел хромающий Почуйко. Он тяжело опирался на палку, но, увидев Пряхина, пошел бодрее, далеко, как на прогулке, выбрасывая палку. В левой руке он держал за ноги трех связанных фазанов — двух курочек и одного красавца петуха. Фазаны задирали головы и покорно хлопали большими светлыми веками.

— Вы что ж это, Почуйко, никому не доложили об отлучке? — как можно доброжелательней спросил старшина.

— Здравствуйте! — удивился Почуйко. — Я ж Лазареву сказал. Шо он вам не передавал?

Так убежденно звучали слова Почуйко, что старшина не мог не отметить: учитель включен в гарнизон поста, и у него с таким хозяйственни-

ком, как Андрей, наверное, появились свои обязанности. Это открытие вначале рассмешило Пряхина, однако, поразмыслив как следует, он понял, что оба Лазаревы незаметно вошли в гарнизонную семью. Ведь племянник по-настоящему нес линейную службу, дядя сам занимал оборону... Интересно, чем он занимается сейчас?

— Ну как, товарищ лейтенант? — озабоченно спросил Почуйко, укладывая фазанов возле стола. — Понаделали?

— Заготовил, — ответил Лазарев. — Теперь остановка за рукоятками.

— Ну это мы сейчас... Зараз команду дадим. — Андрей озабоченно обратился к старшине: — Тут как вы сказали, что малость отдыхать будем, так мы вот с товарищем лейтенантом подумали, что хорошо бы рыбки набить. Она зараз валом идет, можно сказать, дуриком. А упустишь — не увидишь. Так вот требуется ваше разрешение.

— А чем же вы ее бить будете? — настороженно спросил Пряхин, полагая, грешным делом, что Почуйко попросит тола для глушения.

— А вот... острогами. Товарищ лейтенант...

— Слушайте, Почуйко, не называйте вы меня лейтенантом. Во-первых, я человек гражданский, а во-вторых... то же, что во-первых, — попросил Лазарев.

— Ага, ну ладно. Так вот... Николай Иванович говорит, что Васька покажет. А мы тут со штырей наконечники наделали. Так как, можно?

— Я не совсем понимаю, зачем это?

— Ну як это «зачем»? — искренне удивился Почуйко. — Чего ж мы государственные харчи будем переводить, если они тут кругом бегают?

И обратно — они же свежие. А мы, выходит, как дурные будем на консервах сидеть. Верно ж, товарищ старшина?

Не согласиться с Андреем было нельзя, и Пряхин опять отметил, что почуйкинский хозяйственный азарт направлен на общую пользу и видит Почуйко гораздо дальше, чем можно подумать, глядя на его добродушно-хитроватое, круглое, уже обветренное лицо.

Но что-то не нравилось Пряхину в этой затее, и он долго молчал, пока наконец не понял, что именно ему не нравится.

— Все это хорошо, товарищ Почуйко, да ведь то, что вы предлагаете, браконьерство.

— Чего, чего? — искренне удивился Андрей.

— Острожить рыбу запрещено законом. А тем более рыбу, идущую на нерест. Так что придется отставить.

Андрей беззвучно пошевелил губами и с мольбой устался на Лазарева.

— Все это правильно, товарищ старшина, — вмешался Лазарев. — Острожить рыбу действительно запрещено законом. Но... Но должен вам сказать, что есть и еще один закон, который разрешает поисковым партиям, охотничьим и другим экспедициям, находящимся далеко от баз, не только острожение рыбы, но даже отстрел охраняемых законом животных. И иначе нельзя. Ведь все, что живет в тайге, все, что растет на земле, охраняете для того, чтобы надежней служить человеку. Не человеку-хищнику, убивающему ради забавы или для обогащения, а советскому человеку-строителю...

Учитель говорил долго, и спорить с ним было трудно. В конце концов самым важным для Пряхина была не сама рыба, хотя он и понимал,

что свежая рыба гораздо важнее для здоровья солдат, чем любые консервы, а прежде всего сами солдаты. Он понимал, что нужно поддерживать и бескорыстное хозяйственное рвение Почуйко,— со временем из него может выйти хороший старшина. Кроме того, Пряхин был уверен, что необычная охота поможет скорее и надежнее втянуть горожан Сенникова и Губкина в нелегкую жизнь далекого таежного гарнизона.

И старшина согласился. В тот же день под руководством Лазарева сделали три остроги. Губкин, Сенников и Вася пошли на рыбалку, а Пряхин остался на посту — ему хотелось послушать, что делается на линии, наметить места для обороны поста. И самое главное, еще раз по-своему проверить подчиненных.

Рыба шла из океана в места нереста. Шла той самой дорогой, которой ходила тысячи лет. Шла упрямо, самоотверженно и смело, преодолевая и встречное течение, и водопады, и завалы, стремясь к речным истокам, к чистым гравийным перекатам, чтобы выметать икру и погибнуть.

Переходя по мостику на дальний, более обрывистый берег, Губкин, Вася Лазарев и хмурый, молчаливый Сенников увидели плывущих то парами, то в одиночку, чаще группами больших, темных рыб. Напряженно работая хвостовыми плавниками, они двигались против течения медленно, но упрямо.

Иногда одиночки приближались к парам. Тогда плывущий сзади самец переворачивался набок и, сверкнув на солнце серебристой чешуей, бросался на одиночку. Приоткрыв большие, усеянные боевыми зубами, тяжелые челюсти, самцы кружились в воде, норовя схватить друг друга либо снизу, за нежное, набитое молоками,

розовеющее брюхо, либо вцепиться в черный, вспухший от жира затылок. Иногда одиночка побеждал, и тогда он занимал отбитое место позади самки. Иногда отставал и плыл медленно, как бы отдыхая перед новой схваткой.

Высокое чистое небо, прозрачная стремительная вода речушки, расписные стены лесов и эти могучие, воинственные, но явно усталые рыбыны были так необычны, что и солдаты, и даже привыкший ко всему этому Вася забыли обо всем на свете. Ими овладел охотничий азарт.

Перемахнув реку по висячему мостику, они побежали вдоль берега, мимо той самой ели, под которой Почуйко убил медведя. Ни останков медведя, ни пойманной им рыбы уже не было: кто-то из ночных обитателей тайги попользовался чужой бедой.

За кустарником открылась гряда больших валунов, вывалившихся чуть ли не на середину реки. Связисты сразу поняли, почему медведь рыбачил на этом месте. Здесь река как бы распадалась на струйки. Им навстречу, проплывая между камнями, пробивалась горбуша. Склоняясь над водой, медведь мог быстро поддеть лапой уставшую рыбину и выбросить ее на берег.

Рыболовы решили остановиться на мишкином месте. Каждый выбрал себе валун, положил оружие и, чтобы было удобней размахиваться, снял ремень. Высоко подняв острогу, они замерли над протоками, ожидая добычи.

Первым метнул острогу Сенников. Большая горбуша бросилась в сторону и, усиленно работая хвостом и плавниками, топорща жабры, серебряной стрелой прорвалась вперед. Аркадий выругался, вновь поднял острогу и вдруг услышал восклицание Саши Губкина:

— Вот черт!

— Подцепил? — почему-то тревожно, с замирающим сердцем спросил Сенников и опустил острогу.

— Да нет! Промазал. Рядом прошла...

Аркадий облегченно вздохнул и рассмеялся: таким обиженным и растерянным было лицо у промазавшего Губкина. Они переглянулись и оба посмотрели на Васю, который стоял лицом к ним, как маленькое изваяние, выставив вперед левую ногу, слегка склонившись над протокой.

Вдруг он неуловимым и, кажется, несильным движением кисти метнул острогу. Едва она достигла воды, как рванулась и, склоняясь, понеслась вверх по течению. Вася дернул ее за шнурок, которым она была привязана к запястью, подтащил к себе и сейчас же приподнял так, как приподнимают тяжело нагруженные вилы. Над водой блеснул изогнутый обессиленный лосось. Мальчик снял его с остроги, забросил в кусты и вернулся на валун. Солдаты подошли к нему.

— Как это у тебя получается?

— Это ты первую? — с плохо скрываемой завистью спросил Аркадий, забывший все свои неприятности.

— Нет, третью, — со слегка наивным мальчишеским достоинством ответил ему Вася. — А вы мажете потому, что даже не спросили, как это делается. Думаете, все так просто?

Сенников недовольно взглянул на Васю и процедил:

— Не думаю, чтобы было очень уж сложно.

— Ну, если несложно... — начал было Вася, отворачиваясь от Аркадия, но его перебил Губкин:

— Ты не сердись. Ты объясни.

— Так вот он и так все знает, — сердито ска-

зал Вася и кивнул на Сенникова.— Умнее всех себя ставит. Пусть ловит...

— Па-адумаешь, учитель какой нашелся! — разозлился Сенников, круто повернулся и пошел вдоль реки.

Он был оскорблен, возмущен и не заметил, как Губкин осуждающе покачал головой. Гордости у него, однако, хватило не-

надолго. Прямо под его ногами плыли большие рыбины, а он не мог их поймать.

«Сейчас научит Губкина, а я ничего не добуду», — подумал он, скрипнув зубами.

И вразвалку, словно нехотя, подошел к Васе. — Ну, что у тебя за наука?

Вася, разговаривая с Губкиным, даже не посмотрел на него.

— Вы становитесь спиной к солнцу и не замечаете, что ваша тень падает на дно речки и шевелится. Рыба настораживается. Только вы взмахнете острогой, как она сейчас же дергается в сторону. Острога проходит мимо...

— Рыба не тени боится, — перебил Сенников, — а шума.

— Если вы так хорошо все знаете, тогда не зачем было и спрашивать, — все так же не глядя, ответил Вася. — Только здесь рыба шума не боится — сама река камнями все время стучит и рыба к этому привыкла. Пойдем, Саша...

Они прошли вверх по течению и заняли свои валуны.

Рыба шла не часто, но все-таки через каждые десять—пятнадцать минут она появлялась в протоке, и Саша Губкин, точно следуя Васиным советам, сильным движением кисти посылал острогу в воду и, подхватывая ее, ощущал трепет живой, могучей рыбины. Поднять ее, снять с остроги и забросить подальше в кусты было почти таким же наслаждением, таким же торжеством, какое Губкин испытывал, глядя на убегающего тигра, на убитую рысь. Было в этом и нечто другое. Там, у городища, он побеждал скорее случайно, подчиняясь событиям. Здесь действовали его умение, расчет, ловкость. С каждой новой добытой им горбушей в нем нарастал прилив душевных сил, и он уже не только не чувствовал себя нерешительным, побаивающимся таежной неизвестности, скорее наоборот, был почти уверен, что здесь, в тайге, он не пропадет и наверняка научится справляться с собой. Он еще не знал, что уже стал другим, более сильным и собранным, чем несколько дней назад, и потому, увлекаясь, потрясая острогой, весело и почему-то злорадно, точно грозясь какому-то другому Губкину, шептал:

— Ага, Сашка! Держись! Я тебя заставлю быть другим. Держись!

Сенников не слышал этих слов. Охотничий азарт оставлял его, и он опять не только ощущал, но и понимал свое одиночество. Ему было грустно, а разбираться в собственном поведении он побаивался — он и так знал, что оно неважное, и инстинктивно, как все слабые люди, охранял себя даже от собственных неприятных мыслей.

«Обойдется,— думал он.— Ведь обошлось же один раз. Ведь я же доказал, что не боюсь змей. Докажу и теперь».

Рыбалка опять приобрела смысл, и он спустился ниже по течению, надеясь, что здесь будет побольше рыбы. То ли он не совсем правильно понял Васины уроки, то ли слишком часто поглядывал на орудующих острогами Сашу и Васю, добыча у него была невелика: четыре горбуши, причем одна из них так ободрана в схватках, что и смотреть на нее было неприятно. А в кустах, неподалеку от Губкина и Васи, лежала груда трепещущей рыбы. И Сенников решил: «У них там, конечно, место хорошее. Вот и бьют. Нужно найти и себе местечко».

Он обогнул кусты и остановился на берегу заводи. В глубине кристально чистого омута, пошевеливая плавниками, отдыхала большая рыба стая. Темные, как тени, рыбины стояли друг подле друга так тесно, что промахнуться, казалось, было невозможно. Аркадий изо всех сил метнул острогу. Она быстро потеряла скорость, но все-таки ударила одну рыбину. Она дернулась, сбила соседку, и по всей стае прошло движение. Потом острога сама всплыла на поверхность. Аркадий метнул ее еще раз, но с тем же результатом.

«Глубоко...— подумал он.— Нужно их выгнать на протоки и там бить».

Он бросился было на розыски камней, потом остановился, поняв, что вспугнутая им рыба стая поплывет как раз к валунам, на которых охотились Вася и Саша.

«Что ж это? Я буду рыбу гнать, а они — бить? Не-ет, не выйдет. Пусть лучше кто-нибудь из них погоняет.— И, как всегда, сейчас же оправдал и укрепил свое решение: — Я нашел эту стаю, значит, мне и добывать ее».

Он прибежал к Губкину и рассказал о своей находке.

— Это кета стоит,— сразу определил Вася.— Она только ночью идет, а днем — отдыхает.

— Ну, раз ты все знаешь, пойдй шугани ее как следует.

Вася промолчал, отвернулся и перепрыгнул на дальний валун. Сенникову уже не было грустно, как несколько минут назад. Он злился, потому что был уверен — кем-кем, а Васей, мальчишкой, он может распоряжаться как хочет — ведь он же старше и он — солдат... А Вася не обращал на него внимания. Он притаился, метнул острогу и, положив локоть на бедро, стал вытаскивать добычу. Над рекой показались сразу две рыбины. Это было так необычно, что даже Аркадий растерялся: бить острогой сразу по две горбуши — настоящее искусство. Но едва Вася занес острогу над валунами, как один из лососей оторвался и шлепнулся в воду.

— Ты понимаешь? — крикнул Вася. — Это они дрались и так сцепились, что оторваться не могли.

— Просто каши еще мало ел,— сердито сказал Аркадий.— Вытащить не смог. Иди-ка, гоняй кету, довольно с нас этой горбуши.

— Нужно — так идите,— упрямо наклонив голову, буркнул Вася.

— Слушай, друг,— насмешливо протянул Сенников.— Ты не забывай, что мы все-таки по-старше тебя, и у нас, дружок, дисциплина.

— А я не забываю,— дерзко ответил Вася.— Только вы не командир, и я вам не подчиненный.

— Вот как,— проговорил Сенников.— Придется научить тебя дисциплине...

Он хотел было перепрыгнуть к пареньку, но Губкин схватил его за руку и рассмеялся:

— Постой, постой. Почуйко, оказывается, правильно говорит, что ты на сержанта дуешься.

— Ну, знаешь ли,— вспыхнул Сенников и вырвал руку.

— Слушай, Аркадий, не стоит, а? — сказал Губкин.

То ли в самом спокойствии чуть похудевшего и словно бы сжавшегося для броска Губкина, то ли в прищуре его обычно широко открытых и слегка восторженных, а теперь острых и холодных глаз, то ли в голосе, но Сенников уловил неизвестное даже для самого Саши возмужание, почувствовал, что Губкин чем-то старше и, главное, крепче, сильнее его. Это поразило Аркадия. Когда и где это случилось? И впервые Аркадий почувствовал новую — не злую, нервную, а какую-то светлую, немного грустную зависть. Чему он завидовал, Аркадий не знал, потому что не знал причин губкинских перемен. Что-то очень хорошее шевельнулось в нем, и он совсем тихо произнес:

— Как хотите... Я думал как лучше... для всех.

И покраснел, потому что первый раз сам поймал себя на лжи. Он действительно думал, как сделать лучше, но не для всех, а для себя. И эта ложь его оскорбила.

Губкин молчал, хотя глаза у него добрели. Он хотел сказать что-то ободряющее и не успел — с горы донесся голос Пряхина:

— Тревога! Тревога, товарищи!

Секунда оцепенения прошла. Все трое побежали к мостику. Аркадий остановился и крикнул:

— А рыба, товарищи!

Ему никто не ответил, и он опять почувствовал недоумение: что же неправильного было в его словах? Ведь на этот раз он как будто подумал обо всех.

16. КАБАНЬЕ СТАДО

Пряхин встретил их в полном походном снаряжении. Связисты быстро разобрали свое имущество и встали против старшины.

— Слушай приказ! Сейчас выйдем на линию с задачей обеспечить бесперебойность связи. Сенников — со мной. Губкину — до конца участка не доходить, подсоединиться, слушать мои или капитана Кукушкина приказания. Все! Пошли.

Старшина уже повернулся, чтобы двинуться на линию, как вдруг натолкнулся на Васю. Паренек стоял с оружием в руках, с кинжалом за поясом.

— А я? — умоляюще и недоумевающе спросил он. — А я куда?

В голосе паренька звучала обида, и глаза почему-то покраснели.

Пряхин мгновенно переглянулся с Лазаревым:

— Я тебе приказывать не могу.

— Тогда... Тогда можно я с Губкиным?

— Хорошо! Иди с Губкиным. Только помни: он — старший. Это не прогулка. Здесь надо... — Старшина сжал кулак и потрянул им.

Вася вытянулся, приложил руку к ушанке и, срываясь с голоса, ответил:

— Так точно! Слушаюсь! Губкин — старший!

Старшина едва заметно улыбнулся.

— «Так точно» здесь, пожалуй, лишнее. Достаточно и одного «слушаюсь». Ну, идите.

Губкин и Вася быстро пошли вдоль линии.

Вася на ходу принял часть снаряжения и, блестя глазами, часто облизывая губы, поинтересовался:

— А что это — обеспечить бесперебойную связь?

— Это чтобы не было порывов, заземлений... Если они произойдут, как можно скорее их исправить. Будем следить за проводами и время от времени подсоединяться к линии, проверять.

Пряхин проводил взглядом первую пару и строго спросил у безмолвного Почуйко:

— Вам. ваша задача ясна?

На этот раз Почуйко не стал ворчать. Он вытянулся и лихо отрубил:

— Так точно. Ясна.

Пряхин обменялся взглядами с Лазаревым и приказал Сенникову:

— Пошли!

Солнце стояло еще высоко, и нагруженные поклажей старшина и Аркадий вскоре вспотели. Они закатали рукава гимнастеров, расстегнули воротнички. Когда седьмой пост скрылся за сопкой и связисты пошли вдоль скрытой зарослями воркующей реки, Аркадий не выдержал молчания и, забегая вперед, заглядывая в лицо старшине, спросил:

— А что там, товарищ старшина?

Пряхин не ответил, недовольно покривился: он надеялся, что этого вопроса не будет или он будет позже, когда хоть что-нибудь прояснится. Вопрос пришел раньше, значит, выдержка у Сенникова показная, и это нужно учитывать.

«Ну вот и буду его втягивать», — сердито решил старшина и сдвинул брови.

Тревогу он придумал для того, чтобы проверить, как будут действовать его подчиненные

в усложненных условиях, и вот первое испытание нервов не выдержано.

Сенников по-своему понял пряхинское молчание. Оно как бы подтверждало его смутные догадки. Всякий солдат, где бы он ни служил, обязательно думает о войне. И даже когда не думает о ней, все-таки каким-то краешком сердца ждет ее и потому старается заранее, иногда по незначительным признакам определить ее приход.

Так было и с Аркадием. Он мысленно уже связал и, как ему теперь казалось, чрезмерное внимание капитана Кукушкина к их посту, хотя в нем ничего особенного не было, и поток шифровок по линии, забывая, что шифровок всегда идет больше чем достаточно, и полет самолетов, который сам по себе мог быть самым обычным, тренировочным полетом. Все это теперь, после тревоги, приобретало особое значение. Аркадий не трусил, но, как и многие другие на его месте, он нервничал. Все, что было вокруг него, все изменило свой смысл, все стало враждебным, неясным и в то же время дорогим, желанным, таким, будто он видел все это в последний раз. Ни привычного зазнайства, ни нового чувства недовольства собой, ни светлой зависти к более сильному товарищу — ничего этого не было. Была неосознанная тревога неизвестности, и Аркадию хотелось быть как можно ближе к старшине. Теперь он казался ему мудрым, опытным, таким, который сможет спасти и помочь. И он все жался и жался к Пряхину, норовя заглянуть ему в глаза. Пряхину наконец надоели эти безмолвные вопросы, и он раздраженно бросил через плечо:

— Что вы путаетесь под ногами? За линией смотреть нужно! Заметили обрыв крепления?

— Нет, товарищ старшина! — почти испугался Сенников.

— А он был. Вернитесь, найдите, исправьте, а потом, если не догоните меня за распадком, ждите и проверяйте линию.

— Слушаюсь, — подчеркнуто четко ответил Аркадий и, повернувшись по всем правилам, торопливо пошел назад.

Теперь Аркадий внимательно следил за столбами и вскоре увидел, что один из проводов отошел от изолятора: то ли строители линии плохо закрепили его, то ли ветры сорвали крепления. Провод провис. В иней, гололедицу, в бурю такой провисший провод может оборваться. Аркадий торопливо наладил когти, влез на столб, быстро исправил повреждение и сразу же двинулся догонять старшину. Шеренга столбов огибала выходящую к распадку низину, густо заросшую папоротниками и хвощами. Аркадий пошел по низине, думая, что, раз Пряхин прошел вперед, ему нужно будет срезать угол. Остаться одному ему очень не хотелось, и опять-таки совсем не потому, что он трусил. Просто он не знал, что ему нужно делать одному, а со старшиной было как-то надежней. Он опять забыл о линии, торопливо шагая по смачно хлюпающей под ногами низине.

Вдруг рядом отчаянно завизжал поросенок, раздалось тревожное хрюканье, сопение, и в нескольких шагах от Сенникова появился дикий кабан — секач. Его могучая, заросшая бурой щетиной грудь играла мускулами. Маленькие глазки на длинной морде горели красноватым мрачным огнем. Загнутые назад боевые клыки пожелтели и выглядели поэтому еще страшнее.

Ни снять карабина, ни двинуться с места Аркадий не мог — он словно оцепенел. Секач нервно

вздрагивал, не спуская своих бешеных глазок с бледного солдата, перебирал передними ногами. Отовсюду несло повизгивание, хрюканье, шелест жирных хвощей и полосатых папоротников — свиное стадо, видно только что залегшее отдыхать в сыром, хорошо прогретом месте, убежало по направлению к распадку. Секач начал пятиться и тоже скрылся в зарослях. Сенникову захотелось сорвать с плеча карабин и выстрелить ему вслед, но он вспомнил, что раненые кабаны страшнее тигра. Об этом он читал не раз.

Последнее нервное напряжение доконало его — он долго стоял на месте, потом медленно пошел к линии, на взгорок. Колотилось сердце, во рту часто пересыхало. Уже на выходе к линии Аркадий еще несмело, еще с опаской подумал: «Неужели я трус? Неужели я пасую перед опасностью?»

Он, как и прежде, — но уже не так уверенно — заставил себя найти оправдание: «Да ведь смешно же было бросаться на кабана. И стрелять ни к чему».

А внутренний голос насмешливо протянул: «Свиной испугался. А еще над Почуйко смеялся — мужиковатый...» «Но это же дикие свиньи», — почти взмолился Аркадий.

И хотя все возражения были справедливыми, он почувствовал: что-то в нем не так крепко и надежно, как он думал. Напряжение оставляло его, он быстро слабел, покрываясь мелкой испариной, и торопливо искал оправданий.

«Нет, просто они более привычные к этим условиям. А я москвич. Вот в городе я бы тоже... А здесь просто нужно привыкнуть к этой дичине, нельзя же сразу. Я еще привыкну. — Он натолкнулся на большой, гладкий валун, присел

на него и, чувствуя его ласковую теплоту, уже спокойней решил: — Конечно, привыкну. Ведь я не хуже других. Просто распустился, а вот привыкну...»

Мысли у него стали путаться, и он прилег. Ни о тревоге, ни о кабанах, которые ушли в сторону того самого распадка, куда направился старшина, он не думал — был слишком занят собой. Хорошие, правильные мысли только успокаивали его, и он, чтобы отогнать бьющуюся в душе тревогу, шептал:

— Старшина сказал ждать. Вот я и буду ждать. Сколько нужно, столько буду. Один, а буду.

И от этой навязанной себе жалости к самому себе тревога слабела и отходила — человек как будто казнил сам себя.

17. СКАНДАЛ НА ПТИЦЕФЕРМЕ

Минут пятнадцать после того, как все ушли, Андрей Почуйко честно сидел у телефона. Потом он стал присматриваться к молчаливому Лазареву, который обстругивал колодышку и, наконец, не выдержал:

— Ну як же так можно — рыба на солнце лежит, а я туточки?

Лазарев спрятал улыбку и смолчал.

— Я не знаю, товарищ лейтенант, ну як то можно — це ж продукты гинут. Государственное, можно сказать, достояние, а вы улыбаетесь...

— Так приказ же, Андрей, приказ, — стараясь быть серьезным, отвечал Лазарев.

Он единственный, кто знал о замысле Пряхина. Старшина, чтобы не волновать больного учи-

теля, у которого нога все распухла и опухоль эту пробивали сплошные кровоподтеки, рассказал ему о своем замысле.

— А шо приказ, — меланхолично рассуждал Андрей. — Приказ он есть приказ. Точный, ясный. «Вам, товарищ Почуйко, дежурить у телефона и действовать в зависимости от обстановки». Вот! В зависимости! А обстановка какая? Рыба гниет — вот и вся обстановка.

— Так ведь тревога, Андрей.

— Ну так шо, шо тревога. Ну шо? А ничего! Хоть бы и война. Сказано — действовать в зависимости от обстановки, а на войне что, разве йисты не нужно? Хай, значит, враг питается, жир под кожу набирает, а я, як той фазан, на силке буду сидеть та живот ремнем подтягивать?

Почуйко то замолкал, ожесточенно раскуривая сигарку, то в перерывах обстоятельно исследовал обстановку и свои возможности. Чем быстрее солнце катилось к западу, тем труднее ему было сидеть.

— До ночи досидим, а там якась зараза всю рыбу схамает. Ей-богу, схамает, та еще и спасибо не скажет. «Бачите, прогавкает, яки дурни в тайгу пришли — свое добро раскидают».

И когда он представил, что рыба может исчезнуть, он не выдержал:

— Ну, мне вся обстановка ясная. Посидите, товарищ лейтенант, у телефона, а как кто меня спросит — скажете, до ветру пейшов. На одной ноге це дило хлопотное. А я смотаюсь.

Никто не тревожил пост, и Андрей дважды ходил к реке, перетасил всю рыбу и, видно, не только устал, но и намял ногу. Как только рыба оказалась на месте, он загрустил...

Николай Иванович и Андрей топором рубили рыбы хвосты и головы, потом острыми ножами разрезали почти бескостные розовые тушки на две половинки — пластовали. Требуху и молоки выбрасывали, а тяжелые, полные золотисто-оранжевых шариков икряные мешки откладывали в сторону. Ни бочек, ни чанов для засолки рыбы у них не было. Лазарев опорожнил один из ящиков с продуктами, замазал уголки и швы самой обыкновенной глиной, уложил в него распластованную рыбу и пересыпал солью.

— Горбуша сама даст сок, просолится, и тогда мы повесим ее вялиться. Такие балычки получатся — пальчики оближете!

Андрей Почуйко промолчал. Рабста ему явно не нравилась — грязная и сырая. Он подумал, что «це дило трэба розжуваты якость инакше», и, оттащив горбушу, притворно рассердился:

— С одною рыбой не проживешь. Еще и мясо трэба. — Он тяжело вздохнул, точно ему было трудно расставаться с горбушей, и добавил: — Пиду силки проверю.

«Ну хитрец!» — с веселым удивлением подумал Лазарев, но промолчал.

С той минуты Почуйко уже не прикасался к горбуше. Каждый раз, когда он, ковыляя, приходил в кустарник, на фазаньих тропках сидели нахохлившиеся, красивые и глупые птицы. Они квохтали, иногда даже норовили клюнуть, но не пытались вырваться из петли. Андрей распутывал птицу и тащил в землянку, где уже сидело около десятка фазанов. Почуйко задумался.

— А фазаны яйца несут? — спросил он у Лазарева.

— Что, яичницы захотелось?

— А шо вы думаете? У нас целая птицеферма

образовалась. Неужели ж задарма кормить? Нужно приучить, чтобы неслись.

Почуйко, как всегда, говорил спокойно, рассудительно, а в его чуть прищуренных маленьких глазках поблескивали насмешливые искорки, у висков собирались и распускались морщинки.

— Что там яичница, товарищ Почуйко,— ответил Лазарев.— Мы сейчас получше закуску приготовим.

Николай Иванович сделал из веток небольшую метелку и стал быстро и осторожно бить ею по икряному мешку. Его оболочка разорвалась и крупные, налитые соком икринки, как оранжевый горох, полетели на плиту каменного стола. Отбив несколько мешков, Лазарев собрал икру в кастрюлю и посолил.

— Через пару дней можно будет пробовать.

Почуйко удивился:

— Ну вы скажите, шо за краина! Икра и та сама до хаты приплывает. Не трэба ни в який «Гастроном» ходить.

— Есть и недостатки, товарищ Почуйко,— стараясь не улыбнуться, грустно протянул Лазарев.— Есть! За мясом, например, ходить приходится.

Андрей расстегнул пуговичку на вороте гимнастерки и недовольно покрутил головой:

— Сходить можно. Лишь бы то мясо за пятки не хватало.

Лазарев не выдержал и рассмеялся, а Андрей, послушав, что делается на линии, опять поковылял к силкам.

Уже под вечер в землянке раздался истошный птичий крик. Андрей, который только что принес великолепного фазана, покосился на землянку и сказал:

— Вы дивитесь, як бурно заседают.

Шум нарастал, становился все истеричней. Птицы бились в стекла окошка, сотрясали ударами крыльев дверь. Как только Андрей подошел к землянке, фазаны притихли. Почуйко открыл дверь. Петух, которого он держал в руках, захлопал крыльями и пронзительно заорал. Какая-то фазанья курочка сейчас же стала протискиваться в щелку. Андрей выставил вперед ногу, чтобы помешать курочке, но нечаянно толкнул дверь.

В нее ринулась вся почуйковская птицеферма. Андрей бросил на землю злополучного петуха и хотел было закрыть своей крепко сбитой, осанистой фигурой дверной проем. Но, словно сошедшие с ума, глупые фазаны с налета атаковали Почуйко. Они бились ему в грудь, нещадно лупили крыльями по лицу, стараясь протиснуться над плечами и между ног. Андрей извинялся, орал, махал руками, а птицы находили все новые и новые лазейки и, вырываясь, с победным клекотом стремительно взмывали вверх.

Разъяренный Почуйко ввалился в землянку и ахнул:

— Батюшки!

На нарах, раскручивая кольца и раздувая горловые мешки, грозно покачивалась уже знакомая ему черная змея. Ее темные навывкате глаза поблескивали мрачным светом. Хвост с набором костяных шайбочек стучал по доскам так сухо и угрожающе, что у Андрея сразу пересохло в горле. Он круто повернулся, бросился к двери, но споткнулся о фазаньего петуха и упал.

В эту же секунду в землянку вполз уж. Его гордая плоская головка казалась неподвижной. Уж стал подниматься на нары, но гремучая

змея оттолкнулась хвостом от досок и черной лакированной стрелой полетела прямо на Почуйко.

— Ратуйте! — заорал Андрей, выкатился за порог и, припадая на раненую ногу, помчался по знакомой дороге в кусты.

Уж развернулся и погнался за черной змеей. Они скрылись в траве.

Вскоре из кустов вернулся смущенный, сильно хромающий Андрей. Бледный, с оттопыренной нижней губой, он и не пытался оправдываться.

— Вы скажите, який у меня характер. Як увижу змяку, так самого себя забываю. Боюсь, так боюсь, что аж на сердце моторошно.— Он осмотрел испачканные пометом гимнастерку, шаровары и горестно покачал головой.— От же чертова птицеферма, все обмундирование спортила. Правду говорили у нас в колхозе, что это дело женское. Нечего туда мужику соваться, обязательно тебя ж и обваляют.— Раздеваясь, он попросил Лазарева: — Вы уж не кажите хлопцам, шо тут у нас наробылось. Я потом обмундирование выстираю, и все будет гладенько.

Лазарев задумчиво и смущенно кивнул головой, с почтительным удивлением рассматривая полуголого Почуйко. Плечи, спина и особенно крепкие, чуть тронутые летним загарцем мускулистые ноги были покрыты ссадинами, кровоподтеками и синяками.

«Как же он держался? — думал Лазарев.— Ему ж лежать нужно, лечиться, а он ходит, шутит. И я еще подсмеивался над его хитростью. Какая уж тут хитрость!»

— Послушайте, ведь вам трудно ходить,— сказал Николай Иванович и протянул Андрею сшитую им из остатков почуйкинского сапога сандалию на деревянной подошве.

Опасаясь подвоха, Почуйко покосился на подарок, но сандалию все-таки примерил,

— А что? Хорошо! — убежденно решил он. — Можно сказать, пятка и не беспокоит.

Они молча поужинали. Солнце село за сопками, хотя небо над седьмым постом еще зеленело. Глухо и настороженно гудели провода.

— К погоде, наверное, гудят, — сказал Лазарев и взглянул на небо.

Почуйко тоже посмотрел на небо и замер.

В невообразимой глубине звездного простора родилась стремительная светлая точка и, чудовищно увеличиваясь, понеслась на землю, прямо на седьмой пост.

Точка мгновенно превращалась в огненный шар, который так же мгновенно и почти неуловимо для глаз менял окраску. Вначале он был оранжевым, потом золотистым и, наконец, стал ослепительным, до голубизны белым, почти фиолетовым.

Этот неестественный, темно-фиолетовый цвет так больно резал глаза, что Лазарев и Почуйко зажмурились. И в то же мгновение родился далекий свист, переросший в раскатистый, оглушительный грохот. Он перекатывался от сопки к сопке, бился об их отроги, отскакивал и переплетался. Потом налетел ветер. Он сорвал брезент с кучи имущества, вышиб стекла в землянке, толкнул припавших к каменному столу людей.

Когда ошеломленные Николай Иванович и Андрей открыли глаза, они ясно увидели, как на отрогах главного хребта, будто трава под косой, валится лес и склоны гор из разноцветных превращаются в однообразные, желто-бурые, точно после пожара.

Резкий порывистый ветер все еще метался в распадках и долинах между сопками и хребтами, завывая и закручивая столбы смерчей, но небо постепенно прояснялось, и на нем выступали равнодушные, спокойные звезды. Из-за главного хребта показался чистенький, точно вымытый, рожок молодого месяца, и вся округа опять засветилась мягко и умиротворенно.

— Что это? — спросил Андрей. — Бомба?

— Да не-ет, — протянул Лазарев. — А впрочем... — и сейчас же вскрикнул: — Линия!

Оба проковыляли к телефону. Ни восьмой, ни шестой посты не отвечали. Линия выбыла из строя. Оба молча переглянулись. Ни страха, ни растерянности они не ощущали, но, будто получив мобилизационное предписание, по-новому — сурово и строго — взглянули и на себя и на окружающее. Андрей быстро оделся, разыскал запасной аппарат, взял бухту кабеля, оружие и, по всем правилам приняв уставную стойку «смирно», доложил:

— Товарищ лейтенант! Рядовой Почуйко к следованию на линию готов!

Лазарев тоже вытянулся и долго смотрел на этого курносого, загорелого, сразу повзрослевшего парня — широкоплечего и сильного. Он представил себе побитое в схватке с медведем тело Андрея, его раненую ногу, и ему захотелось обнять его, ободрить. Но прежде чем он успел что-либо сказать или сделать, Андрей добавил:

— Думаю, нужно идти к восьмому посту — связь трэба дать в сторону командования.

Лазарев подумал, что на другом конце линии, на побережье, тоже есть командование и важно связаться хоть с кем-нибудь, потом понял Андрея: Почуйко решил идти в сторону восьмого

поста, потому что там был Вася. Лазареву опять захотелось обнять Андрея, но он сдержался и заставил себя трезво разобраться в обстановке.

К шестому посту ушли Пряхин и Сенников. Старшина — человек опытный и волевой. В этих новых, еще не ясных и трудных условиях он скорее, чем Губкин и Вася, справится со своей сложной задачей. Значит, Почуйко прав. Помогать нужно слабейшим. И Лазарев твердо сказал: — Да! Выполняйте.

Почуйко неуклюже повернулся — он никогда не был отличным строевиком, а теперь, с больной ногой, и подавно — и, стараясь не хромать, пошел вдоль линии.

18. ТАК ИСПОЛНЯЕТСЯ ДОЛГ

Ни Вася Лазарев, ни Саша Губкин не видели светящейся точки, не видели, как падают, будто подкошенные, леса на отрогах главного хребта, потому что, проверив линию, они присели на берегу ручья, на мосту, на котором они впервые увидели тигриные следы. Аппарат был подключен к линии, и Губкин время от времени проверял ее работу, ожидая приказа старшины. Вместо приказа они услышали свист и грохот и увидели слепящий, уже не темно-фиолетовый, а, скорее, голубовато-золотистый свет. Их тоже, как и на седьмом посту, крепко тряхнули порывы ветра, и когда они поднялись на ноги, то прежде всего хотели было бежать к посту, где, как им казалось, произошла эта странная и страшная вспышка.

Бежать не только потому, что там могла потребоваться их помощь, а и потому, что там были свои, с которыми было легче и надежней. Обоим

было страшно, и Вася с надеждой смотрел то в сторону поста, то на бледное лицо Губкина. В зеленом небе блистали редкие звезды, плыл молодой легкомысленный месяц. Горное эхо затихло, и наступила удивительная тревожная и какая-то неживая тишина, от которой становилось еще страшней.

— Неужели...— робко сказал Вася и посмотрел на Губкина.

Он не произнес страшного слова «война», но Саша понял товарища. На какую-то долю секунды ему опять стало страшно, хотя это слово и этот страх были, по Сашиним понятиям, несоместимы. Война—это подвиг, а не страх, и страх в самом деле исчез. Пришло удивительное, захватившее все Сашино существо, бодрящее и сильное чувство, близкое к тому, что он испытывал при встрече с тигром, но без малейшей примеси мальчишеского озорства. Оно было серьезно и целеустремленно. Вот почему уже в следующее мгновение Саша Губкин внимательно посмотрел прямо в глаза Васе и отрывисто бросил:

— Линия!

Все мысли, все невзгоды и опасности сразу отошли куда-то далеко и не то что пропали, а резко уменьшились, стали неглавными. Главным было дело, к которому они были приставлены, и это дело повело их за собой.

Ни комсомолец Александр Губкин, ни пионер Василий Лазарев не знали, что произошло за ближайшими сопками. Оба понимали, что произошло что-то необыкновенное и, возможно, угрожающее Родине, и они, не сговариваясь, вместе и каждый отдельно приготовились и к бою, и к смерти, и еще к чему-то, что, может быть,

страшнее смерти. Все это не было не только не произнесено, а даже не продумано как следует. Это было само собой разумеющимся. Потому что главным было все-таки дело.

Они бросились к ближайшему столбу, к которому был подключен молчащий теперь аппарат, и увидели покачивающиеся обрывки проводов.

— Так я и знал! — воскликнул Саша. — Давай когти!

— Они же у тебя за плечами.

— Ах да, верно!

Пока Саша надевал когти и лез на столб, он решил, что будет восстанавливать не оба подвешенных на столбах провода, а только один. Кто его знает, какие повреждения могут быть дальше. И еще, почему-то с затаенной грустью, он подумал, что восстановление нужно вести в сторону восьмого поста — там должен быть командир. Грусть сейчас же ушла, а решение осталось. Сняв обрывок одного провода, Саша слез вниз и рассказал о своем решении Васе. Тот вздохнул и несмело спросил:

— Значит, от своих?

Губкин нахмурился. Паренек явно говорил не то, что требовало дело, и это настораживало. Вася опять вздохнул и уже твердо, как человек, который все обдумал, сказал:

— Что ж... Правильно! Ведь если на нашем посту что-нибудь и случилось, так мы вдвоем мало чем поможем. А тут от нас зависят все посты, а может быть, и побережье.

Теплея сердцем, Губкин спросил:

— Ты что? Сам додумался?

Вася не ответил. То, что еще мешало ему и мучило, отрезалось и пропало. Теперь имело зна-

чение только дело. И чем больше он думал о нем, тем быстрее вспоминались мелкие и мельчайшие подробности последних дней. Главным было одно — тревога. Значит, все, что происходит и будет происходить, не случайно. Оно предвиделось. О нем знали и его ждали. А раз так, значит, они не одни. И пост не одинок. Все связано общим делом, и они должны думать о других, как другие думали о них. И Вася, смаывая обрывки провода, сказал:

— А старшина, наверное, на пост тянет.

Губкин быстро взглянул на паренька и подумал почти то же, что только что думал Вася, и уже совсем решительно приказал:

— Пошли.

Торопким шагом и перебежками они двигались от столба к столбу, до боли в шее всматривались в едва заметные на фоне темнеющего неба провода, иногда распутывали их и соединяли обрывы. Изредка в темноте возникали стремительные тени и проносились мимо — таежные жители спасались от страшного и непонятого бедствия. Ни Вася, ни Саша не обращали на них внимания, как не обращали внимания на связистов изюбры и козы, кабаны и пантеры. Как всегда во время стихийных бедствий, животные теряли свой извечный страх перед человеком, и общая беда на время равняла всех.

Было тихо. Взбудораженные нервы успокаивались. Тело и сознание уже втянулись в работу, и она шла быстро. Чем дальше продвигались связисты к границе своего участка, тем меньше было обрывов, и наконец часа через полтора они наткнулись на уцелевший отрезок линии. Саша подсоединил к ней аппарат. Чей-то усталый голос твердил нараспев одно и то же:

— Седьмой пост! Седьмой пост! Отвечай! Старшина Пряхин! Отвечай!

На глаза почему-то сразу навернулись слезы — ведь, конечно, другие думают о них, — но Губкин сразу же совладал с собой и доложил:

— Линейный надсмотрщик седьмого поста рядовой Губкин...

— Живы?! — крикнули в трубку.

— Обо всех еще не знаю, — хмуро сознался Саша. Ему не понравился этот вопрос, не так бы нужно было спросить о том, о чем он старался не думать. Он рассказал, что с ним произошло и что он видел, а потом спросил: — А вы что видели?

— Да то же, что и вы.

И вдруг издалека донесся голос капитана Кукушкина:

— Линия повреждена сильно?

— Сильно. Тянем только один провод.

— Правильно! Так и держите.

Голос капитана звучал уверенно, спокойно, словно он давно, заранее знал, что может произойти и как в этом случае нужно поступать. Это спокойствие передалось Губкину, и он подумал, что капитан сможет ответить ему на вопрос, который по-настоящему волновал связистов.

— А что это такое было, товарищ капитан? — осторожно спросил Саша.

Кукушкин ответил уклончиво:

— Самолеты на разведку вылетели. Скоро узнаем. Вы с кем в паре, Губкин?

— С Васей Лазаревым. Это племянник... ученик тот, — Губкин сбился и смолк.

— Понятно. А как этот самый племянник? —

уже весело спросил капитан, и Губкину показалось, что он подмигнул: — Ничего?

— Замечательный, товарищ капитан!

— Ну вот и хорошо. Молодцы. Теперь так, Губкин. Один провод восстанавливайте прямо до поста. А о втором не беспокойтесь. Сейчас в вашу сторону выйдут надсмотрщики с восьмого поста, а на восьмой — с девятого. Так что в случае чего подмога будет. Понятно?

— Так точно!

— Ну вот и хорошо. Действуйте. И главное, бдительность не теряйте. Чаше докладывайте обо всем замеченном.

Теперь после этого, в сущности, очень веселого разговора последние остатки страха пропали. Все идет так, как должно было идти. Да, конечно, и бдительность нужна, и поработать нужно, но они не одни. С ними — все, и они — для всех.

Губкин и Вася собрали свое имущество и побежали обратно. Самым главным теперь было то, что было главным и вначале — пост, товарищи. Добраться до них, помочь, может быть, спасти...

Вокруг было так тихо, словно вся жизнь была убита тем страшным фиолетово-мертвенным светом, который пронесся над тайгой. И чем дальше они бежали, освещенные рассеянными лучами молодого месяца, тем беспокойней было у них на душе: молчаливость тайги, неизвестность положения угнетали все сильнее и сильнее. И один и другой старательно скрывали друг от друга свои страхи, говорить стали почему-то шепотом.

Пробежав мостик, у которого совсем недавно сидели, связисты опять стали сращивать обрывы,

все ближе и ближе подходя к тому месту, где река, выходя из ущелья, делала крутой изгиб и обычно шумела особенно сильно. Здесь линия перешагивала через реку, некоторое время шла по противоположному берегу и снова возвращалась на «свой» берег.

Вася посмотрел на реку и обмер. Реки не было. Было только русло, на котором в мягком свете месяца блестели еще мокрые камни, был крохотный ручеек, бессильно пробирающийся меж обомшелых валунов. А реки не было.

Предчувствуя беду, связисты перешли русло, перевалили через сопку и в нерешительности остановились — перед ними простиралось огромное озеро. Деревья стояли в нем по колено, а кустарник местами скрывался с головой. А дальше, в направлении седьмого поста, и еще дальше небо было освещено багровым дрожащим заревом лесного пожара.

— Туда ушел старшина, — глухо сказал Губкин.

Они посмотрели в глаза друг другу и опять молча, словно договорившись обо всем заранее, стали спускаться с крутого склона. На их счастье, первый после перевала столб стоял возле самой воды, и они, присоединив провод, донесли на восьмой пост о встреченном препятствии и лесном пожаре. Оказывается, о пожаре на линии уже знали — над ним пролетел разведывательный самолет.

— Пробивайтесь на пост! — приказал Кукушкин. — Придумайте что-нибудь и пробивайтесь!

— Что ж тут придумаешь, — тихо сказал Саша и стал снимать одежду.

Вася тоже разделся. Поднимая имущество и оружие над головами, они осторожно вошли

в холодную воду. Вначале она только обожгла тело, потом вызвала мучительную дрожь и, наконец, стала сводить пальцы ног. Связисты, стиснув зубы, осторожно щупая босыми ногами колючее дно, упрямо брели к следующему столбу. Закрепив на столбе конец провода, Саша подсоединил к нему провод связистской катушки и спустился вниз.

И они опять нобрели по воде, задыхаясь от жгучего холода, останавливаясь возле каждого столба, чтобы подцепить провод. И каждый раз, взбираясь на столб или дерево, Саша чувствовал, как ломит от холода кости, как замирает сердце. На Васю страшно было смотреть. Бледный, лязгающий зубами, с остановившимся взглядом упрямо горящих глаз, он покачивался от усталости.

«Пропадает парень», — подумал Губкин.

До поста оставалось еще километра два — два с половиной, а до места, где линия перебиралась на «свой берег», — метров пятьсот. Но вода быстро прибывала, и переправиться через реку с тяжелой катушкой, оружием, кошками и телефонным аппаратом было просто невозможно. Губкин добрался до первого дерева и помог Васе вскарабкаться на него.

— Оденься, сиди и грейся, — сказал он.

— А ты?

— Я поплыву вон к тому тополю и перетащу все имущество.

— Нет, — покачал головой Вася. — Я тоже с тобой.

— Слушай, Лазарев, — строго сказал Губкин. — Дело нешуточное. Если мы зачоченеем в этой чертовой воде, пропадем оба. Кто тогда доведет линию?

— Все равно вместе,— упрямо сказал Вася.

— Нет, не все равно! Не все равно. Мы сейчас не принадлежим себе. Понял? Мы нужны для других.

— Ну как же я тебя брошу? — возмутился Вася.— Разве это будет по-товарищески? Я буду греться, а ты мерзнуть?

— Чудак! Пойми, что сейчас главное — линия. А мы с тобой — дело десятое. И я как старший приказываю: сиди, грейся, доноси по телефону, что делается. Если придумаешь что-нибудь, скажешь.

Так и не заметив, что он отдал первый в своей жизни приказ, что он уже приобщился к командирской деятельности, Губкин забросил за спину когти и поплыл, петляя между полузатопленных деревьев. Он добрался до тополя, оставил на нем когти и вернулся за оружием.

Когда оставалось переправить лишь катушку с проводом, нестерпимая боль пронзила сначала ногу, а потом, кажется, все тело. Губкин почувствовал, что его правую ногу что-то выворачивает и стягивает. «Судорога», — понял он и едва нашел силы, чтобы вскарабкаться на тополь.

С большим трудом ему удалось растереть посиневшую ногу. Спуститься в воду он уже не решался. Вася с катушкой был в двухстах метрах от него. Оружие и все остальное снаряжение было уже здесь, на дереве, но как соединить все это и переправить на другой берег, Саша не знал.

Губкин полез по стволу вверх. В воде то там, то здесь виднелись вырванные где-то вдалеке деревья. Их притащила сюда река. Собрать бы их и сделать плот... Однако для этого следовало поплавать, а Губкин понимал, что теперь, когда ногу схватила судорога, он не выдержит обжи-

гающе холодной воды. И стоило ему подумать об этом, ногу опять искорежила нестерпимая боль. Она выворачивала пальцы, и они разъединялись и становились торчком, икра окаменела и вздулась, а боль лезла выше и выше. Сознание мутилось, в глазах плыли радужные пятнышки. Держаться на дереве уже не было сил. Приходило отчаяние.

И в эту полуобморочную минуту Губкин думал не о себе, а о Васе Лазареве: «Пропадет, пропадет». Ему было и стыдно, и обидно. Боль рванула особенно сильно, пронизывая, кажется, все тело. На какое-то мгновение Саша не удержался на ветви и качнулся. Неестественно вывернутая нога сорвалась и зацепила за острый сучок. Новая боль ворвалась в старую, и старая стала отступать.

Когда Губкин очнулся и почти оправился от судороги, он услышал всплески воды и бульканье. Похоже, кто-то захлебывался. Он быстро взглянул на освещенную месяцем воду и обмер: По светло-стальной, слегка рябящей поверхности озера, захлебываясь, усиленно работая ногами и руками, плыл Вася Лазарев. Впереди и сбоку паренька двигалась какая-то удивительная коряга. Их движения были явно согласованы, их что-то определенно связывало, но что — Губкин не понял. Он только ужаснулся, подумав, что Вася утонет. Потом решил, что тот сделал себе плот, хотя странная коряга не напоминала плот. И коряга, и мальчик попали на лунную дорожку, и рассмотреть их уже было невозможно. Слышались лишь все те же всплески воды и бульканье. Превозмогая пришедшую после судороги слабость, Губкин собрался было прыгать в ледяную воду, чтобы спасти товарища, помочь ему, но

в это время с той, противоположной, стороны раздался чей-то удивительно знакомый голос:

— Стой! Кто идет?!

Губкин замер. Послышались сильные всплески и Васин голос.

— Это я! Только я плыву! — И крик: — Куда тебя черт понес?

Все тот же знакомый, уже растерянный голос спросил:

— Стой, говорят, кто идет?! — Потом зло добавил: — А то стрелять буду!

После непродолжительной паузы, Вася закричал:

— Андрей! Почуйко! Я не иду! Я плыву! И этого черта не остановишь!

Если бы вдруг в этом пронизанном рассеянным светом молодого месяца таёжном воздухе раздался голос матери, Губкин, наверное, обрадовался бы не так сильно. Он сразу забыл о своих бедах и заорал:

— Андрей! Почуйко!

Сопки ответили ему:

— Ого-го-го!

Слабость опять овладела Губкиным, тело передергивала мелкая противная дрожь, и почему-то хотелось не то что плакать, а просто потереть защищавшие глаза. Саша улыбался синими, сведенными холодом губами и шептал:

— Живы.. Живы...

И впервые он забыл о деле, о линии.

19. СОХАТЫЙ

Восстановив линию от поста до реки, обстоятельный Почуйко вовремя вспомнил старую половицу: «Не зная броду, не суйся в воду».

«Трэба делать плот», — решил он.

Он нашел сухостойное дерево и начал рубить его. Работать было трудно — болело тело, но Андрей быстро свалил дерево и хотел было взяться за его разделку, как услышал чьи-то слабые голоса и плеск воды. Он прислушался. Голоса смолкли, и между деревьями кто-то проплыл. Андрей знал, что у Губкина и его товарища лодки нет. Значит, плавал кто-то чужой. Почуйко выбрал местечко посуше и поудобней, залег и стал наблюдать. Несколько раз ему не терпелось окликнуть неизвестных, но он сдерживался.

«Шут его знает, кто такие и сколько их. А я один», — думал он, ворочался и молчал.

Через некоторое время он увидел, что по лунной дорожке прямо на него плывет большая, рогатая коряга. Послышалось сопение и легкий хрип.

«Не иначе как мотор який-то заграничный...» — подумал Андрей и приготовился к бою. В самую последнюю минуту, когда он уже готов был открыть огонь, он вспомнил уставное требование обязательно окликать неизвестных.

«Ведь и верно, может, все-таки наши. С васьмого или иного какого поста. А моторы и у нас разные есть», — решил он и окликнул плывущую корягу.

Он не узнал осипшего от холода Васиного голоса и растерянно хмыкнул, потом сделал то, что сделал бы на его месте всякий честный, не умеющий лукаво мудрствовать солдат. Он опять вспомнил железное уставное требование и вскинул автомат:

— Стой, говорят, кто идет?! А то стрелять буду!

Он, может быть, и в самом деле выстрелил

бы — вначале вверх, как велит устав, а потом, если бы не удостоверился, что его подозрения напрасны, и прямо по цели, но раздался отчаянный крик Губкина, странная коряга метнулась в сторону. Теперь Почуйко уже не старался разобрать Васины слова. Он был безмерно рад, что товарищи нашлись, что все идет в общем не так уж плохо, и закричал:

— Ого-го-го!

Он поковылял к берегу, чтобы встретить Васю и помочь ему причалить. Но вместо Васи из реки показалось огромное поблескивающее в неверном свете месяца чудовище. Оно фыркало и трясло горбоносой, бородатой головой. Его большие рога, похожие на растопыренные ладони великана, отражали блеклый отсвет пожара и казались окровавленными. Чудовище запаленно дышало и упрямо лезло на Андрея. Наверное, он не выдержал бы и заорал свое: «Ратуйте!» — но в это время раздался всплеск воды и звон металла.

— Пошел! — закричал Вася. — Пошел, дурак!

Чудовище, которое Вася так непочтительно называл «дураком», рванулось, запрокидывая голову, выскочило на берег и помчалось вверх, на сопку.

Вася выбрался на сухое место и бросился обнимать опешившего и слегка испуганного Почуйко.

— Андрей, дорогой! А что с дядей Колей? Он тоже здесь?

Почуйко помотал головой, словно освобождаясь от паутины.

— На посту твой дядька,— сказал он и смущенно спросил: — Слухай, а що це такэ було?

— Лось!

— Який лось?

— Вроде оленя. Ну, сохатый. Понимаешь?

И хотя потомственный степной хлебороб Андрей Почуйко никогда не слышал этого слова, он подумал, что к этому странному животному как нельзя лучше подходит такое необыкновенное название — сохатый. Андрей успокоился, сразу смекнул, что был смешон, и по привычке начал хитрить, чтобы скрыть свой промах. Он с достоинством выпрямился и укоризненно покачал головой.

— Подцепит разную ерунду и во-от — радуется! — сказал он сердито. — Тут дело серьезное, а он на сохатых кататься вздумал. Як малый, честное слово!

Он говорил так искренне, так неподкупно сердито смотрели его острые глазки, что Вася, у которого зуб на зуб не попадал, опешил: вместо того чтобы похвалить за находчивость, его ругали.

— Так пойми же...

— А чего ж тут понимать, колы связи нема? Вот ты и понимай.

— Так я же привез связь. Понимаешь? Привез! — От обиды Вася даже перестал дрожать и, поднимаясь на цыпочки, старался доказать Андрею свою правоту. Почуйко был неумолим:

— Ну, як привез, так нечего и балакать. Где она в тебэ? В кармане?

Оскорбленный в самых лучших чувствах, Вася снял с себя катушку с телефонным кабелем и в сердцах бросил ее под ноги Почуйко.

— Держите! Вот она — связь!

— Ну, ото ще ничего,— уже подбробнее пробурчал Андрей. Он понял, что спасся от позора, и так вошел в выдуманную им роль неподкупно строгого человека, что спросил: — А Сашка чего там орет?

— Так он, понимаешь, на дереве. Переправиться же нет возможности...

— Нема возможности,— передразнил его Андрей и, соединив конец провода, крикнул: — Седьмой пост! Товарищ лейтенант? Все в порядке! Знайшев и Ваську и Сашку! Таки скаженни ребята... шо-шо? Та целы. Ну вы там держите связь, а мне и тут дела хватает.

Он положил трубку на аппарат и, приставив ко рту сложенные рупором ладони, закричал:

— Сашко-о! Зараз приедем! — И опять ворчливо сказал Васе:—Як фазаны те клятые—на деревьях порасселись и сидят. Давай-ка плот строить.

Замерзший и растерянный Вася сразу забыл и о холоде, и об обиде: Андрей, оказывается, имел право ворчать. Он уже успел обо всем подумать.

Они по очереди стали рубить сваленное Андреем дерево, потом связали обрубки телефонным кабелем. Вася собрался было встать на этот плот, однако неумолимый Почуйко решил по-иному:

— Думай, хлопец! Обратнo ж втроем плыть нужно. Оставайся здесь. Ружье твое где?..

— Оно там... На дереве,— растерянно ответил Вася.

— От тебе и солдат...— развел руками Почуйко.— Оружие бросил. А як тебе зараз сражаться придется? Чем тогда будешь? На кулачках? Эх, солдат, солдат...

Почуйко опять укоризненно покачал головой, встал на плот и оттолкнулся шестом от берега.

Все, что было пережито за эти несколько часов Васей, все отошло на задний план и теперь казалось уже не очень страшным и потому неинтересным. Главным было то, что он оставил свое оружие. Значит, он все-таки не может считаться настоящим солдатом, настоящим защитником Родины. Ведь недаром Губкин, когда забирал свой автомат, предупреждал:

— Твое ружье пусть будет с тобой. Мало ли что.

Перебирая руками телефонный кабель, стоящий на плоту Андрей, как заправский паромщик, быстро поплыл на другой берег. Минут через пятнадцать он привез уже одетого Губкина и все имущество.

Спрыгнув на берег, Губкин спросил:

— Как ты на лесе очутился?

— Так и очутился,— сердито ответил Вася, которому показалось, что и его новый дружок и командир тоже собирается ругать его за самоуправство.

— Нет, серьезно! Ведь это же здорово!

Вася недоверчиво посмотрел на Сашу, но, увидев его оживленное милое лицо, уже смелее ответил:

— Так уж... подвернулся...— Он снял с плота свою трехстволку, обтер ее от водяных брызг и забросил за спину.

— Как это «подвернулся»? — удивился Саша.

— Да так. Я пригрелся на дереве и думаю, почему ты так долго не возвращаешься. Уже хотел закричать, как меня что-то дернуло! Я не удержался и плюхнулся в воду. Катушку я на себя надел, чтобы не потерять, она меня на дно и потянула. Испугался страшно. Вынырнул сам не знаю как и сразу почувствовал, что меня

что-то тянет по воде. Барахтаюсь, воду хлебаю, но уже стал соображать — смотрю, в сторонке лось плывет и вроде меня буксирует. Проверил, провод как струна. Тут я понял, что зверь спасался от пожара, поплыл и зацепился рогами за провод. И меня стянул. Разобрался и вижу: тянет он меня куда-то в сторону — провод его не пускает, заворачивает. Думаю: все, пропадаю. Хотел было катушку снять, потом как-то сразу придумалось — скинул петельку, которой провод на катушке закреплялся, чтобы не разматывался зря, и отпустил немного. Лось поплыл прямее. Так и пошло у нас. Как его в сторону поведет, так я провод подам. Он и выравнивается. Вот и доплыли.

— Ну, я тебе скажу, это случай! — восхищенно протянул Саша. — Не хуже почуйковского медведя.

Андрей, почувствовав недоброе, рассудительно сказал:

— Мы тут разговорами занимаемся, а там ни Пряхина, ни Сенникова нема...

Связисты примолкли и поспешили на пост. Андрей старался не отставать от товарищей, хотя идти ему было больно, и он, прихрамывая, ругался сквозь зубы.

20. СОЛДАТ УХОДИТ В БОЙ...

Когда связисты приблизились к седьмому посту, их остановил окрик:

— Стой! Кто идет?

— Свои! Свои!

Оклик больше не последовало. Седьмой пост оказался совершенно пустынным — даже гора

имущества и та исчезла. Вася беспомощно оглянулся, Саша пожал плечами и на всякий случай вскинул автомат: исчезновение Лазарева и всего имущества было очень подозрительным. Но Николай Иванович не стал играть в прятки. Он вылез из окопа, тяжело припадая на больную ногу, подошел к товарищам и положил руку на Васино плечо.

— Ну, вот и славно! — сказал он. — А я тут к обороне приготовился. Имущество убрал в землянку, отрыл окоп... Понимаете, ничего подозрительного. Правда, недавно пролетел самолет да вот пожар разгорелся.

— От старшины ничего не было? — озабоченно спросил Губкин.

— Молчат. Я думаю, что кому-то нужно немедленно идти на розыски...

— Я пойду, — сразу решил Вася, поднял голову и посмотрел на дядю.

Николай Иванович сжал ему плечо и ласково заглянул в глаза:

— Ведь ты же мокрый. И устал...

— Ну как вы можете, дядя Коля?! — возмущенно крикнул Вася. — Да разве вы стали бы отдыхать, когда такое делается?

Лазарев усмехнулся:

— Ну вот, Губкин. Придется вам с Васей идти. А мы с Почуйко на правах инвалидной команды будем охранять пост.

— Чтой-то? — удивился Андрей. — Я тоже с ними. Может, до конца и не дойду, так около поста поработаю. А вы связь держите.

— Ладно... Только вот что — после такой передраги сил у вас не так уж много. Хоть немного прихватите еды.

И они, опять втроем, двинулись вдоль линии в тайгу. Вася роздал остаток лепешек с лимонником. Губкин поделился прихваченной медвежатиной. Они на ходу перекусили и расстались. Почуйко должен был восстанавливать линию от седьмого поста в направлении шестого, Губкин и Вася — искать Пряхина и Сенникова и тянуть провод дальше.

Не успели они расстаться с Андреем, как Вася схватил Губкина за руку. Они остановились и прислушались. Вдалеке, на склонах, слышался шорох валежника. Но пронизанное лучиками блеклого лунного света разнолесье было безжизненно и покойно.

— Что это? — тихонько спросил Саша.

— Кто-то как будто спускается с сопки.

— Окликнем?

— Подожди... Может, показалось.

Они опять прислушались, шорох больше не повторялся. Вспомнились стремительные тени обитателей тайги, спасающихся от неизвестного бедствия. Губкин с Васей решили, что и этот шорох вызван каким-нибудь перепуганным оленем или кабаном. Связисты торопким шагом двинулись дальше. Им повезло: на одном участке прикрытая склонами сопки линия была почти цела, и они вскоре забыли о странном шорохе.

А по склонам сопки, озираясь и прислушиваясь, шел Сенников.

Ожидая Пряхина, он не то что задремал, а, скорее, впал в забытие и очнулся от грохота и свиста ветра. Впрочем, и ветер, и грохот прошли стороной, по заросшему папоротником и хвощами распадку, и не потрепали Аркадия. И все-таки он почувствовал себя таким одиноким и

заброшенным, таким беспомощным, что прежде всего бросился в распадок навстречу Пряхину.

Быть одному в этом вздыбленном, грохочущем и совершенно непонятном ему мире казалось невозможным. Одиночество, полная беспомощность угнетали Андрея, делали его мягким и податливым. Ему нужны были люди, пусть чужие, пусть даже враждебные, но люди, которые могли бы спасти и помочь ему устоять перед этой свалившейся на него чудовищной, непонятной силой, которая может смять и уничтожить, даже не спросив, хочет он того или не хочет. Он был так мал и одинок среди огромных гор, разлапистых дубов и тополей, так слаб и ничтожен перед могучими взрывами и свистом бешеного ветра... Он метался по горной тайге в поисках Пряхина, звал его и даже плакал. Он мог выдержать все, кроме одиночества, но найти старшину не мог.

Грохот исчез, ветер утих, и в мире опять наступила тишина, всеобщая и гнетущая. Она как бы растворила и поглотила Аркадия, и он решил, что там, возле разгорающегося жуткого в своей безмолвности лесного пожара, старшины быть не может.

«Что ему там делать? — лихорадочно рассуждал Сенников. — Ведь он командир и прежде всего обязан был разыскать меня. Он, наверное, так и сделал, да прошел мимо валуна и не заметил меня. Теперь он, наверное, на посту».

И Аркадий побежал к посту.

— Только бы выбраться, только бы выбраться, — шептал он, спотыкаясь.

Это лихорадочное, похожее на бегство движение быстро измотало его, и он, пошатываясь, пошел медленней. Перебираясь через залитый половодьем распадок, он ладонью зачерпнул

воды, торопливо умылся, потом напился. Холодная вода освежила его, он попробовал разобраться во всем происходящем, да так и не смог этого сделать.

Николай Иванович не услышал его робких, крадущихся шагов, потому что докладывал по телефону обстановку: ни Пряхина, ни Сенникова все еще нет, связи с шестым постом тоже нет, вода в реке прибывает, пожар разгорается. Капитан Кукушкин внимательно выслушал его и спросил:

— Вы хоть немного двигаться можете?

— Если нужно, то, конечно, смогу.

— Нужно, товарищ Лазарев. Очень нужно. Слушайте внимательно. Под утро мы пришлем вертолет с людьми. В темноте ему будет трудно ориентироваться. Разожгите возле поста три больших костра. Понимаете? Три!

— Понятно! Разжечь возле поста три костра. По линии или треугольником?

— Треугольником, но так, чтобы в центре этого треугольника была бы хоть небольшая посадочная площадка. Понимаете?—ответил капитан Кукушкин.

— Учтите, — предупредил Лазарев, — склоны сопки покаты. Сядет ли вертолет? И потом — вода прибывает...

— Вот потому я и говорю «очень нужно», — резко сказал Кукушкин. — Сделайте все возможное. Если не получится, придется держать машину на месте в воздухе. У меня все, действуйте.

— Слушаюсь, — ответил Лазарев, положил трубку, вздохнул и потрогал больную ногу. Было тихо, и в этой тишине он услышал шорох, оглянулся и увидел безмолвного, по-стариковски сгорбившегося Аркадия.

— Сенников! — обрадовался Лазарев. — А где же Пряхин?

Аркадий молчал. Он слышал телефонный разговор Лазарева и уже оценил свой поступок, впервые не пытаясь найти ему оправданий, чувствуя себя безмерно усталым и несчастным.

— Что же вы молчите?! — крикнул Николай Иванович. — Что с Пряхиным?

— Я не знаю, — тихо ответил Аркадий. — Я думал, что он вернулся на пост раньше меня.

Лазарев, опираясь на столб, медленно поднялся на ноги, заглянул в осунувшееся, грязное и странно бесстрастное лицо солдата.

— Как же это случилось? — спросил учитель.

Усталость и опустошенность мешали Аркадию придумать оправдание, попытаться вывернуться. С недоумением взглядывая на себя как бы со стороны, Аркадий медленно рассказал, что с ним случилось, ничего не преувеличивая и ничего не скрывая.

Лазарев молчал. Вначале он думал только о Губкине и Васе, которые, не задумываясь, бросились на помощь Сенникову, думал о пропавшем Пряхине, о Почуйко и вдруг, сам того не желая, задумчиво и даже беззлобно сказал:

— Бросить командира... Струсить... Какая же вы дрянь, Сенников...

Если бы на Аркадия кричали, топали, грозили бы ему и даже били, он в эти минуты принял бы все как должное. Но беззлобный, усталый голос Лазарева, чем-то похожий на вспышку Пряхина, заставил его глубже и безжалостней взглядеться в самого себя. И то, что он увидел, окончательно сломило его. Ноги уже не держали его, он сел на обрубок бревна и, закрыв лицо, зарыдал судорожно, почти без слез, как в детстве.

Рыдания душили, казались непростительно стыдными, точно утверждающими лазаревский приговор, и оттого, что Аркадий понимал это, они только усиливались. Боль, жгучий стыд и сознание полного крушения всего, чем он жил, ломали Аркадия, и справиться с этим он не мог.

Лазарев посмотрел на его вздрагивающие плечи, сплюнул, разыскал топор и стал рубить дрова для костров. Временами, когда нога отрывалась на неловкое движение особенно острой болью, он выпрямлялся и осматривался.

Все так же полыхало зарево пожара. Серп месяца уже заходил за далекие сопки, хотя робкая лунная дорожка еще перечеркивала все прибывающую и прибывающую реку. Безмолвная темная вода уже давно залила прибрежную вырубку и теперь ощутимо быстро подбиралась к самому лагерю.

«Могу не успеть, — подумал Лазарев. — Зальет лагерь, и тогда вертолету некуда будет садиться».

Он опять посмотрел на реку, увидел сгорбленный силуэт Сенникова, услышал его нервное всхлипывание и почему-то живо представил себе красивое, с умными темными глазами лицо Сенникова, его ловкую, подтянутую фигуру, его пусть неприятное, пусть ошибочное, но все-таки самостоятельное поведение, и скорее почувствовал, чем понял: молодой солдат уже надломлен и бить его, лежачего, значит сломать.

С тем умением мгновенно оценивать сложнейшую обстановку и принимать смелые, даже дерзкие решения, которые свойственны офицерам-фронтовикам, Лазарев сделал то, что было, вероятно, единственно правильным в этой обста-

новке. Он выпрямился и резко, властно приказал:

— Встать!

Видно, сидевшая в Сенникове «военная косточка» была достаточно крепкой и надежной и не сломалась даже в этих передрягах. Он мгновенно вскочил и вытянулся.

— Прекратить! Распустился! — снова закричал Лазарев и после паузы, рукой показав на прибывающую воду, жестко спросил: — Понимаете, что это значит?

— Не-ет, — протянул вздрагивающий от нервного напряжения Аркадий.

— Это значит, что через час нас зальет и пост выйдет из строя. Это значит, что нашим товарищам некуда будет вернуться. Понятно?

— Так точно. Но... что же делать?

— Скажите, взрывчатка у вас есть?

— Есть. Вон там, в ровике. Тол. И бикфордов шнур есть.

— А вы с ним умеете обращаться?

— Да... Нас учили перед выходом на линию. На всякий случай...

— Так вот случай подошел. Слушайте, Сенников, нужно взорвать затор в горловине ущелья. Нужно хоть немного освободить дорогу воде. Вы сможете или... или опять струсите? — намеренно жестко спросил Лазарев.

Аркадий качнулся, как от удара, наклонил голову и тихо ответил:

— Я... постараюсь.

— Нужно постараться. Как это сделать, я не знаю. На месте будет видней. Важно найти опорные деревья завала и в первую очередь взорвать их...

Лазарев говорил все спокойней, мягче, и Арка-

дий постепенно успокаивался, хотя нервная дрожь не оставляла его.

Когда они уложили в вещевой мешок желтоватые кубики тола, Аркадий выпрямился, ожидая последних приказаний. Но все уже было сказано, и Лазарев молчал. Это молчание было слишком трудным для Сенникова, и он робко попросил:

— Если можно, простите...

— Прощение там, Сенников. Вернешься — решим.

Аркадий кивнул, круто повернулся и побежал в темноту. И, как когда-то на фронте, отправляя своих подчиненных в бой, а может быть, и на смерть, Лазарев со щемящим чувством долго следил за ним, потом вздохнул и взялся за топор.

21. НА КРОМКЕ ОГНЯ

Пожар занялся за рекой и, подгоняемый порывами ветра, стремительно перескакивал с дерева на дерево, быстро охватывая лесной массив. Вскоре на его пути встала река. Огонь двинулся вдоль реки по подсохшим верхушкам тростников и папоротников. Наконец он добрался до ветровала, зацепился за него и, жадно потрескивая, завывая, стал вгрызаться в поверженные стволы. Среди них, как назло, оказалось много выброшенного летним половодьем сушняка, и огонь, набирая силу, перепрыгивал по сваленным над водой деревьям на другой берег. Кое-где юркие языки пламени уже прорвались к просеке, полизали осмоленные подножия телеграфных столбов и красными червячками затаились в траве, ожидая подкрепления.

Как раз в эту минуту и очнулся старшина

Пряхин. Он лежал под деревом между валунами, куда его швырнула взрывная волна. Ему не хватало воздуха, нестерпимо болела придавленная грудь. Во рту пересохло, и язык стал большим, неповоротливым. Он открыл глаза, увидел мятущиеся языки и разливы пламени, рванулся и опять чуть не потерял сознание от пронизывающей боли.

«Вот попал,— подумал он,— так попал!»

Несколько секунд он собирался с силами, стараясь вспомнить что-то очень важное, и не вспомнил. В неверном, багровом свете лесного пожара он увидел навалившееся на него дерево и понял, что, если огонь перебросится через реку, он сгорит заживо.

Смертельная опасность подстегнула его, обострила мысли, и уже в следующую секунду он с большим трудом вытащил из-за пояса топорик и лежа стал рубить придавившую его ветку. Она хрустнула, дерево, как живое, зашумело, застонало и осело. Напрягая силы, Пряхин выбрался из-под него и с трудом поднялся на ноги.

Его обдало нестерпимым дымным жаром. Шустрые языки пламени то и дело перебегали по ветровалу. Пряхину было ясно, что, если огонь перебросится через реку, линия погибнет. Шатаясь, хватая широко открытым ртом отравленный дымом воздух, он, не раздумывая, прибли-

зился к реке и стал рубить верхушки тех деревьев, которые как мостики были переброшены через реку.

Жар все усиливался. Пряхин окунулся в реку, развязал тесемки ушанки и, опустив наушники, надел ее задом наперед. Глаза теперь были прикрыты от огня своеобразным козырьком. Старшина рубил древесные стволы и топил их верхушки в воде. Когда жар становился нестерпимым, он окунался и снова шел на приступ.

Боль, усталость, дымный воздух мутили сознание, и старшина, чтобы подбодрить себя, запекшимися губами твердил:

— Нужно! Нужно! Нужно!

В эти минуты он стремился только к одному: отсечь пожар от линии. Он все еще силился вспомнить что-то важное, но сделать этого не мог. Все в нем скипелось, сошлось в стремлении во что бы то ни стало выполнить свой долг. То падая и теряя сознание, то поднимаясь и покачиваясь, он все рубил и рубил деревья и с жестоким удовлетворением, как врагов, топил их в воде. В этой схватке на кромке огня он не замечал, что течение реки слабело и она вздулась и кое-где вышла из берегов, несказанно облегчая его почти нечеловеческую борьбу с огнем.

Пряхин приближался к концу ветровала, когда на том берегу реки с грохотом обрушилось огромное сухостойное дерево и легло своей вершиной как раз на тропу у самого телеграфного столба. По траве разметались багровые угли, корчащиеся в пламени ветви. Огонь преодолевал запретную зону, и старшина, не раздумывая, бросился на этот самый опасный участок. Он топтал огонь, сбрасывал его в реку, рубил топором горящие сучья, но огонь возрождался и снова лез

на приступ. Задыхаясь, весь в пару от быстро-высыхающей одежды, с обожженными ресницами, перепачканный копотью, старшина был страшен в эти минуты последних схваток. Силы оставляли его, и он только отчаянным напряжением воли заставлял себя снова и снова идти на штурм и бороться, бороться...

Треск горящего дерева, шипение падающих в воду головешек, завывание огня были так оглушительны, что он не услышал оклика:

— Старшина! Пряхин!

Когда рядом с ним появился Губкин, а вслед за ним и Вася, старшина не удивился и не остановился. Он все так же, пошатываясь, судорожно глотая чадный воздух, шел в огонь, сбивал его и бросал в воду.

Губкин и Вася, тоже только что пробившиеся сквозь огонь, не успели оценить его поведения. Зато они оценили опасность. Они бросились на очередной огневой прорыв, сбрасывая во все прибывающую воду горящие стволы и ветви, и, окутанные облаками пара, дыма и гари, как могли, боролись с огнем.

Пряхин все отставал и отставал от них, в конце концов он споткнулся и упал. Силы оставили его, и он не смог не только подняться, даже крикнуть. Он только хрипел и старался доползти до места новой схватки с огнем.

Первым заметил его исчезновение Вася. Он схватил Губкина за руку и крикнул:

— Старшина!

Губкин сразу понял его и вернулся. Вдвоем они подхватили Пряхина за ноги и под мышки и перетащили на склон сопки. Пряхин хрипел:

— Бросьте! Бросьте! На линию нужно...

Они молча и, как всегда, не договариваясь,

ловко и быстро делали свое дело: уложили Пряхина на склоне сопки, подтащили к нему имущество, торопливо рассказали о событиях на посту. Когда они опять побежали к кромке огня, Пряхин закрыл воспаленные глаза. Мысли были путаные, отрывочные. Постепенно они прояснились, он вспомнил Лазарева и солдат. И тепло, почти ласково подумал: «Не подвели...» Вслед за этой мыслью пришла другая: «А где Сенников? Неужели он погиб?»

Теперь он уже не злился на Аркадия, не презирал его, как несколько часов назад, когда напрасно ожидал его появления. Теперь он беспокоился и ругал себя за то, что отпустил солдата от себя. «Ведь нельзя же в тайге ходить в одиночку. А я разрешил. Ах ты, беда какая!»

Ему уже казалось, что он напрасно придумал и эту учебную тревогу — «Не казарма здесь, нет, не казарма», — и в то же время понимал, что, не будь этой случайной учебной тревоги, судьба линии и их судьба могла бы сложиться иначе. Мысли эти уже не успокаивали.

Честный и прямой, Пряхин брал на себя всю вину, и тревога о молодом солдате мучила его.

«Ну что ж, — решил он. — Пусть Губкин с помощником возьмется с линией, а я обязан разыскать Сенникова. Может быть, он лежит придавленный, и ему некому помочь».

Старшина поднялся и сильно, словно после дремоты, потер лицо обожженными руками. За рекой стояла дрожащая, расплывчатая, переливающаяся огненными подсветами от еще горящих, но уже гаснущих в прибывающей воде деревьев дымная стена, за ней слышались треск и шипение. Иногда поднимался и опадал столб багрового света, который освещал новенькие желто-

ватые столбы телефонной линии. Они стояли, не смотря ни на что. И старшина переменял решение.

«Пока линия не работает,— сказал он себе,— думать только о ней. Все остальное — потом».

Прикрывая рукой воспаленное, в пятнах ожогов лицо, вдыхая кислотоватый запах одежды, он медленно двинулся на помощь Губкину и Васе.

22. ПОСЛЕДНЯЯ И ПЕРВАЯ ПОБЕДЫ

Тропинка шла под уклон, и бежать было легко. Под ногами шуршали сорванные ветром листья и ветки. Месяц скрылся, и в темноте Аркадий часто натыкался на кустарник. Постепенно зрение привыкало, обострялось и он двигался все быстрее и быстрее.

«Вот и все, — повторял он в такт шагам. — Вот и все».

Потом он привык к этому бегу и к своему отрешенному состоянию и странно спокойно подумал, что, в сущности, он идет на смерть. И сейчас же решил: «Так и надо. Так и надо».

О том, что ему предстоит сделать и как это нужно делать, он не думал. Он просто бежал и мысленно хоронил себя.

Но когда тропинка вывела его на кромку темной, жирно поблескивающей в тусклом свете звезд воды и в разгоряченное лицо пахнуло холодком, смешанным с запахом трухлявого дерева и гари, Сенников невольно приостановился и стал вглядываться в широко разлившуюся, мертвенно-покойную воду. Она пропадала в зарослях несваленных деревьев, сливаясь с темнотой, и Ар-

кадий почувствовал, что она медленно, неумолимо всплывает там, за пределами зрения.

Вид и особенно ощущение огромной, затаенно враждебной массы воды испугали Аркадия. Все же это был не тот животный страх, даже ужас, который он испытывал, когда спросонок прикоснулся к холодному, такому же, как эта вода, непонятно враждебному телу змеи и когда он метался вдоль линии после взрыва. Что-то сдерживало этот безотчетный страх, что-то мешало ему прорваться и, как прежде, охватить Аркадия, сломить его волю.

Он стоял перед водой, чувствуя себя удивительно маленьким, жалким и бессильным. В какое-то мгновение он даже освободил одну ногу, чтобы сделать шаг назад, но сейчас же неведомое ему «что-то» не позволило сделать этого, вероятно, решающего в его жизни шага.

— Нельзя... — хрипло сказал Аркадий и вдруг почувствовал, что ляжки мешка с толом больно врезались в плечи. — Нельзя... — повторил он с совершенно неожиданным для себя вздохом сожаления и, отметив это сожаление, разозлился. Что ж, так и катиться вниз, так и пасовать перед трудностями? Это внезапное сожаление, сломив прежнего Сенникова, словно открыло дорогу всему тому, что исподволь накапливалось в нем последние дни. Теперь в Аркадии жили как бы два человека: один — прежний, самовлюбленный, никого и ничего, кроме себя, не уважающий, и другой — новый, еще не все как следует понимающий, еще не всегда знающий, как нужно поступать, но ясно видящий, что жить так, как жил первый Сенников, нельзя. Это открытие не очень удивило его, он уже догадывался о рождении в нем нового человека и поэтому сейчас подумал

о себе с холодным любопытством: «Неужели ты действительно дрянь? А? Сенников?»

И самое удивительное было то, что тот, первый, на кого он смотрел со стороны, будто на чужого, не смолчал. Он стал оправдываться любовью к жизни, своей красотой, умом, необыкновенностью, но оправдываться так жалко и путано, что Аркадий сразу заметил: человек тот просто труслив.

Сенников присел на землю, закрыл лицо руками и с грустью решил: «Да, дрянь... Но что же делать?»

Жить таким двойным он уже не мог, а как жить новым, еще не знал, и поэтому первым движением его души было жертвенное примирение с собственной неудавшейся жизнью, готовность снести и перенести все, даже смерть, лишь бы не портить жизни ни себе, ни людям. Видно, прав был опытный офицер-фронтовик Лазарев, когда вместо нудных разговоров просто накричал на Аркадия и тем вывел его из состояния самоунижения. Он верил в человеческую гордость Сенникова, в его «военную косточку», когда посылал солдата на это трудное дело. И, видно, не ошибся.

Почти примирившийся со смертью, Аркадий отвел руки от лица, чтобы еще раз посмотреть на окружающее, и увидел, что безмолвная, пахнущая тлением и гарью вода незаметно подобралась к его сапогам — темная, жирно-поблескивающая и страшная. Глядя на нее, Аркадий вспомнил, зачем он здесь, и подумал, что раз все равно ему предстоит умереть, так уж лучше умереть с пользой. И сознание, что он еще может быть полезен не только и не столько себе, а дру-

гим, помогло ему выйти из оцепенения и придало силы растерявшемуся, новому Сенникову.

Этот новый Сенников держал в руках дело, оно вело его и подсказывало, что и как нужно делать, освобождая и приводя в движение парализованные было силы.

Теперь вода показалась не столько враждебной, сколько насмешливой. Аркадий почувствовал, что в сердце у него быстро поднимается холодок острой злости.

— Ну нет, дрянь... Нет! — зашептал он, сжимая зубы и суживая глаза.— Нет, сволочь! Нет.

Он вскочил на ноги, твердо зная, что это «нет» относится и к старому Сенникову, и ко всей его прошлой жизни, и к темной воде. Поправив вещмешок, он, спотыкаясь и задыхаясь, с колотящимся сердцем зашагал к ущелью, веря, что сделает все, что будет в его силах.

Первые подтащенные рекой деревья зацепились ветвями за выступавшие из воды камни. Течение прижало их, и они укрепились. Потом на них легли другие, они переплетались корнями, перепутывались еще живыми, гибкими и сильными ветвями в листьях и хвое.

Вода заметалась меж ними и начала искать лазейки, а река тащила на себе много дернин, травы и лиан, и все это вместе с водой тоже бросалось в щели и, не протиснувшись, забивало их, наращивая запруды.

Иногда собравшей силы реке удавалось перевалить через гребень плотины. Тогда, подхваченные образовавшимся течением, к промоине спешили новые стволы, дернины и лианы. Завал поднимался выше, река затихала и вспучивалась.

Сенников подошел к плотине, когда река, подтащив несколько стволов, укрепила свою пре-

граду и, набирая силу, стихла. Эта тишина поразила Аркадия. Если бы его встретил грохот, свист, он, вероятно, не так бы растерялся, как перед этой тихой, темной преградой. Всего несколько минут назад разлившаяся вода казалась ему такой огромной и почти одухотворенной, что устоять перед ней, казалось, не мог никто. Но тут, в ущелье, была еще большая сила, которая так же молчаливо побеждала воду. И Аркадию, подавленному величием этих сил, на минуту показалось просто смешным вступать с ними в борьбу. Один он — слабый и дрянненький человек с мешком тола за спиной — и эти две силы.

Аркадий усмехнулся, покачал головой. Потом прислушался и услышал странный свист. Как будто где-то внизу, в ущелье, лопнула батарея парового отопления. Затем послышался плеск, и Аркадий встрепенулся: вода, кажется, не такая уж слабая. Она находит себе лазейки.

Он обогнул завал и по скользким камням спустился вниз, на русло реки, по которому струился ручеек. Откуда он брался, Аркадий не видел. Звезды над ним горели теперь гораздо ярче, чем возле кромки разлива, но тьма сгустилась.

«Что ж... Начнем с разведки», — решил Аркадий, снял мешок с толом, положил на него карабин и полез вверх за дровами.

Первое, что осветил разгоревшийся костер, были свистящие струи воды, бившие из завала. На мгновение опять стало страшно, но Аркадий только выругался, вытащил из костра пылающую смолистую лесину и пошел вдоль завала, все яснее осознавая опасность положения. Одно неловкое движение могло сорвать всю эту случайную плотину, и тогда — смерть. Теперь ему было

даже приятно сознавать опасность и видеть, что она его не ломает, а, наоборот, вызывает удивительное, близкое к восторгу чувство.

И когда он поймал себя на этом ощущении, он опять выругался и жестко, властно и гораздо проще, чем раньше, подавил его и заставил себя думать о деле.

Вскоре он нашел одно из первых деревьев, послуживших как бы основанием плотины. Оно уперлось в огромный камень, и весь его ствол, как и ствол другого, лежавшего на первом, был расщеплен той страшной силой, которая незримо давила на них. Прикинув расположение стволов, Аркадий правильно решил, что, если здесь, в этой главной точке приложения двух сил, приложить и третью — взорвать весь тол, что у него имеется, все полетит к черту.

Он еще раз обошел завал и более подходящего места для взрыва не обнаружил. Тогда он сел возле своего мешка, вспомнил, как его учили обращаться с толом, и подготовил его к взрыву. Потом подошел к расщепленным деревьям, лямками привязал к ним мешок, размотал половину захваченного с собой бикфордова шнура и поджег его.

Подхватив оружие, Аркадий стал карабкаться вверх. Ему очень хотелось как можно скорее удрать из ущелья, но то близкое к восторгу чувство, которое он уже раз подавил в себе, заставило его оглянуться, а потом горделиво представить себе, как через несколько минут вся эта масса воды и деревьев с ревом и грохотом, ломая все на своем пути, ринется вниз.

И когда он представил это, то опять почувствовал ужас и впервые подумал о том, о чем не вспомнил ни разу.

— Линия! — закричал он и бросился вниз.

Да, если вся масса воды и бурелома понесется вниз, она затопит и, вероятно, сломает линию связи. Сейчас, в новом своем состоянии, Сенников не мог допустить этого. Теперь он не думал о смерти, не испытывал страха или близкого к восторгу чувства. Теперь он думал о деле, о долге. Добежав до бикфордова шнура, Сенников грудью упал на него и перегрыз зубами. Отброшенный обрывок шипел и потрескивал. «Что же делать?»

Сенников быстро взял себя в руки. Он встал, отвязал мешок с толом и раздул костер. Прихватив головешку, еще раз прошел вдоль завала, на вершине которого глухо плескалась вода. Река набирала силы и, значит, заливала седьмой пост.

Теперь Аркадий не заставлял себя думать о деле. Оно стало его сущностью, и потому все постороннее сразу ушло. Мозг работал четко и ясно. Аркадий разделил тол на три кучки, разорвал мешок на тесемки (он забыл захватить с собой шпагат или кабель) и связал этими тесемками толовые шашки. Потом осторожно взобрался по стволам почти до вершины завала, укрепил здесь одну связку. Вторую связку шашек он положил левее первой и чуть ниже, третью — правее и еще ниже. Шнур второй был вдвое длинней, чем у первой, а у третьей, пожалуй, даже втрое длинней, чем у второй связки шашек.

Когда задымился последний шнур, Аркадий выбрался из ущелья и залег за камень. Все еще затянутые дымом, звезды тускло отражались в воде. Но она уже не казалась ни страшной, ни одушевленной. Она была просто водой.

Первым, как и рассчитывал Аркадий, рванул

средний самый верхний заряд. Ослепительное пламя подсветило лениво взлетающие вверх щепки и алые брызги. Грохот прокатился по округе, замер, слышался глухой, ворчливый шум — в пробойну ринулась вода. Прошло несколько минут, прежде чем шум стал ровным, слитным. По

разливу пробежала рябь течения. Еще через несколько минут гроыхнул второй взрыв. Шум воды усилился, слышался треск падающих деревьев. Наконец рванул третий взрыв, и рябь стала струистой, все убыстряющейся, а шум перерос в рев.

Плыли деревья,плыли кусты,исчезая в темноте ущелья. Из него неся все усиливающийся рев воды.

Аркадием овладела удивительно светлая и легкая радость, такая, какой он еще не знал. Не в силах совладеть с ней и даже стыдясь ее, он уткнулся разгоряченным лбом в тронутый предутренней росой камень и долго лежал, отдыхая каждой жилкой.

Когда он поднял голову, небо явно посветлело и вода неслась все стремительней и стремительней. Аркадий встал и, пошатываясь, пошел к посту.

23. ИЕРОГЛИФЫ СИХОТЭ-АЛИНЯ

С пожаром теперь боролись только Пряхин и Вася. Губкин лазил со столба на столб, исправляя и соединяя линию. За распадком, невдалеке

от границы с шестым постом, он увидел вооруженных людей. Саша быстро соскочил со столба и залег в траве. Когда неизвестные приблизились, он окликнул их требовательным, уставным окриком:

— Стой! Кто идет?

Вооруженные люди не стали ни прятаться, ни стрелять. Они остановились и закричали:

— Свои! С шестого поста!

Саша поднялся и подпустил знакомых связистов, тоже закопченных, усталых и счастливых, поближе.

— Значит, живы? — кричали товарищи. — А мы к вам!

— С побережья целый отряд отправляется — седьмой пост выручать.

Оттого, что сослуживцы были так искренне обрадованы, с такой радостью тискали Сашу, он окончательно смутился и почувствовал, что к горлу подступает непрошенный комок. Ему захотелось обнять товарищей и поблагодарить их, а за что, он и сам не знал. Ведь, в сущности, все произошло именно так, как они думали и как должно было произойти. Но именно потому, что, вопреки всем бедам, неожиданностям и несчастьям, все произошло так, а не иначе, к горлу и подступал комок.

Губкина хлопали по взмокшей спине и беспричинно смеялись. Только когда к связистам подошел старшина Пряхин, Губкин вспомнил, что последнего соединения он не произвел и линия все еще разорвана. Он быстро взобрался на столб и, сделав скрутку на проводах, подсоединил телефон. По праву старшинства Пряхин взял трубку и несколько раз окликнул седьмой

пост. Седьмой пост молчал. Зато сразу же откликнулись шестой, пятый и все остальные посты до самого побережья. Пряхин выждал, пока линия успокоится, и доложил о встрече с надсмотрщиками, о ликвидации пожара. В ответ донесся чей-то резкий голос:

— Надсмотрщикам седьмого поста по линии возвращаться назад, поднять линию, добиться связи, надсмотрщикам шестого — восстанавливать второй провод.

Нужно было расходиться. Встретившимся после бурной ночи связистам еще хотелось побыть вместе, обсудить положение. Они, не стовариваясь, проводили Пряхина до того места, где было сложено его имущество, закурили и помолчали.

— Что же это все-таки было, товарищ старшина? — спросил один из связистов.

Пряхин ответил не сразу. Он долго смотрел на угасающий пожар, на алые блики на прибывающей воде и честно сказал:

— Не знаю, товарищи! Думаю, что не бомба... Тут что-то другое.

— Вот и мы так думаем.

Связисты поговорили еще несколько минут и расстались.

Высокое небо было задернуто багровой нелепой, и в ней иногда робко проглядывали звезды. От пожарища тянуло паром и гарью. Дышалось тяжело. С оглушительным треском рушились горящие деревья, шипели искры и головни. И в этой сумятице звуков явственно раздался глухой звук взрыва. Связисты переглянулись и почти бегом бросились вдоль линии.

Пряхин приказал:

— Губкин, проверь-ка линию.

Саша полез на столб, подключил аппарат и крикнул:

— Молчит!

Вскоре раздался еще один взрыв и еще... Стой минуты опять началась лихорадочная работа. Скрывая боль, закусывая губы, Пряхин, как и Губкин, полез на столбы соединять провода. Вася как мог помогал им, и все трое не заметили, что вода перестала прибывать. Наконец они добрались до нетронутого участка линии, сделали последнюю остановку и связались с Лазаревым. Тот доложил:

— У меня все в порядке, Почуйко еще на линии, Сенников взорвал затор.

— Жив, значит? — вырвалось у Пряхина.

— Да, жив, — почему-то невесело ответил Лазарев.

Старшина не заметил его грусти. В эту минуту он понял, что смертельно устал и, пожалуй, не дойдет до поста. Губкин смотрел на освещенного неверным, багровым светом старшину, и он показался ему особенно сильным и мужественным. Вдруг Пряхин мягко скользнул прямо в воду. Связисты подхватили его и потащили вверх, на сопку, положили под уступом скалы.

Брезжил рассвет. Редкие, перекрученные ветрами деревья, низкая, выжженная солнцем трава, выпирающие из сопки острые каменные отроги были усеяны каплями и подтеками холодной росы — приближалось утро. Потянул ветерок. Тело стала бить дрожь — промокшая одежда не грела. Старшина очнулся, полежал немного без движения, потом упрямо стиснул зубы, поднялся и прислонился спиной к утесу.

— Надолго застряли? — спросил он.

— Не знаю, — серьезно сказал Саша. — Нужно отогреться, отдохнуть. Простудимся.

— До поста недалеко. Дойдем.

— Это правильно: дойдем. Да ведь нам еще работать нужно.

Пряхин внимательно посмотрел на строгого Губкина, словно он увидел его впервые. Нет, это был уже не мальчик — слегка восторженный и милый. Перед ним стоял усталый, в разодранной и перепачканной форме, увешанный оружием и связистским имуществом, спокойный и требовательный солдат. Пряхин подивился такой заметной перемене и заглянул Саше в глаза. В их уверенной сосредоточенности он увидел что-то очень твердое, смелое и в то же время открытое, то самое, что увидел на рыбалке Аркадий. Старшина внутренне насторожился и хмуρο сказал:

— Смотри-ка, командир какой...

Но возражать не стал.

Далеко, на вершинах главного хребта, светло-фиолетовыми, почти голубыми пятнами проступали снега. Они оттеняли глубокую и, казалось, бездонную темень, лежавшую на склонах. Все вокруг было величаво и спокойно. Вправо еще чадил затихающий пожар, влево, на фоне начинающего зеленеть неба, вырисовывалась вершина сопки, на которой остановились связисты. Пряхин вдохнул чистый горный воздух, принесенный порывом предутреннего ветра, и опять посмотрел на отроги главного хребта.

К костру вернулся Губкин с охапкой дров, с тревогой взглянул на Пряхина. Маленькие серые глаза старшины были широко открыты и, не мигая, смотрели вдаль. Жесткое, обветренное лицо тронула растерянная и в то же время восторженная улыбка. Губкин еще никогда не

видел своего командира таким. Саша обернулся и несколько мгновений блуждал взглядом по кромке светящихся снегов и вдруг, тихонько охнув, подался вперед. На его перепачканном копотью лице застыла та же удивленная и восторженная улыбка, что и на лице Пряхина.

Вася Лазарев услышал, как охнул Губкин, тоже посмотрел в сторону хребта и через секунду торжествующе крикнул:

— Иероглифы Сихотэ-Алиня!

Губкин обнял его, прижал к себе.

— Молчи...

Не отрываясь, смотрели они на склоны главного хребта. Там, в густой и, казалось, бездонной темноте, призрачным зеленоватым светом светился огромный иероглиф, точно такой, какой рисовал Николай Иванович, — похожий на букву «А», только с двумя перекладинками. Местами его очертания прерывались, местами зеленоватый свет был особенно ярок, будто там упали предутренние звезды или слетелись светляки. Но общее очертание было точным. На склонах главного хребта Сихотэ-Алиня лучился древний бохайский иероглиф. В этом не было никакого сомнения.

— Надо дяде Коле сказать! Значит, все правда! Значит, легенда верная!

— Ну что ж, командир, — почти весело сказал Пряхин. — Принимай решение.

— Надо идти, товарищ старшина. Если вы, конечно, сможете, — улыбнулся Губкин. — Хоть иероглиф теперь от нас не убежит, а все-таки не терпится.

Они начали торопливо собираться в путь.

— Интересно, а почему он светящийся? — за-

думчиво спросил Губкин.— Ведь Лазарев говорил, что он выписан деревьями...

— Дядя Коля объяснит,— уверенно сказал Вася.— Пойдемте скорее на пост. Он все расскажет.

24. ЖИЗНЬ ИДЕТ ДАЛЬШЕ

Когда Пряхин и солдаты пришли на пост, на нижней вырубке, задрав хвост и устало опустив лопасти винта, стоял вертолет. Несколько связистов выгружали из него имущество. Вася покосился на не виданную им машину, но не выдержал и закричал:

— Дядя Коля! Нашли! Иероглиф нашли!

Осунувшийся, с небритой клочковатой щетиной на впалых щеках, Николай Иванович слегка побледнел, потом его скуластое лицо покрыл румянец.

— Этим не шутят,— сказал он предостерегающе.

— Да честное слово, нашли!

— Верно, верно,— подтвердил Пряхин.

Захлебываясь, Вася рассказал, как было дело, и показал, где они увидели необычное свечение.

— Но почему, почему он светился?

— Не знаю... — несколько растерялся обрадованный Лазарев.— Не знаю... Впрочем... Ну да... Как же это я раньше не подумал! Ведь понимаете, товарищи, иероглиф по преданию высаживали много веков назад. Что ж удивительного, если обозначавшие его деревья успели к нашим дням умереть, свалиться на землю, а на их месте выросли молодые. Но умершие деревья лежали на склоне каменистой горы и медленно гнили, тлели. Понимаете, гнили? А кто из вас не видел

ночью светящихся гнилушек? Когда над ними стоял лес, заметить свечение издалека было невозможно. А когда лес был либо свален порывами ветра, либо просто очищен от листьев и стал как бы прозрачным, заметить свечение было уже нетрудно. Нужно только уметь наблюдать.

— Здорово! — улыбнулся Пряхин. — Значит, легенда не подвела.

— Выходит, — хитро усмехнулся Лазарев. — Я вам даже больше скажу. Секретарь райкома просил вашего командира послать за мной вертолет потому, что из Москвы прибыла поисковая группа. И добился ее тот самый мой бывший механик-водитель Васьков. И еще, чтобы вас не смущало последнее обстоятельство, в нашей школе в этом году задержали занятия на месяц: достраивают интернат. Ведь наши ученики — таежники, лесные работнички. А сентябрь здесь в лесу — месяц сбора урожая, и они все разбрелись по тайге. Вот мы и решили немного передвинуть начало учебного года...

— Почему вы мне об этом говорите? — нахмурился Пряхин. — Притом именно теперь?

— Видите ли, во всем нужна ясность. Я ее вношу. А раньше почему не сказал? Да просто не подумал, что это может вызвать подозрения. А вы... вы тоже промолчали. А ведь если бы мы сразу поговорили, было бы много лучше.

— Пожалуй... — смутился Пряхин. — Да ведь неудобно беспокоить больного человека... — И чтобы прекратить в общем-то не очень приятный разговор, резко спросил: — Кто прибыл на пост?

— Командир взвода — он со своими солдатами пошел на линию — и ваш батальонный врач.

— А врач где?

— Захватил пробирки, приборы и пошел к реке.

— Кстати, не звонили, что это все-таки было?

— Звонили. Крупный метеорит. Вы заметили, что все время было много падающих звезд? Видимо, земля встретилась с роем метеоритных тел — остатками давно взорвавшейся планеты или кометы. И вот один из них прорвался через атмосферу и наделал столько бед.

— Выходит, ничего страшного!

— Выходит... Тренировочка, так сказать, в условиях, максимально приближенных к боевым. Так ведь теперь говорят в армии?

— Так, — согласился Пряхин, помолчал и спросил: — А... Сенников не приходил?

— Я ждал этого вопроса, — задумчиво сказал Лазарев. — Понимаю, вам нелегко, но поговорить об этом солдате требуется.

— Мне самому с ним разобраться нужно, — задумчиво ответил Пряхин, не любивший, когда кто-либо вмешивался в его командирские дела.

— Я попробую вам помочь. — И Николай Иванович рассказал все, что ему было известно о Сенникове.

— Что же теперь с ним делать? — спросил старшина.

— Думаю, что самое главное уже сделано, он переломил себя: все-таки он взорвал завал. Придет — решите. Но... — Николай Иванович замылся.

— Что «но»?

— Дело в том, что, возможно, во мне говорит сейчас педагог. Хотя командир, офицер тоже педагог-воспитатель... Так вот. Я бы не советовал ругать его, накладывать взыскание. Это может надломить парня, сбить с правильного пути. Он,

по-моему, уже наказал себя и, что самое главное, доказал, что исправился. Но... Но оставлять его на посту я вам не советую.

— Почему?

— Видите ли... Ему здесь все будет напоминать о его постыдном поведении, и товарищи ему не простят. Они молоды, а молодости, знаете, иногда свойственна чересчур жестокая справедливость.

— Хорошо,— прищурился Пряхин.— Подумаю.

Он тяжело вздохнул и впервые за все эти трудные сутки посмотрел на свои больные натруженные руки. Они кровоточили, и кровь, перемешиваясь с копотью, засыхала коркой. Ныли ссадины и ожоги. По мере того как его оставляло напряжение последних часов, и руки, и лицо, и всё тело начинало болеть все сильнее и сильнее. Пряхин, морщась от боли, раздраженно спросил:

— Где же этот врач?

— Губкин с Васей пошли за водой и приведут его.

Батальонный врач, уже пожилой, начинающий полнеть капитан медицинской службы, еще взбираясь по склону, начал отчитывать Пряхина:

— Безобразие! Столько времени действовали в неизвестной вам обстановке и даже не подумали сменить белье и обмундирование. Да что сменить, помыться и то не удосужились.

Он еще долго ворчал, ловко и быстро обрабатывая пряхинские порезы и ожоги. Потом осмотрел Губкина и Васю, но ничего серьезного у них не нашел.

— Это и весь ваш пост, Пряхин? — спросил он.

— Никак нет! — ответил Сенников, выходя из ближнего кустарника.— Есть еще рядовой Сенников.

Он подошел к капитану, спросил у него разрешение обратиться к старшине и доложил о прибытии и выполнении задания.

Пряхин хотел было напомнить ему, что докладывать следует тому, кто давал приказание, но Лазарев похлопал себя по плечу, как бы показывая, что, раз на нем нет погонов, значит, человек он штатский и приказов солдату давать не может. Потом он показал глазами на солдат. И Пряхин понял его.

— Хорошо,— сухо сказал он.— Отдыхайте.

Сенников повернулся и встретился взглядом с Почуйко. Андрей аппетитно затаился по привычке «выстреленным» у прибывших связистов табачком и с веселой издевкой протянул:

— Явился... Зараз командовать начнет.

Сенников слегка побледнел, затем подошел к Андрею и попросил:

— Оставь покурить, Андрей.

Почуйко недоуменно взглянул на него, протянул сигарку и подозрительно спросил:

— Чегой-то ты такой?.. Мяконький...

— Подожди, все узнаешь,— просто ответил Аркадий и жадно затаился.

Уверенный, что все на посту уже знают о его позоре, Аркадий, вероятно, сам рассказал бы Почуйко обо всем, но его подозвал врач.

После осмотра капитан сказал:

— Так вот, товарищ старшина: вам, Почуйко и вашим гостям — в вертолет. Сенников и Губкин могут нести службу.

— А чего я полечу? — возмутился Андрей. — Мне и здесь гарно. У меня и нога уже не болит.

— Товарищ капитан,— сказал Пряхин,— я бы

попросил вас оставить рядового Почуйко на посту. Если, конечно, можно.

— Ну, если он так настаивает... И потом, при условии соблюдения постельного режима, хотя бы на несколько дней.

— Это чтоб лежать? — уточнил Почуйко. — Так я согласный на такой режим хоть на месяц. Все засмеялись. Капитан приказал:

— Давайте, давайте в машину. Мне вас отвезти нужно и на шестой пост слетать.

— Еще просьба, товарищ капитан, — сказал Пряхин. — Пусть рядовой Сенников меня сопровождает.

Врач внимательно взглянул на старшину и прочел в его глубоко спрятанных глазах что-то такое, что заставило его развести руками:

— Вы командир, вам видней.

— Губкин! — крикнул Пряхин. — Останешься за старшего. Лейтенанту доложить все как было. Понятно?

— Слушаюсь.

Только сейчас Вася понял, что он должен улететь, расстаться с этим, ставшим ему дорогим, седьмым постом и с замечательным товарищем Сашей Губкиным. Вася не сдержал наворачнувшихся слез, бросился к Губкину и схватил его за руку:

— Я приеду еще. Ты жди! Ладно?

— И ты меня жди, — серьезно сказал Саша. — Я тоже приеду к тебе в отпуск.

— Может, и меня захватит, — задумчиво сказал Почуйко.

Они помолчали. В эту минуту к ним подошел Сенников.

— Вот что, ребята,— очень спокойно и даже душевно сказал он.— Я тут начудил кое-чего... Ну, сами знаете... Так вот. Если можно, простите. А я... Я никогда не забуду...

Глаза у него подозрительно покраснели, и он замолк.

— Ты дывысь, як его перевернуло,— удивился Андрей.

Аркадий понял: последними часами он только искупил свою вину, а чтобы добиться уважения — да какой там уважения, просто товарищеского равноправия,— ему предстоит еще потрудиться. И дело не только в том, что он будет делать все как можно лучше. Дело в неизмеримо большем и важном, что, в сущности, и делает человека человеком — в умении всегда, везде, во всех случаях думать прежде всего о других, о деле, а потом уже о себе. Новый Аркадий понимал, что умение это придет не сразу, и поэтому он не обиделся на Андрея.

— Давайте в машину! — закричал врач.

Аркадий Сенников протянул руку, и ее пожали. Он взглянул в глаза товарищам, и они не отвели взгляда. Почти счастливый Сенников побежал к машине.

Почуйко и Губкин попрощались с отлетающими и долго смотрели, как медленно, точно на ощупь, отрывался вертолет от земли, как он разворачивался, поблескивая в лучах взошедшего солнца. Провожая его взглядом, Губкин не ощущал наступающего одиночества. Он знал, что товарищи близко, что тайга не так уж страшна.

Один из окончивших разборку имущества связистов крикнул:

— Слышь, старшой? Лейтенанта будем ждать или приступим к работе?

Губкин встрепенулся, мгновенно оценил все, что он знал о положении на линии, и решил:

— Зачем ждать... Тяните вторую нитку в сторону восьмого поста. Там вас встретят.

Связисты ушли, и Саша сказал:

— Нужно бы порядок навести, лейтенант подойдет.

— Ты чув, шо врач сказал? — спросил Андрей.

— А что он сказал?

— А то, шо мне постельный режим трэба. Поняв? А ты меня работать заставляешь. Це как считается? И вот все вы такие — не успели в командиры вылезти и — то роботы, туды сбегай.

— Но, Андрей, я же...

— Ну шо Андрей? Ну, Андрей, — привычно начал бурчать Почуйко, сердито перебирая разбросанное имущество. — Разве ж я не правду кажу? Вот мне лежать трэба. Для здоровья. А ты — прибирайся. Разве ж это правильно?

Он еще долго и сердито разносил все губкинские недостатки. Потом вдруг остановился на полуслове и, держа в руках недочищенную сковородку, мечтательно сказал:

— А все ж таки, Сашка, до чего ж здесь красиво.

Они оглянулись. Залитые утренним солнцем сопки стали как будто выше и приблизились. Уцелевшие от ветровала деревья потеряли листву, и тайга сквозила, как весной. Река уже вошла в свои берега, пожар затух и дышалось снова легко и привольно. Снега на главном хребте горели ослепительно белым светом.

— Вот откроют ту руду, — мечтательно произнес Андрей, — построят заводы, а тут, где наш пост стоит, вырастет город. А что? Самое место! — сказал он убежденно и принялся дочи-

щать сковородку. — Потому река рядом. В ущелье плотину отгрохают, электричество даровое, и будем мы с тобой, Сашко, до милашек на троллейбусе ездить. А?

Губкин не ответил. Он думал о том, что после армии он, наверное, останется в этих краях. Потому что места эти — чудесные.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
1. Последние шаги	3
2. Новый дом	6
3. Ночные тени	14
4. Кто же трус?	22
5. Первые неприятности	30
6. Битва над рекой	34
7. Встреча у заводи	40
8. Второе падение Аркадия	44
9. Новое знакомство	51
10. Государство Бохай и его наследство	58
11. Раздумья	65
12. Хозяин тайги	69
13. На древнем городище	82
14. Раскрытые тайны	90
15. На рыбалке	97

	<i>Стр.</i>
16. Кабанье стадо	109
17. Скандал на птицеферме	114
18. Так исполняется долг	122
19. Сохатый	132
20. Солдат уходит в бой	138
21. На кромке огня	146
22. Последняя и первая победы	151
23. Иероглифы Сихотэ-Алиня	158
24. Жизнь идет дальше	164

Мелентьев Виталий Григорьевич
(ИЕРОГЛИФЫ СИХОТЭ-АЛИНЯ) повесть.
М. Воениздат, 1961. 176 с.

Редактор *Митичкина А. П.*
Художественный редактор *Гречиго Г. В.*
Художник *Кононов И. А.*
Технический редактор *Кузьмин И. Ф.*
Корректор *Квашук Л. П.*

* * *

Сдано в набор 4.10.60 г.

Подписано к печати 3.1.61 г.

Г-72501

Формат бумаги 70×92¹/₃₂ — 5¹/₂ печ. л. 6,435 усл. печ. л. 6,722 уч.-изд. л.

Тираж 65000

Изд. № 12/1999

Заказ № 1374

* * *

2-я типография Военного издательства
Министерства обороны Союза ССР.
Ленинград, Д-65. Дворцовая пл., 10.

Цена 26 коп.